ДЖО

УОЛТОН

ЛАУРЕАТ ВСЕМИРНОЙ ПРЕМИИ ФЭНТЕЗИ

КЛЫК и КОГОТЬ

Клык и коготь

Джо Уолтон

Аннотация
Джо Уолтон. Клык и коготь
Посвящение, благодарности и замечания
I. Смерть Бона Агорнина
  1. Признание
  2. Парлор
  3. Столовая
  4. Некоторое неприличие в нижней пещере
II. Некоторые далеко ведущие решения
  5. Иск Эйвана
  6. Намерения Фрелта
  7. Мольба Эймер
  8. Предложение
III. Сестринский обет
  9. Окрас Селендры
  10. Сестринский обет
  11. Сюрпризы для Пенна
IV. Покидая Агорнин
  12. Приготовления Пенна к отъезду
  13. Пенн и Селендра отбывают
  14. Эйнар отбывает
  15. Себет

16. Каверзы поглощения
V. Владения Благородной Бенанди
17. Фелин Агорнин
18. Благородна
19. Виды Шера
20. Путешественники прибывают
VI. Дела в Ириете
21. Важность шляпок
22. Выпущенные когти
23. Офисная политика
24. Второе признание
VII. Званый обед
25. Благородна одобряет Эймер
26. Перводень в Бенанди
27. Селендра и Шер
28. Званый обед
VIII. Иск получен
29. Блага Даверака
30. Иск получен
31. Второй званый обед
32. Письма
IX. Пикник
33. Благородна говорит с Шером
34. Водопад
35. Пещера
36. Сокровище

X. Выбор союзников
37. Третий званый обед
38. Даверак советуется с поверенным
39. Второе предложение
40. Второе смертное ложе
XI. Любовь Драконицы
41. Третье предложение
42. Разговор в Резиденции
43. Разговор в приходском доме
44. Разговор в шляпном заведении
XII. Высшее общество
45. Третье признание
46. Четвертое предложение
47. Первые слушания
XIII. Глубокозимье в Бенанди
48. Четвертое признание
49. Светская жизнь
50. Пятое предложение
51. Пятое признание
XIV. Прибывая в Ириет
52. Шестое предложение
53. Покидая Бенанди
54. Эйнар отправляется на прогулку
55. Дом Бенанди
XV. События сходятся воедино
56. Седьмое предложение

57. Третье смертное ложе и шестое признание
58. Третий званый обед и седьмое признание
59. Второе слушание
XVI. Вознаграждения и свадьбы
60. Рассказчик вынужден признаться, что потерял счет как предложениям, так и признаниям
61. Сестры вспоминают о своем обете
62. Бал у Высокородных Телсти

Аннотация

Вы знаете эту историю. Родственники пытаются справиться со смертью отца семейства. Сын отправляется в суд, чтобы отстоять свое наследство. Другой мучается из-за того, что отец поведал ему на смертном одре. Одна дочь попадает под дурное влияние, другая приносит себя в жертву ради счастья мужа. Это мир политики и прогресса, церковных служителей и верных слуг, аристократов и пышных приемов. Вот только после смерти скорбящие родственники пожирают труп покойного патриарха, а заслуженные члены общества, соблюдая все формальности и ритуалы, должны исполнить свой долг: съесть отпрысков послабее. Все ради силы и процветания рода.

Нет, на самом деле вы не знаете эту историю, ведь все участники этой драмы – не люди. А драконы.

Джо Уолтон
Клык и коготь

Посвящение, благодарности и замечания

Я посвящаю эту книгу моей тетке, Мэри Лэйс, за то, что она прошла для меня по дороге, ведущей к фантазии, по этой и многим другим дорогам вместе со мной, настолько же реальным, насколько и фигуральным.

Во многом этот роман обязан книге Энтони Троллопа «Фрамлейский приход».

Я выросла на викторианских романах. Потом такие люди, как Джоан Эйкен, Джон Фаулз и Маргарет Фостер, добились чудесных результатов, написав викторианские романы на современный лад, вкладывая в них то, что оставалось за пределами классических текстов той эпохи. В результате получилось нечто очень интересное, но не викторианский роман. Следует признать, что некоторое количество ключевых аксиом викторианского романа неверны. Люди в жизни не такие. Особенно женщины не такие. Эта книга была написана как ответ на вопрос, каким был бы мир, если бы они все же были такими, если бы

аксиомы сентиментального викторианского романа были бы неизбежны, как законы биологии.

Я бы хотела поблагодарить Патрика Нильсена Хейдена за то, что он принял роман, довольно отличный от того, что ожидал получить; Дэйвида Гольдфарба, Мэри Лэйс и Эммета О'Брайена — за то, что читали его по мере написания и делали полезные комментарии; Сашу Уолтона — за то, что нарисовал мне очень полезную картинку, делал бесконечные предположения, некоторые — очень дельные, и был терпелив (опять) во время написания романа; а также Элеонор Дж. Эванс, Джанет Кегг, Катрин Лето, Сару Монетт, Сьюзан Рамирез и Вики Розенцвейг за чтение первых вариантов этой книги.

Я бы также хотела поблагодарить библиотеки Уэстмаунт и Этуотер за их отличную коллекцию Троллопа и за список рассылки Trollope-1, а особенно Эллен Муди за обсуждения, породившие немало мыслей. Благодарности также полагаются Элизе Маттизен за мое прекрасное ожерелье «Исполненные разума драконы», а также моему партнеру Эммету О'Брайену за любовь и восхищение во время работы. Без всего этого роман не был бы написан.

Жизнь, смерть, начало и конец.
И Духа нет, но есть дыханье.
Погибнет всякое созданье.
Вот всё. – А человек, венец

Творения, кто путь к вершине
Себе наметил, кто ветрам
Читал псалмы и хрупкий храм
Построил для своей святыни,

И верил, что Любовь от Бога,
Она – закон его, хотя
Природы алый клык и коготь
С сим кредо спорят не шутя,

Кто жаждал истину найти,
Любил и с тысячей страстей
Сразился, – станет горсть костей,

И только? Прах в твоей горсти?
Так кто ж он – недоразуменье?
Фантом? Чудовище, каких
Не знают толщи недр земных,

Ошибка жалкая творенья?[1]

Альфред, лорд Теннисон из «In Memoriam A. H. H.», 1850

Я полагаю, моя мать хотела бы женить меня на какой-нибудь драконице. Так бы, право, и сделал это, чтобы ей самой житья в доме не было от этого созданья. Вот поделом бы ей было!

Энтони Троллоп, Фрамлейский приход, 1859

[1] notes: 1
Перевод Татьяны Стамовой.

I. Смерть Бона Агорнина

1. Признание

На смертном одре Бон Агорнин корчился и бил крыльями так, будто собирался улететь к новой жизни в старом теле. Доктора покачали головами и ушли. Даже его дочери перестали говорить, что он скоро поправится. Он преклонил голову на золото, рассыпанное на полу большой, продуваемой сквозняками нижней пещеры, стараясь не двигаться и дышать ровно. У него оставалось совсем немного времени, чтобы еще как-то повлиять на то, что произойдет после его смерти. Возможно, остался час, но может быть, и меньше. Он был бы уже рад покинуть страдающую плоть, но хотел уменьшить бремя сожалений о содеянном.

Он застонал, повернулся на подстилке из золота и постарался настроиться на хорошие мысли о делах минувших дней своих. Церковь учит, что не крылья и не огненное дыхание обещают удачное перерождение, а скорее невинность и спокойствие духа. Он стремился к этому благоприятному душевному покою, но достичь его было непросто.

— Что не так, Отец? — спросил, приблизив-

шись, его сын Пенн. Увидев, что Бон затих, он осторожно прикоснулся когтем к его плечу.

Пенн Агорнин (или, правильнее, Преподобный Пенн Агорнин, поскольку молодой Пенн уже принял сан) полагал, что знает, что именно тревожит отца. Он служил не при одном смертном одре по долгу своего призвания, и был рад оказаться здесь, чтобы облегчить уход собственного родителя и избавить того от присутствия постороннего дракона в такой момент. Местный священник, Преподобный Фрелт, никоим образом не был отцовским другом. Годами между ними тлела тихая вражда такого свойства, какое Пенн находил неподобающим для священника.

— Успокойтесь, отец, — сказал он. — Вы прожили хорошую жизнь. В самом деле, трудно представить того, у кого было бы меньше поводов для печали на смертном одре. — Пенн души не чаял в своем отце. — Получив в наследство немногим более чем благородное имя, вы стали семидесяти футов в длину, обрели крылья и огненное дыхание, великолепный достаток и уважение всей округи. Пятеро ваших детей дожили до сих дней. Я теперь с Церковью, а значит — в безопасности.

Он поднял крыло, перевязанное красным шну-

ром, который для верующих символизировал посвящение дракона богам и драконьему роду, а для всех остальных был просто знаком неприкосновенности дракона.

— Беренда удачно вышла замуж и родила детей, ее муж — могущественный Сиятельный Лорд. Эйван прокладывает себе путь в столице, в Ириете. Он выбрал, возможно, самый каверзный путь, но у него влиятельные друзья, и он уже преуспел, как и вы. Что же касается двух других, Эйнар и Селендры, хотя они молоды и уязвимы, не волнуйтесь за них. Беренда возьмет Эйнар к себе до тех пор, пока не найдется хороший муж, который защитит ее, а я сделаю то же для Селендры.

Бон осторожно вдохнул, а затем выдохнул небольшой клуб огня и дыма. Пенн ловко отскочил в сторону.

— Вы все должны придерживаться моих наставлений, — сказал Бон. — Младшие еще не обзавелись своим хозяйством, поэтому должны получить мое золото, сколько уж его есть. Вы с Берендой уже начали копить сокровища, поэтому возьмите только символическую долю наследства, а остальные трое пусть поделят поровну то немногое, что останется от меня. Много я не скопил, но этого будет достаточно, чтобы

помочь им.

— Мы уже решили это, Отец, — сказал Пенн. — И конечно, они получат больше нашего, когда мы будем вас есть. Беренда и я устроены, а брат и другие сестры все еще нуждаются.

— Вы всегда были образцом в том, что касается отношений между братьями и сестрами, — сказал Бон и выдохнул еще дыма. — Я хочу исповедаться, Пенн, прежде, чем умру. Примешь ли ты мою исповедь?

Пенн отпрянул, плотно обхватив себя крыльями.

— Отец, ты знаешь учение Церкви. Три тысячи лет, шесть драконьих жизней, миновало с тех пор, как исповедь перестала быть таинством Церкви. Она смердит Временем Порабощения и язычеством Яргов.

Бон закатил огромные золотые глаза. Иногда его собственный сын, так пекущийся о благопристойности, казался ему чужаком. Пенн никогда бы не вынес то, что выпало на долю отца, просто не выжил бы.

— Может, тебя и учили шесть драконьих жизней подряд, но в годы моей юности еще были жрецы, которые давали отпущение тем, кто нуждался в нем. Это уже при моей и твоей жизни

прощение грехов само стало грехом. Неправильно было позволять платить за отпущение грехов, а облегчать тяготы тех, кто грешил, это правильно. Ритуал отпущения все еще есть в нашем молитвеннике. Я знаю, Фрелт отказал бы мне в этом, просто по злобе своей, но я подумал, может, у тебя хватит духу сделать это.

— И все же это грех, Отец, так же строго порицаемый Церковью, как и полеты жрецов. — Пенн снова выгнул спутанные крылья. — Это не религиозный догмат, правда. Это практика, которая сложилась по прошествии долгого времени. Исповедь считается теперь мерзостью. Я никак не могу дать тебе отпущение грехов. Если кто-то узнает об этом, я потеряю место. Кроме того, моя совесть не позволит мне сделать это.

Бон снова пошевелился и почувствовал, как чешуя осыпается с его тела на золото подстилки. Оставалось совсем немного, и ему было страшно.

— Я не прошу тебя об отпущении грехов, раз ты не можешь его дать. Я просто думаю, что мне будет легче умирать, если я не унесу с собой этот секрет. — Даже ему самому казалось, что голос его звучит слабо.

— Ты можешь рассказать мне все, что хочешь, дорогой Отец, — сказал Пенн, придвигаясь бли-

же. — Но ты не можешь называть это исповедью или говорить, что ты делаешь это, потому что я — священник. Если об этом станет известно, мое служение подвергнется опасности.

Бон взглянул на красные шнуры на крыльях сына, вспоминая, сколько он заплатил, чтобы того приняли в Церковь, и как чудесно изменилась его судьба с тех пор.

— Разве не прекрасно, что твоему другу детства Шеру удалось достичь таких высот? — сказал он. После этого он почувствовал, как в легких разливается боль, и захотел кашлянуть, но не решился. Пенн вдохнул, чтобы ответить, но передумал, потихоньку выдыхая из ноздрей и молча наблюдая, как корчится его отец. Маленький Шер, когда-то его одноклассник, стал Благородным Шером Бенанди, повелителем собственного удела, а Пенн был его приходским священником с собственным домом, женой и детьми.

— У драконов принято есть друг друга, — сказал наконец Бон.

— В наше время… — начал Пенн.

— Ты знаешь, что я единственный, кто выжил в моей семье, единственный среди сестер и братьев, кому удалось вырастить крылья, — продолжал Бон, прерывая сына. — Ты думал, что

это Высокородный Телсти съел остальных или его жена — Высокородна Телсти? Да, кое-кого съели они, камнем падая с неба, чтобы пожрать слабаков, но меня они всегда оставляли в живых, потому что я был самый старший и самый крепкий. Они строго придерживались учения Церкви о том, что, поедая слабых, они улучшают драконью природу, а ко мне были даже добры. Но я не простил их за то, что они съели моего отца, моих сестер и братьев. Хотя и притворялся их другом и другом их детей, потому что моя мать была недостаточно сильна, чтобы защитить меня и не дать им съесть всех, если им так вздумается. Они забрали золото моего отца, и у нас не было ничего, кроме нашего имени. Когда нас осталось только трое, мои крылья начали расти, и, хотя я дорос тогда только до семи футов, я был готов покинуть дом в поисках удачи, пусть последствия могли быть гибельными. Мне нужны были размер и сила, которых не обретешь, питаясь говядиной. И я съел оставшихся у меня брата и сестру.

Пенн, оцепенев, лежал рядом с умирающим отцом, потрясенный тем, что сказал старый дракон, больше, чем он мог вообразить.

— Сохраню ли я целостность после смерти? — спросил Бон. — Падет ли мой дух, как пепел от

пламени, как учит нас Церковь? Или я возрожусь бараном, чтобы стать жертвой чьего-то голода, или хуже того, червем ползучим, или паскудным бескрылым Яргом? — Он поймал взгляд сына, и Пенн, как громом пораженный, не мог отвести глаз. — С тех пор, как ты и сказал, я жил праведной жизнью. Я не раз горько пожалел о том, что сделал, но я был юн и голоден, и никто не помог мне, когда пришла пора улетать из гнезда.

Чешуя облетала с Бона с размеренным постукиванием. Выдыхал он больше дыма, чем воздуха. Глаза начали тускнеть. Пенн был священником и свидетельствовал множество смертей. Он знал, что остались считаные минуты. Он расправил крылья и приступил к последней молитве.

— Теперь улетай с Вельдом, свободно переродись под присмотром Камрана… — Но в горло ему попал дым, и продолжить он не смог. Однажды он со смешанным чувством восхищения и ужаса прочитал старый ритуал отпущения грехов; отец был прав — тот все еще печатался в молитвеннике. Его отец нуждался в отпущении грехов, чтобы продолжить свой путь с чистой совестью. Пенн был обычным молодым драконом и священником, но он любил своего отца.

— Это просто обычай, никакой теологии в этом

нет, — пробормотал он. Он поднял свои когти перед глазами отца так, чтобы тот мог их видеть.

— Я услышал твою… — заколебался он на мгновение, слово это казалось таким ужасным. Можно ли назвать это как-то еще? Нет, никакое другое слово не даст отцу утешение и отпущение, в которых он нуждался, — твою исповедь, Досточтимый Бон Агорнин, и я отпускаю твои грехи и прощаю тебя во имя Камрана, во имя Джурале, во имя Вельда.

Глубоко в угасающих глазах отца он увидел улыбку, которую сменил покой, а затем, как обычно, глубочайшее изумление. Пенн столько раз видел это, но так и не смог привыкнуть. Он часто гадал, что же такое ожидает за воротами смерти, что, как бы ни готовился к ней дракон, это последнее видение всегда его изумляет. Он выждал предписанное время, повторив последнюю молитву трижды на тот случай, если глаза опять начнут вращаться. Как и всегда, чуда не случилось, смерть оказалась смертью. Он бережно протянул коготь, извлек и съел оба глаза, как положено было священнику. Только после этого он воззвал к своим братьям и сестрам ритуальным кличем:

— Добрый дракон Бон Агорнин начал путеше-

ствие к свету, собирайте семью для поминального пира.

Он не чувствовал ни печали, ни стыда оттого, что пошел против учения Церкви и отпустил грехи своему отцу, или ужаса оттого, что отец сделал. Он не чувствовал совсем ничего и знал, что это пройдет, когда уменьшится потрясение от случившегося, но еще долгое время он будет испытывать тихую печаль.

2. Парлор

Вся семья собралась в верхних пещерах сразу после того, как доктора сокрушенно покачали головами и Бон Агорнин уполз в нижнюю пещеру умирать, сопровождаемый только Пенном. Кроме четырех здравствовавших детей Бона здесь присутствовали также Сиятельный Даверак, муж Беренды, три драгонета — плоды их первой кладки, случившейся уже четыре года назад, и местный священник Преподобный Фрелт. Им прислуживали четверо слуг Беренды с крепко перевязанными сзади крыльями. Тут же была и старая служанка семьи Эймер, чьи крылья тоже на всякий случай были связаны, но так как ей доверяли, а традиции в семье соблюдались нестрого, связаны они были лишь чуть-чуть прочнее, чем у священника. Никто из присутствующих не достигал полной длины старого Бона. Ближе всех дорос Сиятельный Даверак, со своими сорока футами от макушки до кончика хвоста, но все равно одиннадцать взрослых драконов и три драгонета могли поместиться разве что в бальной зале.

Таким образом, после первых приветствий,

ламентаций и восклицаний по поводу того, кто больше проехал, чтобы прибыть сюда, они разделились на две группы. В первой состояли Беренда со свитой в компании Преподобного Фрелта. Все они расположились в элегантном парлоре справа от входа, остальные же проследовали в большую столовую.

Им ничего больше не оставалось, кроме как ждать и судачить. Точно так же они могли бы остаться в своих домах и ждать провозглашения, чтобы тут же подняться ввысь, а затем, кружась по спирали вниз, камнем упасть на труп. Кое-кто говорит, что когда-то драконы так и поступали, но теперь они уже не так просты и устраивают для себя пещеры с подвалами, чтобы было куда уползти и упокоиться в мире. Поэтому тело покойного теперь делят только те, кого он сам выберет. И все же некоторым с трудом верится, что современные этические представления обязывают ждать так бесконечно долго, как пришлось ждать семье Бона Агорнина.

Парлорная была вырезана в том же темном природном камне, что и все поместье. Она не была разукрашена более светлой галечкой по столичной моде, поскольку обитатели поместья никогда не слышали о таком обычае и почитали

за лучшее позволить камню говорить самому за себя. Там и сям в стенах были вырезаны стильные ландшафты, как бы увиденные с высоты полета. Их Бон Агорнин одобрил, потому что они не стоили ему ни копейки. Резьбу по камню выполнили молодые обитательницы поместья, более всего драконица Эйнар, которая считала себя одаренной в этом отношении. Сиятельный Даверак, обладатель собственного пышно изукрашенного сельского дома и еще одного в столице, что использовался два месяца в году, когда там собиралось модное общество, возможно, придерживался другого мнения, поскольку, бросив на резьбу по камню лишь один взгляд, тут же расположился у двери. Его жена, Сиятельна Беренда Даверак, как теперь предписывалось титуловать ее по рангу мужа в обществе, была не так безразлична к ландшафтам. Она высказала слугам и детям восхищение последними поступлениями и посокрушалась, что, когда она была девицей, на стенах не было ничего и вполовину такого прекрасного, — будто со дня ее свадьбы прошло уже все триста лет, а не всего лишь семь.

Когда восхищение резными панно иссякло до последней капли, она угомонилась в алькове под огромной полкой, на которой были выстроены

несколько каменных скульптур, не особо ценных, какие ожидаешь встретить в верхних покоях, но, тем не менее, не лишенных определенного очарования.

Преподобный Фрелт подошел и встал рядом с Берендой, как только она закончила свои беспокойные блуждания по гостиной, в процессе которых могла сбить с ног любого сопровождающего. Он удобно расположился сбоку от нее. Прошло уже некоторое время с тех пор, как Беренда последний раз была в отцовском доме, и она не видела Фрелта с тех пор, как вышла замуж за Даверака.

Его длинные красные шнуры священника волочились за крыльями, зубы были отполированы и довольно коротко подпилены. По контрасту его лощеная бронзовая чешуя горела очень ярко, что выдавало его довольно противоречивые взгляды на собственное положение. С одной стороны, священник должен быть скромным, с другой стороны, он обладает высоким духовным рангом, возможно, наивысшим в местном обществе. Фрелт сам объяснял это себе твердой верой в безгрешность священников, каковое объяснение покрывало как его смиренные зубы, так и щегольскую чешую. Он никогда бы не поднялся

в воздух, даже чтобы перелететь через овраг, но не рассматривал себя ниже любого дракона на земле, будь тот сколь угодно благородного происхождения. Он держался с большей уверенностью, чем было принято среди облеченных неприкосновенностью.

— Какие прекрасные драгонеты, — проворковал он, склонившись над детьми. Когда-то давно он возжелал посвататься к Беренде, что стало причиной раздора между ним и ее отцом. Поскольку с ней он об этом никогда не заговаривал, официально она не ведала о сватовстве, и поэтому они могли общаться на людях, оставаясь в рамках приличий. Неофициально она прекрасно знала об этом, как и все прочие девушки, кто слышал, как их отец громогласно поносит святошу, и кому строго-настрого было наказано сидеть дома, чтобы их не умыкнули. Она послушалась наказа, но была скорее польщена, чем оскорблена. Она даже недолго надеялась, что сватовство будет успешным. Теперь, когда она устроена за другим и переменила цвет чешуи на ослепительно красный, как положено драконьей жене и матери, Беренда почитала его безопасным и приятным собеседником. Он, со своей стороны, рассматривал высокое замужество Беренды как

доказательство собственного отменного вкуса, и от этого она нравилась ему скорее больше, чем меньше. С тех пор он так и не нашел другой невесты, хотя у такого хорошо устроенного священника с собственным хозяйством недостатка в предложениях не наблюдалось.

— Да, все трое из моей первой кладки, — ответила она, с умилением глядя на драгонетов, играющих у ног няни. Один был черным, второй — золотым, а третий — бледно-зеленым, за что его полагалось бы немедленно сожрать, если бы он не был отпрыском могущественного лорда.

— Как удачно для вас обоих, — сказал Фрелт, склоняясь к Сиятельному Давераку, который позой своей выражал нетерпение и разговор этот полностью игнорировал.

— Моя мать несла не больше двух за раз, — сказала Беренда. — Надеюсь, что в следующей кладке будет тоже три. Чем больше детей, тем лучше, слава Вельду.

— Приятно видеть такое почитание учения Церкви, — заметил Фрелт, склоняя голову на этот раз к ней. — Многие фермеры, кажется, не склонны размножаться вовсе.

— И в Давераке то же самое, — пожаловалась Беренда.

— Что именно? — спросил Сиятельный Даверак, выказывая интерес только теперь, когда упомянули его владения. Он был почти таким же темным, как его черный отпрыск, очень широкоплечим, с глазами такими бледными, что они казались почти розовыми, — далеко не самой приятной наружности дракон. Если бы не связанные крылья, любой бы счел Фрелта более привлекательным, чем Даверак, и Фрелт, зная это, ликовал немного больше, чем следовало бы.

— Недостаток потомства среди фермеров и низших сословий, дорогой, — ласково ответила Беренда.

— Ну, не знаю, полно их, право, полно, — ответил Сиятельный Даверак, — да вот же, у Маджи с фермы на гати только шесть дней как новая кладка. Я собирался слетать и навестить их сегодня, если бы не все это так некстати.

Беренда слегка отпрянула.

— Мой отец умирает, — промолвила она с достоинством.

— О да, дорогая, я знаю, мы должны присутствовать. Я не хотел быть таким категоричным, — сказал Даверак, склоняя крылья в сторону жены, которая приняла такое покаяние чуть заметным склонением собственных крыльев. — Однако у

Маджи вылупилось еще четверо на их тощем клочке земли, знаешь ли, и они просто не смогут прокормить с этой земли еще четыре клюва, поэтому я думал принести домой что-нибудь питательное для маленького Ламерака. — Он указал кончиком крыла на зеленого драгонета. — Слегка нездоров, легко заметить, — сказал он Фрелту. — Но это временно, только временно. Ему нужна свежая печень. Скоро он ее получит в любом случае. Так что даже удачно, что мы теперь здесь, как я теперь понимаю.

Фрелт не возразил на это, что его собственная младшая сестра, которую много лет назад сожрали за излишнюю зеленоватость, тоже могла бы поправиться на драконьей печени, если бы только могла ее заполучить.

— Я уверен, что ваш священник следит за этим так же, как и вы, — ответил он.

— Я знаю свой долг, — сказал Даверак, расправляя крылья. — Я бы не позволил моему собственному заморышу вырастить крылья, равно как и слабачку самого захудалого фермера. Однако спешить некуда. Ламерак полностью выправится через неделю-другую.

— Вельд дает нам потомство, а Джурале следит за порядком в мире, — сказал Фрелт, протягивая

передние лапы, будто на проповеди.

Сиятельный Даверак отодвинулся, чувствуя, что получил трепку, а Беренда отвернулась, разочарованная Фрелтом и не желая с ним больше говорить. Повисло неловкое молчание, в котором возня играющих драгонетов казалась чересчур громкой.

3. Столовая

В столовой поначалу все складывалось много лучше. Комната была не новая и поэтому не такая элегантная. На новый лад устроили только канавки санитарного назначения в полу, в остальном же столовая оставалась неизменной с тех пор, как была выдолблена эта пещера, то есть еще со Времен Порабощения. Обитатели столовой знали, что не элегантность помещения делает собрание приятным, но характеры собравшихся здесь. По принципу притягивания подобного к подобному, все неприятные участники собрались в гостиной, а все приятные — в столовой.

Эйнар и Селендра вылупились в одной кладке, вместе росли в отцовском доме, утешали друг друга после смерти матери, вместе стойко пережили отъезд старшей сестры и братьев, хотя и не без облегчения. Они обе уже достигли брачного возраста, однако, поскольку сокровище их отца заметно уменьшилось после удачного замужества их старшей сестры и обустройства двух их братьев, они довольствовались тем, чтобы ждать и ухаживать за домом своего отца, пока сокровища не пополнятся. Так что в этой боль-

шой столовой они чувствовали себя комфортно. Они уже привыкли к жалобам, что в комнате не предусмотрели удобных альковов и все должны рассаживаться почти как в чистом поле, но это было их собственное поле, и они привыкли к такой рассадке, и, если бы альковы вдруг появились, они бы скучали по ней.

Обе сестры были рады возвращению брата Эйвана в их компанию. С тех пор как он уехал в Ириет, они встречались лишь мимолетно — на день или два, поскольку работа в Департаменте Планирования и Благоустройства Ириета занимала Эйвана полностью. Какое-то время Эйван развлекал их историями о своей жизни в столице, так ярко описывая свои достижения и так небрежно упоминая опасности, которых избежал, что у каждой из них начало складываться тайное убеждение, что они, имея когти, и сами могли бы пробить себе дорогу в жизни.

— Но ты же теперь вернешься домой, правда же? — спросила Эйнар, отирая слезы смеха с серебряных глаз.

— Домой? Ты имеешь в виду сюда? И не подумаю. Не могу представить, как это пришло тебе в голову. — Внезапно Эйван увидел, что старая служанка Эймер перестала полировать хвост

Эйнар и обе его сестры уставились на него. — Вы что, правда думали, что я собирался это сделать?

— Ну да, — ответила Селендра, быстро глянув на сестру и служанку и поняв, что те не в состоянии вымолвить ни слова. — Мы думали, что после смерти отца ты вернешься домой и станешь носителем титула. Тебе достанется это поместье…

— Я вижу, вы все продумали, — сказал Эйван, поднимаясь на лапы. — Девочки мои дорогие, а вы приняли во внимание, что, кроме того, что он был семидесяти футов в длину и имел огненное дыхание, отец прожил почти пятьсот лет? Я прожил — только-только сотню, едва достиг двадцати футов, и пламенем еще не дышу, да и вряд ли это скоро случится. Я делаю достаточно успешную карьеру для того, кто начал так поздно, как я, и с тех пор не минуло и десяти лет, и мне не перепадает драконьего мяса чаще, чем раз в год. К тому же моя карьера сюда за мной не приедет. Если я приму титул, все титулованные и сиятельные соседи немедленно начнут откусывать куски нашей территории, а потом и от нас самих, и это так же неизбежно, как восход солнца. Никакими силами я не смогу их остановить, я могу сделать не больше, чем вы двое.

Две драконицы взглянули друг на друга в смя-

тении, а Эймер издала тихий крик отчаяния.

— Что же тогда станет с… с поместьем? — спросила Селендра, не отваживаясь напрямую заговорить о них самих.

— Почему бы вам не спросить об этом Пенна или отца, — сказал Эйван, неловко переминаясь. — Не я же становлюсь старшим в семье. Никто со мной о таких вещах не советуется. Рискну предположить, что поместье заберет Даверак, пока один из детей не вырастет достаточно, чтобы управиться с ним. Я думаю, это было одним из условий его женитьбы на Беренде, в случае, если отец умрет до того, как я достаточно окрепну. Вам что, про это никто не говорил?

— Ты, может, и не старший, но ты — взрослый дракон. А мы — просто никчемные самки, — сказала Селендра, сверкая фиолетовыми глазами. — И да, никто нам ничего не говорит. Без сомнения, мы предназначены на ужин для вас всех, и я была бы признательна, если бы у меня было время подготовиться к этому.

— Как именно? — спросил Эйван, не в силах побороть веселое любопытство.

— Улетев куда глаза глядят, — с вызовом ответила Селендра.

— Да я просто дразнил тебя, — сказал ее брат. —

Вам обеим обеспечено будущее. Никто из вас не станет ужином. Пенн писал мне, что согласно завещанию нашего отца золото будет поделено между вами и мною, кроме символического количества для двух других потомков. Поместье отойдет детям Беренды. Одна из вас отправится жить с Берендой, а другая — с Пенном.

Эймер и Эйнар снова легонько вскрикнули, а Сел обняла сестру крыльями и лапами.

— Можно подумать, будто я предложил слопать вас на месте, — сказал Эйван. — Вы самые неблагодарные из сестер, какие когда-либо были у дракона.

— А ты разве не можешь нас взять? — спросила Селендра. — Мы никогда не видели Ириет, но мы бы могли прекрасно ухаживать за твоим домом, как мы ухаживали за отцовским.

Эйван не смог скрыть дрожи, пробежавшей по его крыльям.

— У меня недостаточно места для вас, — сказал он вполне искренне, думая о своем городском убежище. — А Ириет — неподходящее место для девушек, если только их не сопровождают или их имена хорошо известны. Я бы не смог защитить вас в столице — не больше, чем здесь. Рано или поздно вы бы стали чьим-нибудь ужином,

если не хуже. С Пенном и Берендой вы будете в безопасности.

— В безопасности, но в разлуке, — сказала Эйнар таким тоном, что брату стало ясно, что для нее это настоящая трагедия. — Ты же знаешь, что Селендра такая порывистая, а я такая вдумчивая, что если нас разделить, то неизвестно, что она сделает, и ясно, что я никогда не сделаю ничего.

— И Беренда меня не любит, — сказала Селендра.

— Ну, что ж, Сел, тогда ты поезжай к Пенну, — сказал Эйван таким ровным тоном, на какой только был способен.

— Мы совсем не знаем жену Пенна, — сказала Селендра.

— Да, но у них уже двое отпрысков, так что она будет рада любой помощи с ними. Ты ведь в гораздо лучшем положении, чем могла быть любая другая девушка.

— Как это? — спросила Селендра.

Эйван знал об этом настолько больше, чем хотел бы, чтобы сестры когда-либо узнали, что просто медленно покачал головой и предостерегающе покрутил глазами.

— Мне кажется, что, если бы мы были вместе, я бы вынесла что угодно, — сказала Эйнар, и голос

ее сорвался в рыдание посредине фразы.

— Ты довольно скоро выйдешь замуж, — сказал Эйван. — Мне кажется, что Даверак что-то говорил о тебе и о ком-то из его друзей.

Эйнар слегка просияла при мысли о Лондавере, друге ее зятя, но не перестала цепляться за сестру.

И теперь, когда в обеих пещерах воцарилось молчание, Пенн провозгласил из нижней пещеры, что Бон Агорнин отправился в последний путь в темноту.

4. Некоторое неприличие в нижней пещере

Бон Агорнин и его зять не всегда идеально понимали друг друга. Сиятельного Даверака уведомили и даже осведомили о распределении сокровища тестя. Но ничего не было сказано о распределении его тела. Это не было оплошностью ни со стороны Даверака, ни со стороны Бона, поскольку каждый полагал дело очевидным: Бон, что тело должно распределяться по тем же правилам, что и сокровище, а Даверак — что тело будет поделено поровну между членами семьи. Именно поэтому он предположил, что печень достанется бедному малышу Ламераку. Для Бона, поскольку он начал серьезно расти при обстоятельствах, о которых он поведал Пенну, его тело было частью его сокровища, частью того вспомоществования, что он передавал своим детям. Для Сиятельного же тело дракона существовало отдельно от драконьего золота, и вера эта была настолько сильна в нем, что едва ли нуждалась в объявлении.

Когда пришел зов и семья собралась, чтобы спуститься в нижнюю пещеру, то из-за распо-

ложения комнат Партия Парлора опередила Партию Столовой. Сиятельный Даверак, который находился в тот момент у дверей парлора, оказался впереди всех. Сразу за ним следовал Преподобный Фрелт, затем драгонеты, подгоняемые Сиятельной Берендой. За ними шел Эйван и его сестры, вышедшие из столовой. Слуги, естественно, остались наверху, где у Эймер было полно работы, да и прислуга Беренды не сидела без дела, подначивая друг друга и сплетничая о своих хозяевах.

Пенн ожидал у дверей нижней пещеры, голова его в печали склонилась так низко, что он не замечал Сиятельного Даверака, пока тот буквально не наткнулся на него. В нижней пещере места было только для троих, так что Сиятельный Даверак вошел, а прочие ожидали — взрослые в вежливом молчании, а драгонеты тихо шипя от нетерпения.

— Наш отец Бон умер, — сказал Пенн. — Теперь мы должны разделить его останки, чтобы мы могли укрепиться его силой и всегда его помнить.

Сиятельный Даверак при этих словах немного склонил голову, а затем без лишних колебаний отхватил ногу своего мертвого тестя, отряхнул оставшуюся чешую и откусил огромный кусок.

До этого момента Пенн не протестовал, но, когда Даверак отхватил еще кусок, не меньше первого, Пенн предупредительно выставил коготь.

— Что ж, брат, ты получил то, о чем мы договаривались, — тихо произнес он.

— Договаривались? — спросил Сиятельный Даверак, поскольку в его голове не было и следов памяти о подобной договоренности. Он откусил еще раз, и кровь потекла по его морде. — Ты о чем это?

— Вы, Беренда и я должны были каждый откусить по разу, предоставив все остальное нашим менее благополучным братьям и сестрам, — сказал Пенн с последним терпением дракона, который только что потерял отца при непростых обстоятельствах.

— Нет, Преподобный Пенн, это соглашение касалось золота. — Сиятельный Даверак фактически рассмеялся, откусывая очередной кусок, поскольку искренне верил в то, что говорил, и полагал, что Пенн несет вздор.

— Стоп, остановись прямо сейчас, — сказал Пенн, пытаясь встать между шурином и телом отца. — Ты получил уже больше, чем мы договорились. Положи эту ногу.

— Вздор, — сказал Сиятельный Даверак. — Если

ты решил не брать свою долю, это твое дело, а я возьму долю сына и лорда, а еще возьмут Беренда и дети.

Выбор у Пенна был невелик. Если бы он даже имел право драться, Сиятельный Даверак был на полных десять футов длиннее его, хотя оба они еще не доросли до дыхания огнем. Даверак был землевладельцем и старательно выполнял свои обязательства, когда дело касалось поглощения избытка драгонетов, слабаков и в целом перенаселенности его земель. Это бы не остановило Пенна в тот момент, если бы не тот факт, что он был преподобным священником с иммунитетом, и крылья его были связаны. Он не мог ни драться, ни вызвать на драку без того, чтобы не оставить служение.

— Остановись, во имя Церкви, или будешь наказан, — сказал он вследствие всех упомянутых трудностей.

Сиятельный Даверак и в самом деле остановился, разинув пасть. Затем он повернулся к дверному проему, в котором ожидал Преподобный Фрелт, не пропуская ничего из этой сцены. Сиятельный Даверак не очень-то рассчитывал на Фрелта после разговора в гостиной, но все же призвал его в качестве нейтрального свидетеля.

— Он что, действительно может это сделать? — вопросил Сиятельный Даверак.

— Да, скажи ему, — выговорил Пенн, вращая глазами с такой скоростью, что у Фрелта кружилась голова.

Фрелт перевел взгляд с разъяренного священника на сердитого Сиятельного лорда и слегка приосанился крыльями. Он был не священником Сиятельного Лорда, а священником целого прихода Андертор, обширной области, охватывавшей шесть владений, одним из которых был Агорнин. Это давало ему, в числе прочего, независимость и раздутое чувство собственной значимости. Он съедал свою долю священника — глаза каждого умершего и нежизнеспособного в приходе Андертор в течение пятидесяти лет, и делал это, не вызывая гнева у титулованных, которым служил, если не считать Бона Агорнина, на дочери которого Фрелт вздумал жениться. Теперь враг его лежал мертвый, и к нему взывали обе стороны.

— Традиция на стороне Сиятельного Даверака, — сказал Фрелт.

Пенн опустил крылья, признавая это.

— Но мы говорим не о традиции, а о воле моего отца, — сказал он.

— Выраженной каким образом? — спросил

Фрелт.

— В письменном виде — мне, а также лично и устно мне, Эйвану и Сиятельному Даверaку, когда отец только начал сдавать. А также мне лично сегодня в этой комнате. Беренда, я и Сиятельный Даверак, муж Беренды, — мы трое, все хорошо устроенные, должны взять только по одному кусочку и оставить все прочее нашим брату и сестрам, которые в этом более нуждаются.

— Он писал и говорил только о своем сокровище, — возразил Даверак, презрительно оглядывая пещеру, по которой скудное наследство Бона Агорнина было рассыпано под его телом вперемешку со слизью и опавшей чешуей. — О его золоте как таковом, а не о его теле.

— Может быть, он недостаточно точно выразил свою волю письменно, — сказал Пенн. — Теперь я вижу причину твоей ошибки, но сегодня он высказался предельно ясно.

— Что в точности он сказал? — спросил Фрелт, безмерно наслаждаясь ситуацией.

Пенн мысленно обратился к разговору и вспомнил слова отца.

— Это я затронул эту тему, — признался он. — Мой отец был немного обеспокоен, и я думал, что он тревожится о наших сестрах и брате, которые

еще не устроены, и, чтобы успокоить его, я напомнил ему о том, какие хорошие запасы он сделал.

Фрелт был обижен тем, что его отлучили от смертного одра, и теперь, когда он узнал, что Бон Агорнин мучился, обижался еще сильнее. Он мог бы воспользоваться случаем и торжествовать, помучив Бона под конец, поскольку Бон нанес ему смертельное оскорбление из-за сватовства к Беренде. Он не особо любил Сиятельного Даверака, но вдруг почувствовал, что питает отвращение к Пенну, отнявшему у него законное место и глаза, которыми Фрелт был не прочь угоститься.

— Если он не сказал это сам конкретными словами, я боюсь, что превосходство за традицией, — сказал он.

— То, что он сказал, сводилось к подтверждению того, что было оговорено ранее, — настаивал Пенн.

— Что в точности он сказал? — снова спросил Фрелт, улыбаясь самым неприятным образом, показывая зубы. — Если ты можешь передать мне каждое сказанное им на смертном одре слово, тогда, возможно, я смогу рассудить. А так…

Он опустил конец фразы, дернув крыльями.

Пенн мгновение боролся сам с собой, после чего опустил крылья. Он не мог повторить каждое

слово отца, не только из-за позора Бона, а еще и потому, что он принял исповедь. По старым законам он не мог рассказывать о ней никому, а по новому толкованию вообще не должен был исповедовать.

— Тогда верх берет традиция, — сказал Фрелт.

Сиятельный Даверак отшвырнул полусъеденную ногу в сторону Фрелта. Он обошел Пенна, полностью его игнорируя. Когтями обеих передних лап он вспорол бок Бона, обнажив печень.

— Сюда, дети, — позвал он, и три драгонета прошмыгнули между ног Фрелта, устремляясь к угощению, предложенному отцом.

— Нет, остановитесь, я настаиваю, — сказал Пенн.

Но они не остановились, и, когда Сиятельный Даверак с драгонетами покинули комнату, печень была полностью поглощена. Фрелт подобрал брошенную ногу и вцепился в нее, одновременно улыбаясь Пенну. Глаза Пенна все еще дико вращались, но он не произнес ни слова.

Затем вошла Беренда, ступая изящно, как всегда. Она вздохнула, глядя на Пенна. Он понял, что она слышала всю ссору, и теперь гадал, как она поступит. Она наклонилась и откусила всего один раз, но откусила очень много от груди отца.

Это был такой кусок, который соответствовал и требованиям Пена, и настойчивости мужа. Она могла сказать Пенну, что это был всего *один* кусок, и могла сказать мужу, что съела бóльшую часть груди. Это был в высшей степени дипломатический кусок, и Пенн, несмотря ни на что, восхитился тем, как тонко она обыграла этот нюанс.

Беренда наклонилась и подобрала золотую чашу, которой всегда восхищалась, — она передумала оставаться на ночь и хотела вернуться в Даверак как можно быстрее, чтобы избежать каких-либо дальнейших неприятностей.

Она улыбнулась и последовала за драгонетами, уступая место оставшимся.

Когда трое менее обеспеченных детей Бона вошли в пещеру, Пенн почти рыдал, потому что теперь в ней оставалось меньше половины тела их отца, которую им предстояло поделить между собой.

II. Некоторые далеко ведущие решения

5. Иск Эйвана

— Нас ограбили, — взорвался Эйван, — отняли наше наследство, лишили того, что следует нам по ясной воле нашего отца, и я этого так не оставлю.

— Никакими силами невозможно вырвать нашу долю из брюха Сиятельного Даверака, — заметила Селендра.

— Я бы вырвала, если б могла… и тот огромный кусок из брюха Беренды тоже, — добавила Эйнар. Нарочитая дипломатичность сестры прогневала Эйнар больше, чем беззастенчивость ее зятя. Сиятельный Даверак хотя бы Сиятельный, но Беренда-то по рождению не выше самой Эйнар. Вот какое могущество уже в те дни давал титул Сиятельного, по крайней мере в глазах юных дев и наиболее впечатлительных фермеров.

Как можно понять из этих речей, все три младших отпрыска отведали, пусть и не досыта, останков отцовского тела и почувствовали силу и мужество, что дает такое пропитание. Все трое уселись на высоком уступе, будто собирались сорваться с него и взмыть в пустоту, хотя и не имели такого намерения. Они пришли сюда,

чтобы попрощаться с сестрой. Беренда и вся ее свита уже отбыли в Даверак — Сиятельный и Сиятельна на своих крыльях, прочие же по земле в повозке. Эйнар должна была отправиться с ними тем же вечером, но умоляла задержать ее отъезд. Беренде, напротив, не терпелось уехать, и она уговорила мужа согласиться на это. Сиятельный Даверак для виду поломался, но все знали, что только для виду, поскольку он в любом случае должен был скоро вернуться, чтобы официально вступить во владение поместьем, и мог бы легко сопроводить Эйнар в Даверак после этого.

Тонкая кожица вежливости, затянувшая глубокие раны гнева, выдержала сцену прощания. Как только Сиятельные Давераки отбыли, Пенн повел Фрелта вниз к выходу через дверь для пастора и других нелетающих, чтобы пожелать ему доброго пути и поскорее выпроводить. Трое других оставались на месте, с трудом сдерживая гнев, глядя на хорошо знакомый им вид, который они скоро покинут навеки.

Воспламеняя изгибы и петли реки, к западу от долины в сиянии облаков садилось солнце, все еще слишком яркое для них, так что глаза приходилось прикрывать внешними веками. Заканчивался последний день месяца Верхоле-

тье. Квадратные поля с хорошо принявшимися посевами раскинулись под ними, как лоскутное одеяло, отороченное зазубринами живых изгородей. Там и сям виднелись коровники и свинарники для скота — низкие строения, крытые черепицей кирпичного цвета. Драконьих жилищ среди них не было, потому что по давно заведенной традиции фермеры в Агорнине жили на выделенном для них участке в пределах поместья досточтимого землевладельца. Невидимые птицы пели закатную песню. Ее подхватывали блеянием редкие овцы на нижних склонах холма. Беренда и Даверак поймали сильный попутный ветер по дороге на юг и уже почти совсем скрылись из виду. Их повозка тоже следовала на юг, но по дороге, по направлению к далекой арке моста.

— По крайней мере, золото нам достанется, — начала Эйнар после некоторого молчания.

— Сколько бы его там ни было, — ответил Эйван. Золото было посчитано, поделено и оценено в сумму около восьми тысяч крон для каждого из них. — Дракону в моем положении золото вообще легче раздобыть, чем плоть дракона, про вас и говорить нечего. Я полагаю, что отец давал вам отведать понемногу время от времени, но этому

больше не бывать.

— Пенну и давать будет нечего, — сказала Селендра печально, но полная намерения защитить своего принявшего сан брата.

— Что же касается тебя, Эйнар, то мы только что видели пример великодушия Даверака, — заметил Эйван. — Ну, конечно, мне хотелось бы взять вас обеих с собой в Ириет, но это просто невозможно. Если я когда-нибудь устроюсь настолько хорошо — тут же пошлю за вами.

Сестры смотрели в пространство, медленно вращая глазами.

— Ты добр, — наконец вымолвила Сел, — но не изменишь своего решения, чтобы остаться здесь?

— Это было бы безумием, — сказал Эйван. — С учетом обстоятельств я бы рискнул, будь я раза в два длиннее. В своих дальних планах наш отец на это надеялся, благословение его костям, но не протянул достаточно долго. Я вам говорил, ничего не выйдет.

— Но тебе достались бы слабаки, — отважилась Эйнар. — Ты бы мог расти.

— Во владениях такого размера не так много слабаков. Вы бы хотели, чтобы я вел себя как Досточтимый Монагол — пикировал с небес на

каждого новорожденного драгонета, крепкого или слабого, утверждая, что семья не прокормит столько? Не подобает благородному дракону так себя вести. В этом нет нужды. Однако, когда я думаю о том, что сделал Даверак, я готов спалить его дотла.

Обе сестры восприняли эти слова как пустую угрозу, потому что знали, что еще много лет огня у брата не будет. Серебряные глаза Эйнар наполнились слезами — так любил говорить их отец. Даже у Бона Агорнина такие угрозы чаще оставались только словом, а не делом, однако, когда слезы разлетелись с крутящихся глаз, она смогла, хоть и не без труда, различить подпалину в кукурузном поле, где отец сжег непокорного фермера пять или шесть лет назад.

— Хотя вот что я тебе скажу, — заговорил Эйван, громко хлопнув крыльями. — Я бы мог вызвать его в суд.

— В суд? — в изумлении переспросила Эйнар. — Это же, наверное, ужасно дорого.

— Ты сама сказала, что нам досталось золото, — сказал Эйван. — Право на нашей стороне. У меня есть письмо отца, в котором ясно заявлено, что мы трое делим то, что осталось. Можно заставить Сиятельного Даверака…

— Сделать что? — прервала его Сел. — Он не может отдать нам то, что взял, и как он сможет возместить убытки? Где он возьмет тело взрослого дракона, чтобы вернуть нам? Вряд ли он совершил такое преступление, за которое они его казнят, если даже мы захотим, чтобы наша сестра овдовела, а ее дети осиротели.

— Тела казненных распределяет суд, и они не причитаются жертвам в качестве возмещения убытков, как в нашем случае, — объяснил Эйван, слегка отрываясь от поверхности земли от возбуждения. — Даверака они не казнят, конечно нет, но они вырвут из его глотки золота и отдадут нам одного из осужденных преступников. Если решат в нашу пользу, конечно. Даверак заплатит, мы не можем проиграть.

— Сколько это может стоить? — спросила Селендра, шлепком возвращая брата на землю. — Ты сам сказал, что золота не так много. Наших долей едва ли хватит на приданое мне и Эйнар, если только мы не захотим выйти за богатых драконов. У тебя есть на что жить, и даже жить неплохо, а у нас, дракониц, — нет. Это золото и мы сами — вот и всё, что у нас есть. Я бы предпочла плоти золото, если на то пошло.

— Судиться дорого, это правда, но это не будет

дороже, чем стоит моя доля, — сказал немного смущенный Эйван, снова устраиваясь на уступе. Он уже скопил сколько-то золота, которое мог добавить к своему наследству. — Я и не думал просить вас вносить ваши доли.

То, что он сказал о золоте, которое в Ириете достается легче, чем плоть дракона, было правдой, — но последнее утверждение было вежливым вымыслом. Он уже посчитал, что суд обойдется им в сумму всех трех долей наследства. Однако, сидя на знакомом уступе с двумя своими прекрасными сестрами, он знал, что ни в коей мере не хотел бы лишить их всяких надежд на будущее.

— Может, сначала будет лучше просто вежливо попросить его о компенсации? — спросила Эйнар.

— Пенн пробовал действовать вежливо, и это ни к чему не привело. Нет, серьезное письмо от адвоката — это то, что нужно, а если и этого окажется недостаточно, тогда придется вызывать его в суд и добиваться того, что нам положено по закону. — Сказав это, Эйван почувствовал себя семидесяти футов в длину, благородным защитником своих сестер, драконом не промах.

6. Намерения Фрелта

Приход Преподобного Фрелта лежал к востоку от Агорнина за горой — примерно в десяти минутах полета к востоку от Агорнина за горой. Из-за географии низлежащей местности для того, чтобы пройти это расстояние пешком по разделяющей горы равнине, крепкому дракону требовалось два или три часа. Если бы Фрелту предложили остаться на ночь, он бы отказался, но чувствовал, что семейка немного перебирает, вышвыривая его из дому, не угостив ничем, кроме хорошо обглоданной ноги, которую Даверак бросил ему в нижней пещере. На любых приличных похоронах вдобавок к глазам усопшего, которые ему полагалось сожрать по закону, священнику предлагали еще фрукты и пиво. После того, как он сухо, но вежливо распрощался и взглянул на идущую вверх дорогу, по которой ему предстояло идти, не имея при себе и глотка воды, он решил, что цена, которую он заплатил за свою недавнюю победу, была слишком высока.

Пенн попрощался с Фрелтом крайне коротко и формально. Он видел, с какой поспешностью Беренда стремилась увезти своих домочадцев,

и в какой-то степени одобрял эту поспешность. Он сам слыл в целом миролюбивым драконом, ненавидел ссоры и вспышки ярости. Даже до того, как он стал священником, он очень редко затевал какие-либо столкновения. Последнее, что им сейчас было нужно, это долгая неопределенность, которая будет питать костер враждебности. Пенн хорошо знал себя. Проведи он полгода или год в своем собственном приходе, со своей женой, которая подает ему его любимые блюда в его уютной столовой, ему бы хватило самообладания, чтобы вынести вид Преподобного Фрелта и даже Сиятельного Даверака. В этот же момент все, что он мог сделать, — это отослать Фрелта во имя богов, чтобы не порвать его на кусочки.

— И вам тоже хорошего путешествия в Бенанди, — сказал Фрелт с сердечностью, которой Пенн не доверял.

— Я еще останусь на день-два, чтобы потом сопроводить мою сестру Селендру ко мне, — сообщил Пенн отрывисто, тоном, не допускающим возражений.

— Только Селендру? — спросил Фрелт. — А что станет с Эйнар?

В поле зрения Пенна остался один Фрелт, и он почувствовал, как непроизвольно сжимаются

его когти. В вопросе Фрелта содержалось предположение, что семья может оставить Эйнар на произвол судьбы, и Пенн вспыхнул гневом. Затем он вспомнил исповедь своего отца. Дракон, чей отец съел своих брата и сестру, не имел права отвергать предположение, что он может покинуть своих собственных родственников.

— Эйнар в дальнейшем будет жить под защитой Сиятельного Даверака, — сказал Пенн спокойно и ровно, как и надлежит священнику.

— Тогда пожелайте им обоим приятного путешествия и от меня тоже. Да избавит вас Джурале от усталости и жажды в пути.

— Благодарю вас, — сказал Пенн, прекрасно понимая, что Фрелт надеялся получить угощение себе в дорогу. «Пусть напьется из дождевых луж», — подумал Пенн, улыбаясь и поднимая лапу в вежливом ритуальном прощании.

Пылая негодованием, Фрелт отправился по каменистому пути. Еще раньше, чем он доберется до дома, будет довольно темно, а он уже отпустил всех слуг, прежде чем ушел сегодня из дома. Как бы он хотел иметь жену, которая бы дожидалась его возвращения и приготовила бы для него мясо и освежающие плоды. Он мог позволить себе жениться. От родителей Фрелт унаследовал не такой

уж большой запас золота, но приход его процветал, а разорительных привычек у него не было. Он прожил так осторожно все семь лет, прежде чем посватался к Беренде. Без всяких сомнений, он мог позволить себе не только жену, но и драгонетов, если только не очень много. От жены ему была бы большая польза. И все же, когда его огорчили отказом, новых попыток он не предпринимал. Слишком сильно его занимала вражда со старым Боном, а кроме того, в округе не на кого было положить глаз. Слишком разборчив он стал, думал Фрелт, шагая по дороге, развил слишком изысканный вкус. Первая же его избранница стала Сиятельной. После этого не мог же он согласиться на какую-нибудь фермерскую дочку или, того хуже, дочку Досточтимого вдвое его старше, у которой уже начинает отвердевать кожа под мордой. Впрочем, после замужества Беренды его округ ничего другого предложить не мог. Может, ему следовало отправиться в Ириет однажды весной, посмотреть, каких драконицц выставляют их мамаши на брачном рынке, да и выбрать одну для себя. Они все могут сколько угодно говорить, что им хотелось бы Благородного, Высокородного или Августейшего, но они согласны и на Сиятельного. Только вот Августейших особ было меньше,

чем драконицы, чтобы всем угодить. Он знал, что многие из них были бы рады богатому священнику, с хорошей синекурой, метров тридцати длиной, и уже припасающему кое-что для детей.

Он тащился вперед и вверх по склону, ощущая тепло заходящего солнца на спине. Он не сожалел о том, что его крылья спутаны красными шнурами. Он гордился ими, гордился тем, как стойко носил их. Некоторые священники, как он был уверен, сочли бы обстоятельства подходящими для того, чтобы развязать их и полететь домой. Фрелт гордился тем, что не сделал этого, что его внутреннее благочестие проявлялось в наружном соблюдении каждой буквы закона. В Тиамате все еще были священники, которые летали каждый день и надевали шнуры, только когда проповедовали, и он презирал их, как подобало каждому благонамеренному дракону. Таких священников было немного, но очень многие носили шнуры только до тех пор, пока не наступали затруднительные обстоятельства, пока шнуры не начинали натирать, пока не надо было совершать утомительное восхождение в гору. Этих Фрелт равно презирал. Священники обладали иммунитетом, их крылья связаны красным в ознаменование этого, поэтому им следовало

не летать, а ходить. Он не поддерживал сторонников крайних мер, которые настаивали, что по Перводням вообще все должны ходить, а не летать, хотя и полагал хорошей манерой ходить в церковь, если только путешествие не было слишком трудным. Однако же священникам следует ходить все время, даже в случае затруднений, что Фрелт прилежно и делал. Он бы хотел, чтобы с ним был кто-нибудь, кто мог бы этим впечатлиться, или чтобы кто-то ожидал его дома, чтобы принести ему выпить, восхититься его стойкостью и попричитать о том, какое расстояние он покрыл. Жена. Беренда была потеряна, но жена ему нужна.

Впервые он подумал о сестрах Беренды. Никогда он не уделял им достаточно внимания. Когда ухаживал за Берендой, они были всего лишь драгонетками, а с тех пор, как они выросли, сношения между приходом и Агорнином стали редки. Он едва ли встречал их где-то еще, кроме церкви. Тем не менее сегодня он разглядел сестер: обе оказались хорошенькими и обе на выданье. Прямо на ходу он припоминал, как они предстали его глазам. Окрас Селендры, пожалуй, поярче отливал девственным золотом, и ему казалось, что ее фиалковые, как у Беренды, глаза смотре-

ли более проницательно. Эйнар определенно побледнее и более мечтательна, с серебряными глазами. Он задумался на мгновение, замерев с вытянутой ногой. Может быть, драконица поспокойнее лучше подойдет ему в качестве жены? Ему бы хотелось домашнего уюта и обожания, а не драмы и волнений. Однако живость часто сопровождается большей выносливостью. Он хотел жену, которая принесет ему драгонетов и будет продолжать жить с ним в качестве компаньонки, а не увянет и не оставит его вдоветь после первой же кладки.

Значит, Селендра. Он продолжал идти, но шагал осторожнее, потому что солнце уже опустилось и на дороге стемнело. С другой стороны, Селендра должна отправиться жить с Пенном, а Эйнар должна присоединиться к дому Беренды. Родственные связи Эйнар могли бы сослужить ему хорошую службу, хотя Пенн может воспротивиться сватовству, разгневанный исходом сегодняшнего разбирательства. Задним числом он осознал, что принял глупое решение. Если бы он раньше подумал о возможности сватовства к одной из девиц, в его интересах было бы рассудить в пользу Пенна так, чтобы они получили свою долю драконьей плоти по справедливо-

сти. Как священник он бы получил не слишком много, но достаточно, чтобы содержать жену. Он вспомнил про маленького зеленого Ламерака и содрогнулся. Этого драгонета должно отбраковать, а не выхаживать. Его сестра была всего лишь бледно-золотой, с легчайшим отблеском зеленого. Надо было выступить против Даверака и позволить напитаться молодым, тогда Эйнар и Селендра были бы лучше упитанны и благодарны ему. Теперь уже поздно. Ему придется уповать на благодарность, которую они будут испытывать от самого замужества и обретения своего дома вместо того, чтобы жить у кого-то в качестве бедных родственников.

Он взвешивал достоинства обеих драконицы весь следующий час пути. Решение было принято еще до того, как он добрался до дому. По причинам, которые он называл филантропическими, Фрелт решил сделать предложение Селендре. Эйнар отправлялась в дом Сиятельного, в высшее общество и мир моды. У нее будут все возможности, чтобы встретить своего будущего мужа. Селендра отправляется в сельский приход, такой же, как его собственный, только не хозяйкой, а приживалкой. (Конечно же, ему не стоит беспокоиться о ее избыточной живости, если ее

брат Пенн, который знал ее несравнимо лучше, решил, что такая жизнь ей подходит больше.) Он бы мог вызволить ее из нужды, ну, или почти нужды. Приданое ее будет невелико, но все же станет неплохой прибавкой к тонкому слою золота, которое устилало его нижнюю пещеру. Если действовать быстро, пока Пенн не увез ее, тот не сможет сильно воспротивиться. Может, даже удастся убедить Селендру согласиться на немедленное романтическое бегство, чтобы умыкнуть ее без формального согласия, а потом уж разбираться со всем прочим. Как это было бы кстати — жениться! Жена священника может летать в любой день, кроме Перводня конечно, что значительно облегчит доставку припасов из-за гор.

К тому времени, когда Фрелт утолил жажду в холодном приходском доме, в голове у него уже ясно сложился план на следующие десять лет, который начинался с того, чтобы снова пройти весь путь в обратном направлении и поговорить с Селендрой прежде, чем она отправится с Пенном в Бенанди.

7. Мольба Эймер

Пенн передал пожелания доброго пути от Фрелта своим сестрам в присутствии Эйвана. Поэтому, когда Эйван проснулся рано утром и полетел вниз, в луга, чтобы принести быка на завтрак, он изумился, увидев, что Фрелт снова ползет по дороге через гору. Прошедшая ночь не изменила намерений Эйвана в отношении предстоящего иска, равно как и не стал он более расположен к священнику, который разрешил диспут в пользу его зятя. И все же нести груз обид сподручнее с вечера, чем свежим летним утром, поэтому Эйван подлетел и, не выпуская быка из когтей, довольно бодро поприветствовал Фрелта.

— Какое прекрасное утро, — начал он.

Фрелт проснулся, полный новой решимости, и уже стер ноги, пока тащился по каменистой дороге, прикидывая, как лучше всего приступить к делу. Он видел не переливы росы, а только влажное неудобство, не сияющее солнце, а источник слишком яркого света, и вовсе уж не находил красоты в знакомом нагромождении утесов. Ему пришлось изогнуть шею, чтобы посмотреть снизу вверх на Эйвана, что беззаботно планировал в

голубом небе, с которого сам Фрелт был изгнан. Он не завидовал молодому дракону или, скорее, уверил себя, что не завидует, но желал бы некоторого признания той жертвы, что он приносил, или хотя бы тех усилий, что она влекла за собой.

— Вельд сотворил мир для нашего удобства, но Джурале, в милости своей, добавил миру красоты, — ответил он благочестивой цитатой.

Эйван был не более религиозен, чем любой молодой дракон, которому предстояло, как и ему, проложить себе путь в жизни. Можно сказать, что он хранил много традиционных верований, которые никогда не переставал практиковать, посещал церковь только потому, что было бы странным не делать этого, но едва уделял внимание тому, что происходило во время этих посещений, и находил благочестие, вынесенное с церковной кафедры, крайне неуместным. Допроси его хорошенько, и он бы присоединился к тем, кто считал, что религию следует ограничить до Перводней, хотя во всех прочих случаях избегал бы такой радикальной компании. Он не был вольнодумцем, но роль, которую религия занимала в его жизни, следовало назвать скорее традиционной, чем духовной. Ему нравились привычные службы Перводней лишь потому, что

они были привычны, а не потому, что это службы, и он, разумеется, посещал именно ту церковь в Ириете, чей священник славился краткостью своих проповедей. Такой ханжеский ответ на его приветствие тут же вернул все его раздражение Фрелтом. Он не стал ничего добавлять, заложил вираж и приготовился лечь обратно на путь к дому.

— Останьтесь, — воззвал Фрелт. Эйван помедлил, сделал круг, хотя уже много выше и продолжал подниматься на восходящем потоке. Он вопросительно глянул вниз.

— Я направляюсь нанести визит вашей семье, — сказал Фрелт, вынужденный кричать, чтобы его услышали.

— Не могу воспрепятствовать, — сказал Эйван, поддавшись грубости, — но шепотом. — Дорогу вы знаете, — добавил он более отчетливо и улетел прочь, чтобы предупредить сестер.

Селендра и Эйнар накануне долго не ложились, стараясь утешить друг друга после ухода отца. Уже не первую утрату испытали они в семье, но другие случились, когда они были еще совсем молоды и страдать не умели. Мать их умерла вскоре после того, как они вылупились, и они едва ее помнили. Тогда невозможно еще было

доподлинно осознать, как недоставало в их взрослении ее направляющей руки. Однокладник Эйвана, Меринт, ушел, когда они еще не достигли сознательного возраста. Они видели несчастья, постигшие другие семьи, и думали, что за время долгой болезни отца уже поняли, что будет означать его смерть. Но только теперь они осознали, что ничто не может подготовить к смерти.

Прекрасное утро, что тронуло сердце Эйвана, казалось почти насмешкой Селендре. Как могло солнце сиять на небе, когда отец ее мертв, а она скоро будет оторвана от всех, кого любила. Она оставила Эйнар спящей в спальной пещере и печально спустилась в кухню, чтобы накрыть к завтраку. Эймер уже хлопотала там над истощившимися припасами.

— Все ужасно запущено за время болезни вашего отца, ‘Чтен Сел. Но если вы все уезжаете, может, оно и к лучшему, была охота оставлять припасы для Беренды и этого ее мужа-задаваки.

Селендре бы устроить выговор служанке за такую развязную речь, но Эймер за долгую службу в семье была удостоена привилегий, так что Селендре даже и в голову не пришло ее одернуть. Хотя она могла бы без запинки повторить все правила относительно того, как следует держать

прислугу на своем месте, она и не думала применять их к Эймер, которая поступила к Агорнинам, еще когда Бон Агорнин женился, и выхаживала всех драгонетов, пока они подрастали.

— Я отважусь предположить, что Сиятельный Даверак отворотил бы свою благородную морду от наших пресервов и копчений, если бы мы их запасли, — сказала она, выказав солидарность с Эймер и тем самым поощряя ее.

— Нестерпимо думать о том, что он завладеет нашим прекрасным жилищем.

Эймер захлопнула почти пустой буфет и повернулась к Селендре.

— Возьмете меня с собой в Бенанди? — спросила она.

Селендра поколебалась.

— Эйнар хотела, чтобы ты поехала с ней. У меня будет Пенн, знаешь ли, а у нее будет только Беренда.

— Мне очень жаль ‘Чтен Эйнар, и я бы очень хотела ей чем-то помочь, но мне теперь о себе подумать надо, — сказала Эймер. — Я уже старая и давно служу вашей семье, а до вас — семье вашей матери. Позвольте мне поехать в Бенанди.

Встретив такую решимость, Селендра не могла настаивать.

— Не знаю, разрешит ли Пенн. Я даже не знаю, может ли он себе это позволить. Так благородно с его стороны взять меня к себе в дом, и я не знаю, сможет ли он поддерживать еще и тебя. Эйнар же он не смог взять к себе. Я, конечно, попрошу его об этом, но обещать не могу.

— Я хорошо работаю, вы и сами знаете, а лишняя служанка — это не то же, что еще одна сестра.

— У него жена есть, — вспомнила Селендра. — Ее зовут Фелин. Я виделась с ней только на свадьбе, и то коротко, я совсем ее не знаю. У нее могут быть свои соображения, сколько ей надо слуг, и я уверена, что в эти планы не входит моя личная прислуга. — При этой мысли она рассмеялась. — Я — и со своей служанкой, будто очень важная драконша. Как Беренда.

— Да я бы и рада служить только лично вам, и вы заслуживаете, чтобы вашу чешую полировали, как другим драконицам, но вы же знаете, что я возьмусь за все, что потребуется. Я буду пещеру скрести, если им надо, и заготовки я отлично делаю, и лекарства. — Передние лапы Эймер распростерла перед собой, будто нищенка, умоляя о подаянии.

— У нее могут быть и свои представления о том, как управляться со слугами, насколько туго

стягивать им крылья, — предупредила Селендра.

Мы уже упоминали, что крылья Эймер были связаны едва ли туже, чем у Пенна. Нам следует также признаться, что однажды, во время болезни отца, Селендра и Эйнар разрешили и вовсе распутать крылья Эймер, чтобы она могла слетать пособирать травы. Те, кто от этой новости всплеснут крыльями от ужаса, должны принять во внимание, что Эймер вернулась и до сих пор служила семье, а не воспользовалась возможностью улететь в горы и начать новую жизнь.

— Я все вынесу, как бы туго ни перетянули мне крылья. У Беренды, скорее всего, так и будет, но не в этом дело. Я боюсь только того, что меня вообще не захотят оставить. Эти бездельники — слуги Даверака — болтали, когда вы были в нижней пещере, и, может быть, они только пытались напугать меня, но непохоже на то, так вот, они говорили, что Даверак поедает состарившихся слуг.

— Съедает их против их ясно выраженной воли? — спросила Селендра так, что ее неприязнь к Давераку стала достаточно очевидной.

— Поедает их прежде, чем они умрут, — сказала Эймер, но тут же спохватилась, увидев, что Селендра поражена ужасом. — Нет, нет, не живьем

поедает, а убивает их, чтобы съесть, как убивают слабых драгонетов.

— Какое чудовищное расточительство, — сказала Селендра. — Нет, этого не может быть, его священник бы этого не позволил, — она придала своему голосу гораздо больше уверенности, чем чувствовала на самом деле, чтобы убедить старую служанку в том, что она процитировала. — Дракона нельзя убить, кроме как после вызова на дуэль или в присутствии священника, для улучшения драконьей породы, — и это касается нежизнеспособных драгонетов, а не служанки, которая не так быстра, как когда-то.

— Священники не всё видят. Есть еще и продажные священники, которые могут закрыть глаза на такое, и кто может сказать, что священник Сиятельного Даверака не таков? — Эймер многозначительно посмотрела на Селендру.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы убедить Пенна взять тебя со мной, — сказала Селендра.

Тут только вошел Эйван, пригнув голову, чтобы поднырнуть под притолокой. Через лапу его был перекинут бычок.

— Я выходил за завтраком, — сказал он, улыбаясь.

— О, благословляю тебя, — воскликнула Се-

лендра. — Мои запасы совсем иссякли.

— Вот и нечего их оставлять Беренде, — ответил Эйван.

— Вот и Эймер то же самое говорит, — сказала Селендра. Эйван посмотрел на Эймер так, чтобы она поняла, что он никоим образом не стал бы распускать слуг, как его сестры. Та послушно склонила голову и приняла у него тушу.

— По пути я встретил Преподобного Фрелта, — сказал Эйван. — Он идет, чтобы нанести нам семейный визит, как он выразился. Я понятия не имею, что ему надо, — думал, что больше мы его не увидим. Пожалуй, отец был прав, что постоянно находился с ним в ссоре, Фрелт такой зануда.

— Ну, мы не можем начать ссориться с ним до завтрака, — сказала Селендра.

— А жаль, — ответил Эйван.

Эймер позволила себе фыркнуть в ответ на это замечание. Эйван нахмурился, и даже Селендра посмотрела укоризненно, словно спрашивая — вот так ты себя намерена вести в доме Преподобного Пенна? Эймер приняла во внимание молчаливый упрек и начала аккуратно разделывать быка, ничего не отвечая, показывая, что знает свое место.

8. Предложение

Селендра посчитала за должное спуститься вниз, ко входу, чтобы поприветствовать Преподобного Фрелта. Так случилось, что раньше ей никогда не доводилось выполнять эту обязанность. Когда ее отец и Фрелт были еще в ладах, прежде злополучного сватовства Фрелта к Беренде, Селендра была всего лишь драгонеткой, и его приветствовала сама Беренда. С тех пор визиты его стали редкими и формальными, и его впускала к Бону Агорнину Эймер, будто он был просто незнакомцем, или, пуще того, его встречали угрозами прямо через порог.

— Эймер, продолжай сервировать завтрак и проследи, чтобы все было, как положено при посещении священника, — строго наказала она. — Эйван, если ты предупредишь Пенна и Эйнар о посетителе, буду тебе весьма признательна.

Затем она быстро окинула себя взглядом, чтобы убедиться в отсутствии случайного пятнышка крови, поспешно пригладила чешую спереди и поспешила по направлению к нижним воротам. Таковы были приготовления драконицы Селенд-

ры, когда она отправилась навстречу своему первому предложению о замужестве.

Фрелт был несказанно рад, увидев, что приветствовать его поспешает Селендра. После того как Эйван внезапно покинул его, Фрелт некоторое время гадал, не примут ли его дети так же неласково, как принимал их отец. Он помнил, как вел с ним себя Пенн накануне. Как бы это ни было неприятно, он понимал, что, если он хочет поладить с семьей, ему следует признать, что он был неправ в разрешении спора. Он вообще не был уверен, что ему дадут повидаться с Селендрой. По истечении ночи он убедил себя в том, что он желает именно Селендру, и даже наполовину уверовал, что вот уже некоторое время как влюблен в нее. Фермер впустил его через нижнюю дверь, и он медленно пробирался по узкому проходу, то и дело неловко протискиваясь между стен, и думал о том, как бы не повредить глянец чешуи, беспокоясь об этом немного больше, чем приличествовало священнику. Так что, когда он увидел спускающуюся к нему Селендру, он одарил ее улыбкой, в которой, помимо искреннего удовольствия, была толика гордости, что являлась его сильнейшим качеством.

— Преподобный Фрелт, чем мы могли бы вам

служить? — спросила Селендра. — Не хотите ли позавтракать с нами?

— Благодарю тебя, Почтенная Агорнин, буду несказанно рад.

Селендра повернулась, и они уже вдвоем продолжили свой путь к вершинам обиталища. Когда коридор расширился настолько, что они могли идти рядом, Фрелт немедленно воспользовался этим обстоятельством, чтобы поравняться с ней. Он снова улыбнулся Селендре, надеясь, что она заметит его крепкие и ровные зубы. Она не улыбнулась в ответ, а продолжала вести себя с ним сдержанно.

— Не случилось ли чего? — спросила она. — Мы не ожидали увидеть вас сегодня.

Единственное, что могло прийти ей в голову, — это какая-либо неувязка с похоронами, которые, как она знала, ее братья не захотят обсуждать с чужаками, и с Фрелтом тем более.

— Почтенная Агорнин, ничего дурного не случилось, вообще ничего. Я просто пришел, чтобы засвидетельствовать почтение вашей семье и узнать, не мог бы я чем-то служить в это время скорби.

Эта тирада была настолько банальна, что могла быть адресована любым священником любому

скорбящему семейству, но Фрелт еще дополнительно смягчил ее новой улыбкой, уже гораздо менее естественной.

Селендра поняла его буквально и оказалась сбита с толку.

— Мы, конечно, рады вам, но, если бы нам понадобился священник, мой брат Пенн все еще здесь, к тому же похороны закончились, и я не понимаю, что бы вы еще *могли* для нас сделать.

— Я пришел, чтобы засвидетельствовать свое почтение тебе, Селендра, — сказал Фрелт, слегка вращая темными глазами в ее сторону в безошибочно опознаваемой манере. — Поскольку ты вскоре уезжаешь и остается совсем мало времени, я не хотел терять его.

Притом что Фрелт был деревенским священником, он все же провел некоторое время в столичном обществе Ириета и всегда считал себя более утонченным драконом, чем те, кто его окружал. Он знал, что общество не одобрило бы такого поведения, и совсем не так он действовал, когда делал предложение Беренде. Но время было не на его стороне, а он не хотел упустить возможность. Они уже вот-вот должны были выйти к сухой и более просторной части обиталища, и он не чаял снова оказаться наедине с Селендрой после этого.

Кроме того, он так много и так сосредоточенно обдумывал свой план, что почти забыл о том, что Селендра никогда не рассматривала его как возлюбленного, не говоря уж о том, что она редко когда вообще о нем думала. Он хотел уладить все между ними прежде, чем будет говорить с ее братьями.

Селендра помертвела, не в силах понять его неправильно, тем паче что он назвал ее по имени, и настолько поразилась этому объявлению, что утратила контроль за своими движениями. Фрелт, не ожидая этого, сделал очередной шаг и почти споткнулся об ее хвост.

— Как ты полагаешь, могла бы ты мною заинтересоваться? — спросил Фрелт, восстановив равновесие, склоняясь к ней, глядя в ее глаза и возлагая коготь на ее лапу.

Для Селендры это было сущим кошмаром. Ни один самец дракона, кроме ее отца и братьев, никогда не приближался к ней так близко. Коридор был темным, тесным и более чем влажным. Она никогда толком не знала Фрелта, но всегда недолюбливала его, думая, что он и близко не был хорош для Беренды. Он склонился еще ближе, налегая на нее, хотя и прекрасно знал, что она девственная драконица и может пробудиться к

любви вследствие такой близости. Он заготовил разные аргументы, но теперь, когда почувствовал ее близость, почти утратил контроль над собой из-за ее запаха.

Селендра почувствовала, что крылья ее вздымаются, хотя места для этого и не было. Крылья обмели паутину с потолка прохода. Она схлопнула их обратно, и только тогда самообладание вернулось к ней настолько, что она смогла отпрянуть от него на шаг или два.

— Я осознаю честь, которую вы мне делаете, но ответ мой — нет, — сказала Селендра, пользуясь готовой фразой, которой обучают всех девственных драконицц, но придав ей ноты ужаса. — Никогда больше не заговаривайте со мной об этом, — добавила она твердо, насколько была способна, медленно пятясь от него.

— У меня прекрасный приходской дом в горах, и я священник шести поместий, — продолжил Фрелт, не обращая внимания на ее отказ, зная, что сначала все драконицы говорят «нет». — Если ты выйдешь за меня, то будешь хозяйкой собственной усадьбы и тебе не придется уезжать из сельской местности, которую ты так любишь. Женам священников не запрещается летать.

— Я сказала — нет, — повторила Селендра, пово-

рачиваясь и ускользая от него вверх по проходу, предоставляя следующим словам долетать к нему на сквозняке коридора. — Я даже представить себе не могу, о чем вы говорите. Вы не знаете меня и не можете видеть во мне будущую жену. Я знаю, что вы были влюблены в мою сестру Беренду.

— О, но это было очень давно, когда ты была еще драгонеткой. Я любил твою сестру до того, как узнал твою красоту, она была лишь тенью того, чем ты должна была стать.

Фрелт был изрядно горд этим оборотом, что специально приготовил по дороге через гору на тот случай, если она упомянет его предыдущее сватовство. Он бы хотел произнести его в более благоприятной обстановке, но теперь Селендра удирала от него со всей доступной ей резвостью, и ему трудно было поспеть за ней, так что приходилось кричать безо всякой надежды быть услышанным.

— Мой ответ — нет! Прошу меня больше не беспокоить, — взмолилась Селендра, почти плача, убегая вприпрыжку и даже вперелетку, когда позволяла высота потолка. Фрелт преследовал ее изо всех сил, но спутанные крылья мешали ему.

Селендра почти ворвалась в столовую, где собралась ее семья, все еще с Фрелтом на хвосте.

К счастью, благоразумие вернулось к ней, когда она сумела оторваться достаточно, чтобы повернуться и встретить его в широком холле между парлором и столовой.

— Я совершенно серьезна, сэр, и уверена в своем ответе, — сказала она. — Нет, не приближайтесь. Вы священник, и я знаю, что вы сделали честное предложение, а не пытались взять меня силой.

Взять ее было гораздо ближе к намерениям Фрелта, чем он хотел бы признать, но он тоже успокоился после погони и остановился, как ему было велено. — Не захочешь ли ты подумать какое-то время? — спросил Фрелт. — Следует ли мне считать мои надежды сокрушенными навсегда?

— Именно, именно навсегда, — ответила Селендра все еще в некоторой ажитации. — А теперь уходите, прошу вас, если вы приходили за этим. — Она снова повторила формулу отказа, в нетерпеливом порыве проговорить ритуал до конца. — Я осознаю честь, которую вы мне сделали, но мой ответ отрицательный. Прошу вас поверить мне, Преподобный Фрелт. — Она положила лапу на дверь столовой. — Мои братья здесь, и я нахожусь под их защитой.

Фрелт почувствовал, как глубоко в горле его рождается рык. Она не должна была этого гово-

рить. Он — уважаемый священник, а не какой-то бандит. Он уже забыл, что собирался утащить ее и уладить все формальности позже. Он даже забыл, что был близок к ней настолько, что все еще мог добиться успеха в своих притязаниях, несмотря на ее отказ. Он раздраженно повернулся, и вот перед ним опять простерся длинный путь вниз по коридору, а за ним — длинная дорога домой, и опять он пустился в этот путь, так и не отведав никакого угощения.

III. Сестринский обет

9. Окрас Селендры

Все три дракона оторвались от своих кусков мяса и посмотрели на дверь столовой. Эту солидную, старомодную, тесно пригнанную к входной арке деревянную дверь Селендра распахнула одним толчком так, что та затрещала под ее лапой. Некоторые считают, что деревянные двери — это наследие Яргов и потому — омерзительны, равно как и мантильи, исповеди и вареное мясо. Другие же говорят, что со временем они просто вышли из моды. Бон Агорнин уступил моде достаточно, чтобы снять дверь парлора, но настаивал, что следует руководствоваться традицией в том, что касается столовой. Таким образом, дверь по мере своих возможностей не только защищала обитателей, но и оповещала их, так что сидящие за столом Агорнины приготовились приветствовать сестру в сопровождении, как они полагали, Преподобного Фрелта.

Селендра явилась в каком-то непонятном виде. То зардеется почти розовым, а то побледнеет и станет едва ли не светлее, чем деликатный оттенок Эйнар. Она закрыла за собой дверь и секунду стояла, повернувшись к семье хвостом.

— Что случилось? — выпалила Эйнар.

— Где Фрелт? — спросил Пенн мгновение спустя.

Если бы у Селендры было время собраться, она смогла бы дать уклончивые ответы на все эти вопросы. Она знала, что драконице не пристало выдавать возбуждение после того, как отклонишь предложение лапы и сердца. Однако же возбуждение не спадало, времени у нее не было, и она совсем не верила, что это предложение было благопристойным. Она повернулась к ним мордой.

— Фрелт ушел, — ответила она брату. — А я немного не в себе, — сообщила она сестре. Она опустилась на пол, и Эйван молча передал ей заднюю ногу быка. Она приняла ее, но есть не начинала. Все остальные не отрывали от нее глаз.

— Ушел? — спросил Пенн, собираясь с мыслями. — Не дождавшись того, ради чего приходил, что бы это ни было?

— У него не было никакого дела, — сказала Селендра. — Точнее говоря, я была этим делом. Он приходил, чтобы сделать мне предложение, и я отклонила его, а он ушел. Вот и все. — Не бывало еще случая, когда девица была бы менее довольна неожиданным предложением. Она поникла,

сидя на корточках, снова порозовела и замерла, будто разбитая параличом.

— Он что… приближался к тебе? — спросила Эйнар.

— Если он это сделал, я добьюсь, чтобы его вышвырнули из Церкви, — сказал Пенн, в гневе поднимаясь из-за стола.

— А как только его лишат иммунитета, я порву его на лоскуты, — добавил Эйван, расправляя над собой крылья. — Селендра?

— Он не причинил мне вреда, — быстро сказала Селендра. — Он не нападал на меня. Но он достаточно приблизился, чтобы смутить меня, и я, похоже, утратила самообладание.

— Да ты же вся розовая! — провозгласил Пенн, хотя в этот момент она уже совершенно побелела. — Если он это сделал, он обязан на тебе жениться.

— Но он этого и хочет! — ответила Селендра, снова розовея, и, не поднимаясь на лапы, отодвинулась на шаг от брата. — Он приходил в надежде объявить меня своей невестой. Я ненавижу его и никогда не выйду за него замуж.

— Тебе не следовало оставаться с ним наедине, — сказал Эйван.

— Со священником? — воскликнула Эйнар,

ополчаясь на защиту сестры. — Священников всегда встречают, ты же знаешь, потому что они не могут прилететь к обычному входу. Ты же был там, когда Сел сказала, что идет его встречать, ты сам нам сказал, что она пошла с твоего разрешения.

— Он злоупотребил своим положением священника, — сказал Эйван.

— Я не пострадала, — настаивала Селендра слабым голосом, опровергающим ее слова. — Ничего не произошло, кроме того, что он сделал предложение, а я отвергла его.

— Он должен был получить мое разрешение разговаривать с тобой, — сказал Пенн, нахмурившись. — Разрешение, которого я определенно не дал бы. Но если ты порозовела, моя дорогая, а я боюсь, что это так и есть, тогда уже слишком поздно идти на попятную, и свадьбы не миновать. Это хорошая мина при плохой игре, я знаю, но подумай, что еще остается.

— Я не розовая, я просто возбудилась. Когда я поем и немного отдохну, я уже не буду розовой, — сказала Селендра, поворачивая голову, чтобы разглядеть собственную чешую. — Я никогда не выйду за Фрелта. Он наглец, зануда и самодовольная свинья.

Эйван и Пенн обменялись понимающими взглядами. Они — взрослые драконы, которые повидали гораздо больше, чем сестры, — оба не могли отделаться от мысли, — что им делать теперь с сестрой, которая оказалась ни девицей, ни женой. Эйван принялся гадать, есть ли у него такие знакомые в Ириете, кто может в подобных обстоятельствах согласиться взять сестру в качестве сожительницы. Это бы не было замужеством, которого он желал бы и в котором сестра обзавелась бы собственным домом. Однако в столице есть пробивающие себе дорогу драконы, которые сочли бы ее приданое и связи достаточно привлекательными, несмотря на ее румянец, даже если и не захотели бы дать ей свое имя и статус. Ни один дракон не предложил бы такое своей сестре, но это может оказаться лучше, чем замужество со священником, которого она презирает и который сознательно обидел ее.

Селендра молча откусила несколько раз от своей порции. Затем она подняла голову. Ее фиалковые глаза наполнились слезами и быстро вращались.

— Почему вы все на меня так смотрите и ничего не говорите? — спросила она. — Я не сделала ничего дурного, ничего. Я не опозорена. Я отказы-

ваюсь быть обесчещенной.

— Конечно нет, — сказала Эйнар, тут же подойдя к сестре и охватив ее крыльями. — Пойдем в нашу пещеру, ты отдохнешь, и тебе сразу станет лучше.

Сестры вместе отправились на выход.

— Я что, правда розовая? — спросила Селендра Эйнар, как только они остались одни. — Настолько розовая, что всем видно?

— Ну, самую малость, временами, — ответила Эйнар. — Это скоро пройдет, я уверена, если ты не позволила ему приблизиться к себе.

— Я позволила, — призналась Селендра. — Я была так поражена, что не могла сдвинуться с места, и он подошел совсем близко, даже прислонился ко мне.

— Что же нам делать? — спросила Эйнар. — Пенн и в самом деле собирается выбрать наименьшее из зол, он выдаст тебя замуж. Что еще тебе остается?

— Эймер должна знать, — решительно ответила Селендра. — Позови Эймер и расскажи ей, что случилось. Если есть хоть какой-то способ вернуть мне мой цвет, она знает.

Селендра отправилась в спальню, а Эйнар поспешила, чтобы отыскать Эймер.

10. Сестринский обет

Пока Эйнар рассказывала, что произошло, Эймер охала и причитала, а в конце обложила Фрелта презрительной бранью, и все это на одном горячем дыхании. Затем она велела привести Селендру в кухню и поставила на огонь чайник, чтобы нагреть воды.

— Ты уже достаточно взрослая, чтобы все понимать, — начала она, когда вошла розовая и несчастная Селендра. — Я не могу обращаться с тобой как с ребенком, которому обманом дают лекарство.

— Я приму его, что бы это ни было, — взмолилась Селендра.

— Скорее всего, оно вернет твой прежний облик без последствий, — сказала Эймер, растирая в ступке травы. — Но ты должна знать, что остается вероятность, что оно не сработает или сработает слишком хорошо. Это лекарство, а не магия, а лекарство работает по законам чисел, а не по законам природы.

— По законам чисел? — переспросила сбитая с толку и все еще розовая Селендра. — Дай мне его, и я досчитаю, до сколько скажешь.

— Вот это будет уже магия, — ответила Эймер, улыбаясь и показывая зубы. — Кроме того, оно должно настояться, тебе придется подождать. Эйнар сказала, что он коснулся тебя?

— Он навалился на меня, — призналась Селендра во второй раз. Она осела и прилегла на полу, сложив голову на передние лапы и наполовину обернувшись крыльями, едва ли не сильнее пораженная воспоминанием, чем самим происшествием.

Эйнар со слезами на глазах тоже расправила крылья, чтобы укрыть сестру.

— Надо что-то делать, — сказала она Эймер.

— Я делаю все, что могу, — ответила та. — Конечно, хорошо бы этот настой помог тебе забыть обо всем этом. Но вот что я имела в виду, когда говорила про закон чисел. Большинству драконов это не вредит, только вот нельзя заранее сказать, не попадешь ли ты в число тех немногих, кому это может все-таки навредить.

— Я выпью это, — сказала Селендра тихо, почти неслышно.

— Ты должна понимать, — настаивала Эймер. Вода закипела, и она залила смесь в горшке кипятком. Там были молотые семена, какие-то зеленые водоросли и еще что-то красное и суше-

ное, что разбухло в воде и распустилось совсем как цветок. Эймер старательно все перемешала и отставила горшок в сторону.

— Если это не сработает, хуже, чем сейчас, тебе не станет. Если сработает, будет хорошо, просто замечательно. А если сработает слишком хорошо, ты восстановишься, но не сможешь розоветь как положено, когда придет время. Теперь сядь и скажи мне, что ты поняла все, что я тебе говорила, прежде чем я дам тебе это.

Селендра медленно поднялась с пола. Она расправила свое тело во всю длину — двадцать футов без изгибов, — расправила грудь и крылья так, что Эйнар и Эймер забились по углам.

— Я понимаю этот риск и пойду на него, — сказала она. — Я всегда хотела выйти замуж и завести драгонетов с драконом, которого полюблю, несмотря на риск материнства, но я откажусь от всего этого ради возможности восстановить свой вид и не проводить остаток моей жизни с этим отвратительным Фрелтом.

— Ты не должна отказываться от этой надежды, если только не будешь розоветь возле дракона, который тебя полюбит, — сказала Эймер. — Особо вредно принимать это зелье повторно. Кроме того, не переоценивай риски замужества. Ты

говоришь о короткой жизни, будто это удел каждой невесты, но твоя мать не ослабла до ее третьей кладки, а говорят, что такое передается по наследству. Если вы обе будете осторожны и выйдете за драконов, которые удовлетворятся двумя кладками с достаточно большим интервалом, вы еще сможете дожить до старости и порадоваться внукам.

— Мне кажется ужасным обычаем, что девушки должны расставаться со своим золотом, чтобы выйти замуж, — сказала Эйнар. — И с золотом приданого, и со своим природным золотым цветом. Я не хочу умирать, как умерла матушка и еще много драконш до нее.

— Старой девой быть ничем не лучше, — сказала Эймер. — У тебя начинает твердеть подбородок, а золото окраса становится серым. — Сама Эймер мало отличалась по цвету от каменных стен пещеры. Она подцепила горшок с отваром, понюхала его и осторожно перелила в чашу.

— Если я не смогу выйти замуж, я отдам тебе свое приданое, Эйнар, — сказала Селендра, принимая чашу. — С двумя нашими долями и твоей нежной красотой ты можешь составить прекрасную партию очень важному Августейшему или Высокородному, а я смогу жить с тобой и стать

тетушкой твоему единственному выводку драгонетов. — Она пригубила чай, наморщив морду от горечи.

— А если окажется, что ты сможешь выйти замуж, я бы сделала то же самое и жила бы с тобой, — сказала Эйнар. — Давай договоримся, что мы не согласимся выйти замуж за дракона, которого другая не знает и не почитает, и что мы не изменим этому решению.

Селендра осушила чашу.

— Я готова согласиться с этим, — сказала она. — Но мне кажется, что у тебя будут гораздо лучшие виды найти хорошего мужа, если станет известно, что у тебя шестнадцать крон золота приданого, а не жалкие восемь.

— Скорее всего, отвар не приведет к огорчительным последствиям, — сказала Эймер. — Чем больше ты беспокоишься на этот счет, тем хуже.

— Я уже чувствую себя лучше, — сказала Селендра. И в самом деле казалось, к ней уже возвращается ее природный золотой цвет.

— Беспокоясь о том, что не сможешь рдеть, ты можешь сделать только хуже, как и мое снадобье, — сказала Эймер.

— Я не беспокоюсь, — ответила Селендра. — Я просто говорю о видах Эйнар на замужество. Есть

этот друг Даверака, Досточтимый Лондавер, он дважды танцевал с тобой на балу у Беренды.

— Он для меня ничего не значит, — продолжала настаивать Эйнар, но с улыбкой.

— Его я бы одобрила, — продолжала Селендра.

— Ты будто бы и не хочешь выходить замуж и быть счастливой, — сказала Эймер. Она выскребла остатки трав из горшка и бросила их в огонь очага, где они зашипели и съежились, издавая острый запах.

— Меня клонит в сон, — сказала Селендра.

— Это начинает работать снадобье, — сказала Эймер, принимая у Селендры чашу. — Дай я это вымою. Отправляйся в пещеру и спи, а когда проснешься, будешь как новенькая.

Эйнар шла по коридору вслед за сестрой. Как только они вошли в пещеру, Селендра тут же расположилась на своем золоте.

— Я действительно хочу этого, — сказала она сестре. — Расскажи всем, что у тебя шестнадцать тысяч.

— Тогда и ты сделай то же самое, — сказала Эйнар. — Если тебе не суждено выйти замуж, ты это поймешь. Если нет, то кто из нас первой найдет мужа, та и даст кров другой. Будет так хорошо жить вместе, как мы всегда жили. Мне будет так

не хватать тебя у Беренды.

— Я буду навещать тебя, — сказала Селендра. — Беренда уже пригласила меня. Я приеду на несколько недель или на месяц будущей весной. В доме Пенна нет места, чтобы ты смогла навестить меня, но мы не станем друг другу чужими.

— Но если ты встретишь какого-нибудь дракона в Бенанди, он будет для меня совершенным чужаком.

— Я сомневаюсь, что вообще когда-нибудь выйду замуж, — сказала Селендра. — Я думала, что хочу этого, но все, что случилось, так неприятно, что может полностью изменить мои желания. Мне следует остаться девой, старой и серой, а ты будешь рубиново-красной знатной дамой, и мы всегда будем жить вместе. — Селендра так зевнула, показав полный набор клыков и огромный красный зев пасти, что любая мать, гувернантка или няня сочли бы это неподобающим для драконицы.

— Та из нас, кто первой встретит и полюбит дракона, примет его, только если другая знает и почитает его, а после мы все будем жить вместе, — сказала Эйнар.

— Я клянусь в этом, — сказала Селендра, обнимая сестру.

— И я клянусь в этом, — повторила Эйнар, обнимая Селендру в ответ.

Селендра откинулась на своем золоте, снова зевнула, уже более подобающим образом, прикрывая пасть крылом, и заснула. Эйнар смотрела на нее некоторое время, чувствуя первые подступы тоски от предстоящей разлуки. Разлука с Селендрой казалась Эйнар такой же бедой, как смерть отца. Она уселась при входе в пещеру и приготовилась охранять сестру от любых напастей, что могут приключиться.

11. Сюрпризы для Пенна

Сразу после завтрака Пенн устроился повыше на скале и провел целый день в молитвах всем трем богам. Он молил о милости для Селендры и о мудрости для себя, чтобы поступить с ней правильно, о душе своего отца, которая все еще летела навстречу перерождению. Он бы отправился в старую церковь, где впервые познал богов, если бы не вероятность встретить там Фрелта. Чем больше он думал о Фрелте, тем больше сердился. Он пытался простить его, как следовало бы священнику, он пробовал думать о нем лучше, и он старался обрести покой с помощью медитации. Прощения для Фрелта он не нашел, и думал о нем тем хуже, чем больше рассматривал обстоятельства случившегося, но наконец обрел нечто вроде покоя, сидя на самой высокой точке утеса, в окружении ветров и облаков, снова и снова повторяя молитву о душе своего отца.

Когда он спустился вниз, первым ему встретился брат. Эйван тоже провел целый день в мыслях о Селендре. Предложение Фрелта затмило для

обоих братьев даже грубость Сиятельного Даверака. Серебряные глаза Пенна, когда он вошел, вращались всего раз или два в минуту, будто он отсутствовал здесь и смотрел куда-то вглубь себя. Он почти споткнулся об Эйвана, который полулежал на уступе, преграждая брату вход.

— Я кое-что надумал относительно Селендры, — сказал Эйван. Пенн моргнул, осторожно отступил и попытался вернуться разумом в настоящее, теряя в процессе возвращения все с трудом приобретенное спокойствие.

— Что именно? — спросил Пенн. — Я не вижу другого выхода, кроме того, что придется ей выйти за него замуж.

— Я знал, что ты так подумаешь, но, может быть, есть и другое решение. — Эйван улыбнулся и, переменив положение, сел, поджав задние лапы и обернув вокруг них хвост, передние же сложил на груди. — У меня есть хороший друг, Благородна Рималин. Она держит дом в Ириете, и еще один в деревне где-то на севере. Ее муж — министр в правительстве.

— Кажется, я слышал о нем, — сказал Пенн, хотя и не имел друзей среди политиков. Он все еще оставался в крайнем недоумении, к чему ведет брат.

— Золото у них есть, хотя они и не богаты. Скажем, недостаточно богаты для Благородных. Однако они единолично владеют своей недвижимостью, у них нет долгов, и, с какой стороны ни посмотри, они выглядят как уважаемое семейство. Я думаю, что можно убедить Благородного Рималина отнестись к Селендре благосклонно, с учетом ее приданого и того, что она моя сестра, ну и твоя, конечно, тоже.

— Отнестись благосклонно? — Пенн еще больше смешался. Он даже на мгновение подумал, что Эйван мог предлагать что-то вроде должности гувернантки при детях Рималинов.

— В качестве супружницы, конечно.

— Но ты сказал, что у него есть жена, и его жена — это твой друг.

— Да, именно поэтому все могло бы сложиться, как ты не понимаешь? — Эйван обдумывал эту идею весь день. — Он не женился бы на Селендре, даже если бы был свободен — никто не возьмет замуж скомпрометированную девицу, каким бы привлекательным ни было ее приданое. А у Селендры приданое будет довольно скромным, даже если мы с тобой немного добавим.

— Я не смогу ничего добавить, — поспешно вставил Пенн. — Мне о своей семье надо думать.

— Ну, я могу немного добавить, поскольку еще не остепенился, — сказал Эйван. — Однако что так, что эдак, этого не хватит, чтобы что-то изменить. Никто не возьмет ее в жены, но при любезном содействии Благородной Рималин Благородный Рималин мог бы взять Селендру в супружницы. Второй женой, понимаешь, — пояснил он через мгновение, увидев, как ожесточилось выражение на морде Пенна. — Церковь допускает такие вещи, — отважился добавить Эйван.

— Я в толк не возьму, как ты можешь предлагать такое собственной сестре, — сказал Пенн. — Без сомнения, такое положение наложницы подошло бы несчастным бедным женщинам без какой-либо защиты, но как ты мог подумать, что Селендра может опуститься до этого!

— Для Селендры будет лучше это, чем выходить замуж за дракона, который заранее вознамерился опорочить ее, с которым ее отец был в непримиримой вражде последние шесть лет и которого она презирает, — ответил Эйван. — Благородна Рималин — славная дружелюбная драконша и влиятельная хозяйка. Я бы мог часто видеться с Сел и проследил бы, чтобы ее положение в этом доме оставалось таким, как положено, чтобы ее

не изнуряли тяжелой работой, как это случается с супружницами. Условия ее содержания будут такими же, как у жены, у нее будет формальное положение супружницы, которое не допускает продажи ее в наложницы.

— Она, вероятнее всего, будет изнурена одной кладкой за другой без перерыва, пока не умрет, а дети ее не получат наследства, — сказал Пенн. — Чем формальнее соглашение, тем меньше у тебя будет возможностей облегчить ее участь, какой бы она ни оказалась. Нет, Эйван. Я бы рассматривал такое соглашение как бесчестье. Слышать больше не хочу об этом. — Пенн перепрыгнул через брата в полуполете, во всяком случае, его крылья развернулись более, чем многие в Церкви сочли бы уместным для крыльев священника.

Пенн аккуратно опустился на пол и, не оглядываясь, отправился прочь по коридору, намереваясь отыскать Селендру, чтобы немедленно ее уведомить, что он собирается посовещаться с Фрелтом относительно замужества. Сначала он обнаружил Эйнар, сидящую на закорках у двери спальной пещеры.

— Всё в порядке, — прошептала она. — Она спит, но ты можешь посмотреть.

Пенн заглянул в арку спальни, где Селендра

спала на золоте своего приданого. Она лежала свернувшись, накрыв голову крылом, — живое воплощение девичьей грации. Чистые отполированные пластины чешуи отливали бледным золотом, безо всяких следов брачного розового.

— Как это вам удалось? — спросил Пенн. — В чем тут фокус? Это краска? — Он взглянул снова и понял, что никакая краска не выглядела бы так идеально.

— Ей просто нужно было отдохнуть и успокоиться, — сказала Эйнар. — Эймер дала ей чаю, и ей сразу стало лучше.

Пенн подивился. Он знал очень мало о травах, к которым прибегают девицы в отчаянном положении. В семинарии им говорили, что это страшный грех.

— Я поговорю с Эймер, — сказал Пенн и отправился восвояси, оставив Эйнар созерцать его спину.

Эймер он нашел в кладовке, где она обкладывала фруктами остатки мяса от ужина.

— Как поживаете, Преподобный Пенн? — спросила она. Эймер была и его няней, но с тех пор, как он стал священником, она всегда вела себя с ним весьма уважительно. Ему это нравилось, конечно, и он бы не допустил никакой фамильяр-

ности, но иногда немножко грустил оттого, что чувствовал между ними сдержанность, какой раньше не бывало.

— Все хорошо, — сказал он. — Эймер, я пришел относительно Почтенной Селендры.

— Чтен' Селендра спит. У нее теперь все будет в порядке.

— Что ты ей дала?

— Чтен' Эйнар вам сказала? — виновато взглянула она.

— Она сказала, что ты сделала ей чаю. Эймер, я должен знать. Почтенная Селендра — моя сестра, и она отбывает в мой дом, чтобы жить со мной и с драгонетами, общаться с моими друзьями и прихожанами. Девственна ли она по-прежнему, или ты вернула ей цвет обманом? Следует ли ей выходить замуж за Преподобного Фрелта?

— Уж точно ей не надо выходить за подлеца, что сотворил с ней такое, — сказала Эймер, крепко шлепнув куском мяса и поворотившись к Пенну, будто ему опять всего пять лет от роду. — Обманом, как бы не так. Она точно девственница, в точности такая же, как если бы один дракон, которого впору звать проклятым, а не преподобным, никогда и не увивался вокруг нее. Две минуты в коридоре! Этого маловато, чтобы попрощаться

навеки с девичьей чешуей, если она сама этого не хочет. Я ей дала чаю, чтобы помочь телу прийти в себя, все равно как я дала бы ей кору ракиты от лихорадки, вот и все, никаких фокусов, никакого обмана. Она просто не пробудилась для него. Она станет подругой какого-нибудь хорошего дракона однажды, не опасайтесь на этот счет.

Пенна эта речь не полностью убедила, но, тем не менее, он заметно утешился. Он понимал, что Эймер постаралась не упоминать название травы, которую приняла Селендра, хотя он и спросил об этом. И все же допытываться дальше ему не хотелось. Данных заверений казалось достаточно. Он вспомнил свою жену, Фелин, как ее золотистая чешуя вся загорелась розовым немедленно после того, как она приняла его предложение, и он заключил ее в объятия. Он желал того же самого для своих сестер, безо всяких подделок. Но также он и не хотел принуждать Селендру выходить за дракона, которого они все презирали. Он весь день пытался убедить себя, что Фрелт не так уж и плох, но воспоминание о том, как он рассудил спор в нижней пещере за день до этого, все возвращалось, снова убеждая его в том, что Фрелт — это не тот дракон, которого он хотел бы видеть в качестве зятя. Теперь об этом можно было за-

быть, как можно забыть и об обескураживающем предложении Эйвана, и успокоить на том душу.

— Очень хорошо. Благодарю тебя, Эймер, — сказал он.

— Еще одно, — сказала старая няня. — Я говорила с Чтен' Сел, но у нее еще не было времени спросить у вас. Я бы хотела поехать с ней в Бенанди. Я работаю усердно и буду помогать вашей жене с драгонетами или делать любую работу, что попросите. Я хочу оставаться поближе к Чтен' Сел именно сейчас, на случай, если буду ей нужна, знаете. А кроме того, вы всегда были моим любимчиком, когда я вас нянчила вместе с другими. — Она медленно опустилась на задние лапы, с крыльями, спутанными сзади, а передние протянула к нему. — Пожалуйста, Преподобный Пенн. Позвольте мне остаться с Агорнинами.

У Пенна не было никаких намерений брать Эймер с собой. Он знал, что Фелин, его жена, будет в изумлении. Он не был уверен, что они могут позволить себе еще одну прислугу. Но также он знал, что отказать невозможно. Сочетание мольбы и намеков на то, что может случиться с Селендрой, если Эймер не будет под боком, чтобы прийти на помощь, оказалось для него чересчур. Он поднял старую драконихи на ноги.

— Конечно, мы возьмем тебя с собой, — сказал он.

IV. Покидая Агорнин

12. Приготовления Пенна к отъезду

В наших замечательных семьях, таких как Телсти и Бенанди, среди драконов принято жить так, будто мир собирается следовать своему обычному порядку целую вечность, меняясь понемногу с каждым поколением в лучшую сторону — то добавится к владениям ферма, то осушится болотце, и, может быть, будет введен новый способ выпаса скота, когда на пятачке, где раньше паслись восемь животных, будут пастись десять. В понятии этих драконов изменения — это что-то медленное и постоянное, как эрозия гор. Предложения к улучшению рассматриваются очень тщательно, и землевладелец может сказать, что это дело с улучшением способа выпаса пусть лучше с выгодой для себя начнет его внук — и это в то время, когда сам он еще только что женился. И все же, несмотря на огромные наделы этих семей и их немалое влияние на работу Собраний, прогресс в ином обличье налетел на них со скоростью пикирующего дракона, а не подкрался тщательно рассчитанными шажками, как им бы того хотелось.

Золото Бона Агорнина — не то, что он оста-

вил своим трем младшим детям, а то, которым за триста лет до того он заплатил за поместье Агорнин и титул Досточтимого, — было добыто такими путями, которые все досточтимые, сиятельные, благородные, августейшие и высокородные персонажи, то есть все те, кого мы нарекли лордами среди нас, предпочитали снисходительно скомкать в одно слово — «торговля». Правда и то, что Бон Агорнин постарался избавиться от этих связей при первой возможности. Он использовал их, чтобы взобраться наверх и утвердиться в мире, но, как только достиг желаемого положения, больше уже этим не баловался. Он купил поместье, женился на избраннице с невеликим приданым, но истинно благородным происхождением, и с тех пор продолжал наживать богатство и развивать свое хозяйство добропорядочным фермерством. Тем не менее еще несколько следующих столетий вокруг него все витал легкий душок торговли. Как бы охотно он ни рассказывал о своей юности, что провел в поместье Телсти со вдовствующей матушкой, и о своем собственном поместье Агорнин (никогда не упоминая об отрезке жизни между ними), что-то городское в нем всегда оставалось. Едва ли стоит напоминать, что для всех добропоря-

дочных драконов города — это проклятие, за исключением разве что Ириета, но только того Ириета, каким он бывает во время заседания Благородного Собрания или в месяцы набухания почек и цветения в те редкие за последнее время годы, когда Благородное Собрание не заседает.

Эта тень, брошенная на него городом, редко когда замечалась в его досточтимые годы и почти совсем не отразилась на его детях. Сиятельный Даверак, когда ухаживал за Берендой, даже поразмышлял об этом недолго, но успокоил свою совесть, вспомнив о ее матери, урожденной Фидрак — семейства хотя и досадно обедневшего в наше время, однако же из числа тех землевладельцев, которые сидели на своих акрах еще со времен, предшествующих Нашествию. Пенн добился своего положения в лоне Церкви сам, но при покровительстве друзей, в особенности Благородного Шера Бенанди и его матери Зайлы, Благород Бенанди. Младшие драконицы еще не начали появляться в обществе, но до сих пор не видели особых причин, чтобы не последовать примеру Беренды и удачно выйти замуж. Что же касается Эйвана — то, как он держал себя дома, и его поведение в Ириете, как мы скоро увидим, было совсем не одно и то же.

В Андерторе единственным свидетельством всех прежних предприятий Бона в области торговли оставалась железная дорога, которая пересекала край земли Агорнина. Это был дальний угол поместья, и дорога никоим образом не загораживала и не портила вида, если бы какому-то дракону захотелось бы им полюбоваться. В самом деле, земля, по которой пролегала железная дорога, всегда была заболочена и ни на что доброе не годилась. Во время прокладки железной дороги инженеры осушили ее и высвободили пару полей для фермерства, чем Бон удачно воспользовался и развел на них тягловый скот. Животные постепенно привыкали к шуму проходящих поездов и впоследствии могли быть проданы в город, где были уже невосприимчивы к городской суете, что заметно увеличивало их цену.

Предложение о прокладке железной дороги вызвало великое смятение в округе. Многие досточтимые соседи ссорились или пытались поссориться с Боном Агорнином из-за того, что тот позволил омрачить сельскую идиллию. Стоило Бону принять золото от железнодорожной компании — ему тут же припомнили его коммерческое прошлое. Если бы Бон не согласился, железная дорога пролегла бы по совсем другому

пути и оставалась бы вдали от всего Андертора. Позволив ей пересечь заброшенный угол своей земли, Бон дал возможность грузовым потокам следовать напрямую от шахт Тольги к Ириету, не говоря уже о том, что весьма ускорилась доставка почты, а заодно и появилась возможность транспортировки самих драконов, которые из-за тяжелой поклажи, в силу возраста, болезни или того, что путешествовали с драгонетами, священниками или слугами, могли не захотеть лететь туда, куда собирались.

Бон Агорнин, отдавая землю в аренду под железную дорогу, настоял на обустройстве станции.

— Это будет полезно для Пенна, — говорил он.

Пенн тогда уже приступил к обучению своей достойнейшей из профессий. В целом же станция использовалась в основном местными фермерами для отправки свежих яблок — пепинок и ранета — в город, где фрукты всегда были в хорошей цене. Постепенно эта возможность примирила соседей, которые тоже выращивали фрукты и использовали станцию для их отгрузки, примирила настолько, что теперь уже Бона считали благотворителем для всего края за его дозволение обеспечить такую возможность. Пенн несколько раз воспользовался дорогой для поезд-

ки домой и намеревался воспользоваться снова. Железная дорога не достигала самого Бенанди. Предыдущий Благородный Бенанди, отец Шера, с негодованием пожелал не иметь никакого отношения к дороге. В результате она проходила на расстоянии не меньше двенадцати миль от поместья, где был устроен полустанок и куда можно было легко послать экипаж, когда нужно было забрать священника или другого посетителя. Грузовые повозки, конечно, тоже могли легко добраться до полустанка для отгрузки продукции (в случае Бенанди это обычно были сладкие ягоды летом и ранет осенью). В Бенанди еще не оценили достоинства железной дороги так, как в Андерторе, где это благо было лучше видно, поскольку располагалось оно много ближе.

Пенн намеревался отправиться вместе с сестрой железной дорогой до полустанка в Бенанди, а затем позволить ей пролететь последние несколько миль, пока он будет ехать в повозке, которую пошлют за ним. Теперь, когда к путешествию присоединилась и Эймер, он учел это и соответственно отписал своей жене Фелин.

Большинство драконов считают, что писать — это по большей части женское занятие, а написание писем — так и вдвойне. В обычных

обстоятельствах даже Пенн попросил бы одну из своих сестер написать за него записку жене. Но все же он был священником и давно овладел трудным искусством удержания пера между когтями, к тому же он чувствовал, что достаточно приватная тема сообщения для Фелин диктовала необходимость написать его самостоятельно.

«Дорогая моя, — тщательно вывел он. — Надеюсь, что ты и дети в добром здравии. Отец мой умер, как мы ожидали, да парит его душа на свободе. Мы с Селендрой отправимся в Бенанди послезавтра и доберемся до вас дневным поездом. Я считаю необходимым взять с собой служанку моего отца Эймер, которая была моей няней, когда я был еще драгонетом. Она отчаянно желает сопровождать нас, а не оставаться в поместье, которое отходит Давераку, по причинам, которые, я полагаю, во многом сентиментальны и которые, я опасаюсь, Благородна (здесь имелась в виду Благородна Бенанди) не одобрит. Эймер, без сомнений, будет весьма полезна в качестве няньки, а также на кухне, поскольку она весьма умело заготавливает пресервы и смешивает снадобья».

После минутного раздумья он вычеркнул последние два слова и собрался было уже перебелить заметку, но, поскрипев зубами, решил

оставить все как есть. Пенн уже решил не посвящать Фелин в историю с попыткой Фрелта соблазнить Селендру. Он уговорил себя, что всего лишь не хочет бесцельно огорчать Фелин, но в глубине души понимал, что это бы лишило сестру доверия жены, что привело бы к семейной ситуации, нерадостной для него самого. «Я знаю, что ты примешь ее и посчитаешь роскошество в виде еще одной служанки приемлемым для нас, — написал он, думая, что это наилучший способ затронуть тему. — Однако Благородна Бенанди, которая принимает такое участие во всех делах нашего дома, может расценить это по-другому — и может попытаться вмешаться способом, который я бы нашел недопустимым. Поэтому найми дополнительно восемь тяжеловозов, чтобы доставить нас троих в повозке от полустанка до дома. Это излишество, но ради него мы сможем пережить упреки Благородной Бенанди, в то время как если бы Селендра полетела, а Эймер шла бы пешком за повозкой, она бы немедленно уверилась в том, что мы не можем себе позволить еще одного слугу». Пенн знал или думал, что знает, как управиться со своей патронессой. Он научился этим маленьким уловкам или хитростям, как он предпочитал называть

их, у ее сына.

«Дай ей знать, что ты наняла тягло, и, если желаешь, можешь пожаловаться ей на мою расточительность». Таким образом Пенн наказал жене выслушать нотацию и разрешил ей, по ее усмотрению, примкнуть к патронессе против него. Он, может, и разобрался в том, как обходиться с Благород Бенанди, но все еще очень мало знал собственную жену. Он полагал, что все необходимое уже написано, и приближался к концу страницы, так что еще раз напомнил ей, что надеется быть к обеду через два дня, то есть на четвертый день первой недели месяца Листоверта. Он добавил наилучшие пожелания жене и детям. Затем, весьма довольный собой, запечатал письмо, надписал его и отдал Эймер, чтобы добавить к почте, которую должны забрать со станции Агорнин этим же вечером.

13. Пенн и Селендра отбывают

Сиятельный Даверак прилетел в Агорнин на следующее утро, как и было условлено. В его намерения входило формально вступить во владение поместьем и эскортировать Эйнар к себе домой в Даверак. Он прибыл вскоре после того, как семья Агорнинов позавтракала — в печали, — поскольку теперь, когда час расставания был так близок, сестры были склонны проливать слезы всякий раз, когда видели друг друга. После трапезы они все собрались на уступе, и, хотя облака висели низко, вскоре они заметили на подлете Даверака, мерно работающего крыльями.

— Интересно, что он не взял с собой Беренду, — заметила Селендра. — Это бы придало видимость законности всей процедуре.

Пенн сердито повернулся к ней.

— В отличие от того, как поделили его тело, *этого* наш отец — хотел, — вмешался Эйван прежде, чем брат заговорил.

— Я знаю, — ответила Селендра, послушно склоняя голову. — Я не буду грубить ему, и сейчас не хотела, просто все так изменилось, и мне все время хочется плакать.

Эйнар обняла сестру крылом, и братья оставили эту парочку вместе поплакать, пока Даверак приземлялся.

— Добрый день, брат, — приветствовал его Пенн. — Как долетел?

— Ветер довольно сильный, но в обратную сторону он будет попутным, — ответил Даверак. Для него это был перелет длиной чуть больше часа — миль двадцать, если можно было бы измерить расстояние в воздухе.

— Беренда не захотела бороться с ветром? — спросила Эйнар.

— Нет, не захотела, — улыбнулся Даверак и посмотрел в сторону своего поместья. — Она только что обнаружила, что находится в интересном положении, и не захотела покидать дом в такое время.

— Опять понесла? — взорвалась Селендра, не в силах скрыть изумления.

— Да, хвала Вельду, — сказал Даверак, вежливо кивнув в сторону Пенна при упоминании имени бога, как бы признавая, что он слегка нарушает границы территории другого дракона и деликатно просит на это разрешения.

Едва ли четыре года прошло с первой кладки Беренды из трех яиц. Даже Пенн, которому

как священнику положено проповедовать, что приплод — это благословение Вельда, слегка оторопел от этой новости и от того, как очевидно доволен ею Даверак.

— Ваши пещеры будут полны драгонетов, — живо сказала Эйнар, заполняя затянувшуюся паузу в разговоре.

— Мы определенно на это надеемся, — склонил голову Даверак. Он никогда не обращал внимания на сестер жены, но был рад, что в его доме будет жить Эйнар. Ему совсем не понравилась бурная реакция Селендры, хотя виду он не подал.

— Как Беренда? — спросил Эйван.

— Пока справляется, — ответил Даверак. — Старается правильно питаться, конечно, как и положено. Ей кажется, что на этот раз она все знает, и она не так нервничает, как в первую кладку.

Хотя она и была их сестрой, никто из присутствующих не захотел спросить, снесла ли она уже первое яйцо, а Даверак не пожелал поделиться. Никто из них не решился также обвинить его в том, что он рискует жизнью сестры, заставляя ее снести очередную кладку так скоро после первой, хотя каждый об этом подумал.

— Ну, что ж, нам надо отправляться, если хотим

успеть на поезд, — сказал Пенн, прерывая еще одну неловкую паузу. Для поезда было все еще слишком рано, но это давало Селендре возможность исчезнуть, чтобы собрать вещи, а Эйнар сопровождать ее. Три самца некоторое время сидели и в молчании обозревали вид с уступа. Начался дождь.

— Я должен поговорить с фермерами о посевах этого года, да и будущего тоже, — сказал Даверак, глядя на поля. Это был его долг и воля старого Бона, но оба сына восприняли как бестактность со стороны Даверака, что он так скоро начал об этом думать.

— Заведете ли вы управляющего имением, чтобы присматривать за фермерами Агорнина? — спросил Пенн.

— Да, мы думали, что на первое время это решит задачу, — сказал Даверак. — У меня есть кузен, который справится с этим. Хотели попросить тебя, Эйван, но Беренда сказала, что твоя карьера в Ириете протекает настолько успешно, что стать управляющим имением твоего отца было бы понижением.

— Да, — механически ответил Эйван. Хотя его карьера действительно многое обещала в видах золота и планов на будущее, но никакой

защиты у него не было, и его могли сожрать в любой момент. Безопасное место управляющего под защитой своего зятя воспрепятствовало бы его карьере, но он мог бы подняться, разумно вкладывая золото с помощью друзей в Ириете. Это позволило бы ему дать сестрам общий кров. Ему бы потребовалось привлечь своего клерка, но это бы можно было как-то устроить, подумал он, прикидывая, к каким трудностям могло бы привести участие клерка. Было бы неплохо, если бы Даверак предложил место раньше, тогда бы он отказался от намерения судиться с ним. В ту же минуту целое нагромождение сложных, запутанных планов пришло в движение в изворотливом уме Эйвана.

— Я думаю, что в целом эта позиция меня бы устроила. Благодарю тебя, Даверак.

Даверак медленно моргнул.

— Какая досада, мы были уверены, что ты этого не захочешь. Я уже предложил это место моему кузену Вримиду, он прибывает в Даверак сегодня.

Он повел крылом в знак легкого сожаления и притопнул ногой, давая понять, что вопрос закрыт полностью.

Когда Селендра вернулась, Эйван сидел, по-

добравшись и глядя сердито, Даверак беспечно раскинулся на уступе, а Пенн неловко полулежал между ними.

— Я готова, — сказала она.

— Тогда отправляемся, — сказал Пенн. — Вам обоим нет нужды спускаться с нами. До свидания, Даверак, мое благословение твоему прибавлению потомства, мои наилучшие пожелания Беренде. До свидания, Эйван, удачи тебе в Ириете, пиши нам, сообщай, как идут дела.

Селендра обняла Эйвана.

— Береги себя, — сказал он.

— Это ты будь поосторожней в Ириете, — ответила она.

Затем она поклонилась Давераку, который холодно кивнул в ответ. Эйнар сопроводила их на станцию и до самого прихода поезда хлопотала над ящиками с приданым Селендры и коробками, взятыми Эймер с кухни. Затем они с Селендрой так вцепились друг в друга, будто отказывались расставаться. Пенн с носильщиками проследил за погрузкой багажа, после чего запрыгнул на плоскую платформу поезда. Эймер последовала за ним. Прозвучал свисток — предупреждение для самых медлительных, что поезд вот-вот отправится, Селендра наконец отпустила сестру и

вспорхнула на свое место рядом с братом. Она не отрывала взгляда от сестры, оставшейся на станции, пока уже не могла различить золото ее чешуи на фоне серого камня, после чего повернулась в сторону локомотива и новой жизни, что ожидала ее в Бенанди.

14. Эйнар отбывает

После того как дымок поезда окончательно скрылся из виду, Эйнар повернулась и полетела обратно в Агорнин. Она пыталась утешиться тем, что не уезжает, как Селендра, в ту часть Тиамата, где никогда не бывала и никого не знала. Она едет всего лишь в Даверак, который едва ли в часе полета до дома, — лишь бы только нашелся кто-то, кто ее сопроводит. Она навещала Беренду в Даверaке несколько раз, однажды даже погостила целых десять дней кряду и хорошо знала поместье, а вот жена Пенна для Селендры — незнакомка. Эти размышления не слишком утешили ее. Она, может, и знает Даверака, да вот только совсем его не любит. Она гостила в его доме, но никогда не чувствовала себя там как дома. Самым лучшим в этих визитах к Беренде было возвращение домой. А теперь дома больше нет, и если она вернется в Агорнин, то уже как гость, и все здесь поменяется.

Те родные, кто любил ее и беспокоился о ней, похоже, были уверены, что вскоре она покинет дом Беренды и заведет свой собственный с Достоточтимым Лондавером, другом Даверака. Сама

Эйнар в этом крепко сомневалась. Лондавер ей нравился, но все их общение до сих пор ограничивалось двумя танцами на прошлый Новый год в Давераке, и с тех пор он даже не навестил ее в Агорнине, хотя она просила отца пригласить его. Ей не казалось, что он заинтересован достаточно сильно, чтобы принять ее с жалкими восемью тысячами крон, или даже с шестнадцатью, что могут у нее оказаться, если они с Селендрой объединят свое приданое. Лондавер не был Досточтимым по титулу, как Бон Агорнин, но был таковым по статусу, как наследник своего Сиятельного отца. Когда Беренда выходила замуж, она забрала сорок тысяч крон, и у Эйнар не было причин надеяться, что Лондавер примет меньше, чем досталось Даверaку. Пока ее отец был жив и оставалось еще время, чтобы накопить больше золота, это не было препятствием. Теперь же, в добавление ко всем ее горестям, над ней, кажется, повисла угроза быть разлученной с драконом, за которого она склонялась счастливо выйти замуж.

Неудивительно, что, взлетая со станции, она била крыльями вполсилы, возвращаясь к тому месту, что ей предстоит разучиться называть домом.

Поджидал ее только Эйван.

— Даверак отправился повидаться с фермерами и убедиться в том, что они его понимают, — сказал он, грубо передразнивая интонацию Даверака. — Как будто наши фермеры нуждаются в его наставлениях.

— О боже, — сказала Эйнар, аккуратно приземлившись возле брата и удобно расположившись рядом с ним. — Надеюсь, он не станет вводить слишком много новшеств и все менять.

Хотя Эйван, как молодой дракон, пробивающийся в столице, в общем одобрял новации и изменения, в этом случае он совершенно согласился с сестрой.

— Он сказал, что думал о том, чтобы поставить меня здесь управляющим, но не успел произнести это, как тут же отнял эту возможность, потому что уже предложил это место какому-то своему кузену.

— Но ты же говорил, что не смог бы жить здесь, — кротко сказала Эйнар.

— Я бы не смог здесь жить, заняв место Досточтимого в этом окружении. Но с поддержкой Даверака, как его управляющий, я бы мог смотреть за хозяйством и сохранить дом для вас с Селендрой.

— О, Эйван, неужели ты бы пожертвовал своей

карьерой ради нас? — спросила Эйнар, очень тронутая его словами.

Эйван немного приосанился и, казалось, даже вытянулся в длину в лучах солнца. Теперь, когда она сказала об этом, он и правда готов был пожертвовать собой ради сестер. Но также он не забыл и о том, что от своих надежд ему тоже можно было не отказываться, да и безопасность позиции управляющего играла не последнюю роль в его расчетах. Он позволил всему этому осесть в его уме и наслаждался восхищением сестры, которая так высоко его ставила. Они продолжали сидеть на уступе, разговаривая о благородстве Эйвана и о старых временах, лениво наблюдая за повозкой, которая тащилась по дороге вдоль реки по направлению к ним.

— Это Даверак прислал, чтобы забрать твое приданое, — сказал, наконец, Эйван, указывая на повозку.

— Как бы мне хотелось, чтобы вообще не нужно было туда ехать, — сказала Эйнар.

— Твое положение в его доме может стать неловким, когда я вызову Даверака в суд от имени нас всех, — согласился Эйван.

— Неловким? Да это просто невозможно. Я не могу поставить свое имя в любом таком докумен-

те, оставаясь под защитой Даверака, — сказала Эйнар. — Селендра наверняка к тебе присоединится, и я согласна, что ты в совершенном праве добиваться возмещения, но, пожалуйста, не проси меня помочь тебе с этим.

— Он может быть нелюбезен, но не вышвырнет же он тебя, — настаивал Эйван.

— Да ему и не понадобится вышвыривать меня, он и без этого может стать настолько нелюбезным, как ты выразился, чтобы сделать мою жизнь в его доме невозможной. Мне кажется, ты не понимаешь, насколько по-другому все это выглядит для меня, чем для тебя. Ты можешь проложить себе путь с помощью собственного ума и когтей, я же всегда должна рассчитывать на какого-нибудь самца, чтобы защитить себя. С умом у меня, может, тоже неплохо, но когтей мне не дано, и, хотя мои лапы лучше приспособлены для письма и тонкой работы, они ни на что не годятся в драке. Без них я совершенно зависима и не могу обратить себя против тех, от кого завишу, во всяком случае не имея в виду какой-то другой защиты. Если бы у меня был муж или ты как мой брат мог принять меня в своем доме, тогда я бы ополчилась на Даверака с удовольствием. А так я должна подчиняться его прихотям, забыв о

собственных желаниях, поэтому я не осмелюсь присоединиться к твоему иску.

Эйван низко склонил голову, представляя те непростые жертвы, которые ему пришлось бы принести, возьми он с собой Эйнар.

— Жизнь со мной была бы нелегка для тебя, — произнес он через минуту раздумья. — Мне тоже было бы трудно, и я не смогу забрать тебя сразу же, уж точно не сегодня. Но если ты правда не хочешь ехать в Даверак, я возьму тебя с собой в Ириет. Ты не сможешь жить, как подобает Почтенной Агорнин, потому что я не смогу обеспечить тебе надлежащего содержания. Тебе придется работать моим клерком или даже вместе с моим клерком. Не могу также сказать, что это будет достаточно безопасно, потому что ты будешь защищена не более, чем я, а мое положение меняется день ото дня, по мере изменений в городе и в офисе. Не избежать и каких-то лишений для нас обоих, но я готов переносить их, если необходимо.

Он даже представить себе не мог, что бы Пенн о нем подумал, если бы узнал, что он предлагает. Вчера он предлагал сделать Селендру наложницей, а сегодня — Эйнар стать клерком.

— Благослови тебя боги, брат мой, но в этом нет

необходимости, — сказала Эйнар, целуя морду Эйвана. — Я выживу с Берендой и Давераком, если только ты не будешь просить меня присоединиться к обвинениям против Даверака в суде.

— Конечно, не буду, — ответил Эйван. — Просто мой иск будет выглядеть гораздо слабее, если мы все трое не объединимся. Но я не стану тебя просить, если все обстоит так, как ты говоришь.

Они еще немного печально посидели вместе, пока не вернулся Даверак, полный сознания своей значимости. Ящики с наследством Эйнар уже погрузили на тележку, и брат с сестрой попрощались.

— Приезжай навестить нас в Давераке в любое время, когда сможешь вырваться из Ириета, — великодушно предложил Сиятельный Даверак, когда все было готово к отъезду.

Эйван вежливо согласился, но они оба с Эйнар знали, что, как только иск окажется в суде, предложение будет отозвано и никогда не повторится. Он на мгновение задумался, стоит ли это разлуки с сестрой, даже если все получится и без ее помощи, но настолько вознамерился добиться отмщения именно таким образом, что ничто уже не могло своротить его с пути. Он улыбнулся и пожелал им приятного путешествия. Затем

он поднялся и полетел против ветра в Ириет, намереваясь переночевать по дороге в Мшистом Веретене. Эйнар и Даверак полетели по ветру на запад, по направлению к Давераку. Всего один раз Эйнар оглянулась, чтобы увидеть, как ее брат исчезает на юге, а вершина, которая служила ей домом, уже почти целиком скрылась в облаках.

15. Себет

Когда Эйван вернулся в свое столичное жилище поздним вечером Перводня — усталый, но не настолько, как если бы летел всю ночь, — он обнаружил множество ожидавших его открыток и записок. Написали многие его городские знакомые: Благородна Рималин прислала очень дружелюбную записку — выражала сожаления в связи с его утратой. Некоторые из посланий были достаточно искренними. Хотя далеко не все знали Бона Агорнина, все сочувствовали утрате, которую понес Эйван. Другие записки скорее были написаны с целью прощупать почву, словно отправитель хотел оценить, чего стоит Эйван теперь, когда он получил наследство, но лишился поддержки Агорнина. Некоторые записки встревожили его, и он отложил их в сторону, чтобы перечитать, когда проснется. Остальные, и таких было большинство, приглашали развлечься. В начале месяца Листоверта приезжих в Ириете бывало немного, но тех, кто жил в столице круглый год, об эту пору ожидал вал увеселений, включая годовщину основания города. Много тысяч лет назад древний герой Томалин Великий

(возможно, мифический), как говорили некоторые, назвал город в честь своей невесты. Другие возражали, что сначала у города было иное название, которое изменили во время Нашествия Яргов. Третьи утверждали, что Томалин назвал город в честь радуги, которую иногда называют «рит», ее часто можно видеть в городе весенними месяцами. К обычным удовольствиям вроде обедов, балов, игорных вечеров, раутов и пикников добавлялись такие экзотические предложения, как «изрыгание огня в унисон», «водные вечеринки» и «игра в двенадцать записок». Всюду Эйвана ждали.

Когда он разобрался с этой грудой корреспонденции, перед ним образовались четыре стопки и три отдельные записки. В первых двух стопках лежали послания с выражением сочувствия, различные по степени искренности. Другие две стопки составили приглашения, которые он собирался вежливо, с благодарностью, отвергнуть обратной запиской, сославшись на время скорби, и — гораздо меньшая стопка — приглашения на события, которые он определенно собрался посетить. Какое-то время он перебирал три оставшиеся записки. Первая — от его адвоката Хатора, предлагающего любую помощь, которая

может понадобиться в хранении или инвестировании наследства Эйвана. «Готов поставить целую ферму, что он знает размер наследства с точностью до кроны», — сказал себе Эйван, откладывая записку на стопку приглашений, которые он собирался принять. Вторая записка была от Лиралена, его непосредственного начальника в Департаменте Планирования. В ней содержались слова утешения, а также вопрос — когда Эйван сможет вернуться за свой рабочий стол в офисе.

Третью записку прислал Благородный Рималин, который ни единым словом не упомянул Бона Агорнина, но намекал, довольно загадочно, что если у Эйвана есть средства для инвестирования, то Рималин знает об одной возможности. Эйван смотрел на эту записку довольно долго, после чего нашел послание с выражением сочувствия от жены Рималина, Благород Рималин. Не было никаких сомнений, что они были написаны одной рукой. Когда дракон использует свою жену в качестве клерка, это означает одно из двух. Он или экономит (но как Эйван объяснял Пенну, он совсем иначе видел положение своего друга), или имеет дело с крайне конфиденциальной информацией. Эйван бы выслушал предложение Рималина в любом случае, но теперь он будет

слушать его гораздо внимательнее.

Он оставил стопки лежать на столе. Его жилище представляло собой строение с двумя коническими башенками, выполненное из камня, который придавал ему солидный вид. Внутри была только одна спальная пещера, из которой, между прочим, был отдельный выход на улицу. Эйван не считал свое жилище достаточно безопасным, но, тем не менее, оно выглядело респектабельным, и при этом было недорогим, поэтому он продолжал жить здесь, а ценности хранил у адвоката.

Спускаясь в спальную пещеру, он насвистывал, но не от легкости на сердце, а чтобы разбудить клерка, Себет, и ненавязчиво предупредить ее на всякий случай, что он вернулся и ожидал бы найти ее в одиночестве. Эйван называл Себет клерком, но трудно было сказать, каким было ее положение в действительности. Разумеется, она выполняла функции клерка — вела всю переписку Эйвана и доставляла сообщения. Она была достаточно образованна, чтобы стать уважаемой девушкой-клерком, но статуса Почтенной у нее не было, и поэтому девушкой она, строго говоря, тоже не выглядела, поскольку с макушки до кончика хвоста была покрыта ровным розовым, как скорлупа яйца, цветом. Она делила с Эйваном

жилище, и довольно часто — постель, хотя и не была его женой. Она заботилась о его нарядах и продуктах, но не была его служанкой — ее крылья хранили следы перевязывания, оставшиеся с былых времен, но теперь они распахивались так же свободно, как и у любой Благородной в Тиамате. Правду об ее истории и обстоятельствах знали только она и Эйван.

Когда Эйван добрался до спальной пещеры, Себет зевала и потягивалась в одиночестве.

— Я не ждала тебя до завтра, — сказала она, улыбаясь. Эйван и не подумал спросить, был ли у нее в гостях какой-нибудь друг, ускользнувший по его прибытии. Свиста было достаточно. Он не знал, были ее другие любовники реальностью или частью ее воображаемой жизни, и до тех пор, пока ему не приходилось с ними сталкиваться, его все устраивало.

Себет подготовила спальную пещеру к его прибытию. Он заметил, что золото уже разложено на полу.

— Оно здесь не останется, — предупредил он. Не было у него лишнего золота для комфорта или напоказ, поэтому они обычно спали на камнях.

— Я знаю, что оно будет унесено и вложено, — надулась Себет, но потом расхохоталась. — Но

можно же насладиться им, пока есть возможность. Попробуй, как роскошно на нем можно потягиваться? — Она сопроводила слова действием, соблазнительно улыбаясь.

Себет была или утверждала, что была, дочерью Высокородного Лорда, но даже Эйван не знал, какого именно. Перебирая аристократов и прикидывая их возраст, он иногда подозревал, что это мог быть Благородный или Сиятельный, а не Высокородный, но никогда не подвергал сомнению эти рассказы. Не так уж много утешений было в ее жизни. В раннем возрасте, едва ли тридцати лет, с чуть отросшими крыльями, она была похищена по дороге от учителя в поместье отца. Похититель держал ее ради выкупа. Он пытал ее своим присутствием, заставляя ее рдеть, но не осмелился по-настоящему насиловать ее, пока требование выкупа не было с презрением отвергнуто. После этого он сделал из нее то, что ему нравилось называть своей наложницей. Потом он заставил ее ходить по улицам Ириета со связанными крыльями как уличную проститутку, которая не могла отказать любому незнакомцу, что предлагал ей золото. Это золото она должна была отдавать своему похитителю. Хуже всего, рассказала она Эйвану, что он заставил ее пове-

рить, что она должна ему это золото, поскольку выкуп так и не заплатили. Предательство ее отца было для нее еще хуже, чем последующее порабощение, на которое ее обрекла семья.

— Отец сказал, что у него достаточно драгонетов, и похититель может оставить меня себе, — призналась она, когда впервые поведала Эйвану эту историю. Это был редкий случай, когда ее голос звучал безыскусно, не дразнил слушателя, а сапфировые глаза глядели практически неподвижно.

— Я оставалась с моим похитителем до тех пор, пока не выплатила ему, по моим подсчетам, весь выкуп. После этого я убила его, пока он спал.

Действительно ли она ждала, пока не выплатит выкуп, или пока не появился более приемлемый защитник, Эйван точно не знал. Жизнь Себет была полна дерзких побегов, убийств, проклятых любовников и драм. Он никогда не знал, чему верить, а истории иногда менялись. Он был совершенно уверен в ее благородном происхождении и в том, что ее похитили в рабство, но детали ее рассказа менялись в зависимости от ее настроения. Он встретил ее в свой первый же год пребывания в Ириете, когда она работала крупье в игорном клубе. Сначала он был очарован ею и

был одним из многих любовников, которых она теперь выбирала по своему усмотрению, а не за золото. После этого их отношения развились в дружбу, а потом и в союз, в котором Эйван давал ей работу и защиту, какую только мог. Он не называл ее своей наложницей и платил за работу клерка, которую она выполняла. Время от времени он еще приплачивал ей, что устраивало обоих. Эйван не мог на ней жениться. Он хорошо понимал, что она больше не относится к числу уважаемых в обществе, и, хотя ее нынешние обстоятельства с самого начала ни в коей мере не были ее виной, образ жизни, который она выбрала для себя в дальнейшем, тоже не одобрялся уважаемым обществом. И, тем не менее, он был очень увлечен ею, и для него было бы большой жертвой оставить ее, если бы он привез Эйнар в Ириет, как он предлагал.

— Скучаешь по отцу? — спросила она некоторое время спустя.

У Эйвана не было еще времени подумать об этом.

— Скучаю, — ответил он, поразмыслив. — Но, может, хуже самого факта его смерти было то, как его проводили, и то, как муж моей сестры Даверак пошел против воли моего покойного отца.

Я собираюсь призвать его к порядку и заставить пожалеть о том, что он не вел себя, как положено благородному дракону.

— Он же огромный дракон с титулом Сиятельного, да? — спросила Себет. Она рассмеялась. — Против таких в суде правосудия не добьешься. Лучше побереги свое золото и свою враждебность, пока не подвернется удобный случай навредить ему как-нибудь еще.

Эйван еще немного подумал.

— Суды справедливы, — сказал он не без колебания. У него не было большого опыта в судах, но его отец говорил ему так. — Я хочу отомстить Давераку именно так. Кроме того, его ранг не настолько выше моего, и он женат на моей сестре.

— Если чувство семейственности не удержало его от дурного поступка, как оно удержит сейчас? — спросила Себет.

— Закон заставит его заплатить, — сказал Эйван.

— Ну, если ты в это веришь, — ответила Себет, склонила голову на его лапы и, судя по всему, немедленно уснула.

16. Каверзы поглощения

Первое потрясение по прибытии в Даверак Эйнар испытала, узнав, что маленького Ламерака сожрали.

— Он недомогал весь этот год, — сказала Беренда со слезинкой в глазу.

— Печень ему не помогла, у бедного парнишки не было шансов выжить, — добавил Даверак, сокрушенно мотая головой. — Пойдем ужинать.

Эйнар никак не могла понять: если Ламерак сумел дожить до этого времени, почему его сожрали теперь? Конечно, это долг лорда — отбраковывать даже своих собственных драгонетов для улучшения общей породы драконства, но этот случай казался особенно неожиданным. Только позже тем вечером, во время одной из пространных жалоб Беренды на невзгоды размножения, Эйнар показалось, что она уловила слабый проблеск смысла. Беренда нуждалась в дополнительном питании, и Даверак продолжал выхаживать хилого отпрыска, пока не стало ясно, что его можно заменить. Эйнар помолилась Джурале, чтобы попросить прощения за такие нечестивые думы о собственной сестре и зяте, но то, что они говори-

ли на протяжении вечера, скорее подтверждало, чем отвергало ее подозрения.

После нелегкого ночного сна в комфортабельных покоях, выделенных сестрой, она завтракала вместе со всей семьей. Драгонеты держались тихо и все время оглядывались, высматривая своего потерянного однокладника. Сердце Эйнар умилилось ими, особенно притом, что их родителей эта утрата мало беспокоила и они охотно вкушали завтрак. Она постаралась, и не совсем безуспешно, отвлечь и занять детей. К концу кормления они улыбались и съели почти половину барана на всех.

— Как твое самочувствие с утра? — спросил Даверак Беренду. — Я собираюсь слетать на Ферму-за-Гатью и проверить, как поживает выводок Маджи. Не желаешь ли составить мне компанию?

— Это совсем недалеко, — ответила Беренда, глянув на Эйнар так, будто извинялась и оправдывалась за то, что не полетела в Агорнин накануне.

— Да, тут лету всего ничего, — подтвердил Даверак. — Может быть, ты хочешь слетать с нами, Эйнар? Немного познакомиться с нашими фермерами? Посмотреть на округу?

— Маджи — очень старинная семья, — сказала Беренда, бросив взгляд на мужа. — Они жили на Ферме-за-Гатью почти с тех самых пор, как Даверaки поселились в Давераке.

Даверак склонил голову в подтверждение слов жены.

— Я была бы рада сопровождать вас, — вежливо ответила Эйнар.

Вошли няни и забрали драгонетов. Даверак вышел. Эйнар и Беренда остались в столовой, чтобы губкой протереть морды и грудь после завтрака. Впервые они оказались наедине с тех пор, как Эйнар приехала.

— Ты уже снесла первое яйцо? — тихонько спросила Эйнар о том, о чем не могла спросить в присутствии Даверака и детей.

— Вчера утром, — ответила Беренда с довольной улыбочкой. — Совсем никаких трудностей, хотя с тех пор я стала очень прожорлива. Ты поймешь, что это нормально, когда снесешь свою первую кладку.

— Это может быть еще не скоро, — сказала Эйнар, дивясь, сможет ли она когда-нибудь выйти замуж.

— Как хорошо, что ты здесь, с нами. И, конечно, я хочу, чтобы ты чувствовала себя совсем как

дома и оставалась с нами подольше. Но, тем не менее, мы должны найти тебе хорошего мужа как можно скорей и убедиться в том, что ты хорошо устроилась. Гораздо лучше жить под защитой. Сколько приданого тебе оставил отец в итоге?

— Шестнадцать тысяч крон, — ответила Эйнар, как они и договорились с Селендрой, хотя к глазам ее подступили слезы при первом же воспоминании об обете с сестрой, которая теперь так далеко от нее. Беренда, при всей ее доброте, не могла заменить ее возлюбленную одноклад-ницу.

— Это больше, чем я опасалась услышать, но меньше, чем надеялась, — поспешно сказала Беренда, поднимаясь из-за стола. — Я прекрасно понимаю, как мне повезло с моим приданым, и не хочу, чтобы ты выходила замуж за кого-нибудь ниже себя по положению из-за небольшого приданого. Всё, Даверак возвращается. Поговорим об этом позже.

Даверак повел их на уступ, а оттуда — ввысь, в прохладную свежесть солнечного утра. Ранет уже налился, и его запах долетал к ним, когда они пролетали над фруктовыми садами. Они летели по направлению к озеру, которое было центром владений Даверака. По форме оно напоминало

око дракона, хотя более темного синего цвета, и было неподвижным, в отличие от драконьих глаз. Приблизившись к берегу, Эйнар разглядела крохотный островок в воде, соединенный с сушей гатью из бутового камня. На островке размещалась крохотная ферма, тоже из грубого камня. Снижаясь кругами, она различила стадо скота и бронзового дракона при нем.

— Это Маджи, — сказал Даверак. — Я думаю, что семья внутри.

Они высыпали наружу, когда их хозяин и хозяйка приземлились. Все, даже самые маленькие, гнули когти и хвосты, прижимая их к земле в старомодном жесте уважения. Эйнар насчитала трех полуподрощенных драгонетов, с уже почти проросшими крыльями, и двух маленьких детенышей.

— Так-так, — сказал Даверак, безмятежно улыбаясь.

Темно-красная драконша, очевидно мать семейства, выпрямилась первой.

— Добро пожаловать на Гать, Сиятельна и Сиятельный, — сказала она.

— Это моя сестра, Почтенная Эйнар Агорнин, — сказала Беренда. — Она пока поживет с нами.

— Очень приятно, конечно же, — сказала фер-

мерша. Один из старших драгонетов, чья золотая чешуя указывала на ее женский пол, посмотрел на Эйнар. Та ободряюще улыбнулась, но девочка не улыбнулась в ответ, как это сделал бы любой фермер в Агорнине. Всем я чужая, подумала Эйнар.

Только сейчас отец, бронзовый дракон, который занимался скотом, прибежал второпях, пригибаясь поближе к земле, будто пробирался в пещере.

— Как тут у вас обстоят дела? — спросил его Даверак.

— Очень хорошо, просто прекрасно, спасибо, что спросили, — ответил дракон. — Ранет уже наполовину собрали, да и скот хорошо пасется.

— А ваши отпрыски?

Тот обеспокоенно посмотрел на жену.

— Благополучно вылупились, — сказал он, но трепетание крыльев его выдало.

— А еще двое? — строго спросил Даверак. — Двое, которых я здесь не вижу.

Мать вырвалась вперед и бросилась на землю у ног Даверака.

— Пощадите моих деток! — заплакала она, втирая голову в землю. — Помилуйте, Сиятельный.

— Это не я милую, а Джурале, — ответил Даве-

рак, отступая от нее. — Покажите всех четверых или предъявите невылупившиеся яйца. Маджи, приструни жену.

Фермер Маджи на мгновение уставился на Даверака. Его серые глаза вращались в волнении. Он выпрямил хвост, и казалось, что он вот-вот набросится на Даверака, хотя для него это означало бы смерть. В нем и двенадцати футов не было, а в Давераке — все сорок. Поза фермера сменилась на покорную.

— Я говорил тебе еще в прошлый раз, что ничего хорошего из этого не выйдет, — сказал Маджи, обнимая жену и оттаскивая ее в сторону. Она начала выть и рыдать еще громче.

Даверак пригнулся пониже к младшим детенышам, чтобы их обследовать.

Беренда склонилась поближе к Эйнар.

— Простолюдины вечно устраивают неуместную сцену, — сказала она. — Это так ранит сердце. Они спрятали слабачков, хотя и знают, что ничего этим не добьются. Вот эти двое будут покрепче, а еще двое где-то попрятались.

Даверак зашел в дом. Два проинспектированных драгонета молча жались друг к другу.

— Разве не должно быть здесь священника? — спросила Эйнар. Она была потрясена тем, что

происходило, особенно душераздирающим воем матери, которая и не думала униматься.

— Владения слишком велики, чтобы он мог успеть всюду. Даверак пошлет ему глаза, — объяснила Беренда.

Даверак вышел, держа по детенышу в каждой лапе. Они были маленькими и зелеными и, очевидно, не могли выжить. При виде их мать испустила новое стенание, громче, чем прежде. Они всё еще шевелились и ответили своими трубными всхлипами, к которым присоединились их братья и сестры поздоровее.

Эйнар передернуло.

— Извини, что тебе пришлось при этом присутствовать, — сказала вежливо Беренда.

— Это все к пользе драконства, как учит Церковь, — сказала Эйнар, механически повторяя заученные слова. — И они с виду как раз такие, каких следует отбраковать, — добавила она, глядя на драгонетов.

— Никому такое не нравится, но это необходимо, и хорошо воспитанные драконы переносят это без такого ужасного скандала, — почти прокричала Беренда, чтобы быть услышанной.

Вой и стенания заглушили вознесенные Давераком молитвы. Эйнар расслышала только

обрывки фраз, доносившихся сквозь шум. «Благословение Вельда», и «милость Джурале», и «чтобы другие выросли крепкими». После этого Даверак аккуратно расчленил драгонетов. Как только их умертвили, семья затихла. Он бросил глаза в сумку, очевидно для священника. После этого оглядел собравшихся драконов.

— Эти неприспособленные к жизни детеныши умерли для общего блага драконства по учению Церкви, — сказал он строго.

Маджи коснулся когтями земли в знак подчинения. Его жена опустила голову. Даверак бросил два крохотных сочленения на траву перед семьей. Одно он вручил Эйнар, которая приняла его с удивлением, а остальное разделил между собой и Берендой, отдав Беренде почти целиком одного из драгонетов.

Эйнар нерешительно посмотрела на полученную ногу, чувствуя, что вся семья смотрит, как она кладет ее в пасть. Сами они к своим порциям еще не прикоснулись. Она откусила и тут же почувствовала сильный магический вкус драконьей плоти, обжигающей, немедленно дающей почувствовать себя длиннее и храбрее. Она встретилась глазами с матерью и увидела в их крутящейся пурпурной глубине негодование,

печаль и страх.

V. Владения Благородной Бенанди

17. Фелин Агорнин

Фелин Агорнин вышла из дому, выгнула шею, наклонилась вперед, расправила крылья и взмыла вверх. Прекрасный день! Солнце сияло, деревья стояли все еще зеленые, но в воздухе раннего утра уже ощущался холодок, который означал, что наступил месяц Листоверт, а там и зима не за горами.

Это было утро того дня, когда Пенн и Селендра покинули Агорнин, утро, когда Фелин получила письмо мужа, в котором тот сообщал ей о прибавлении в их доме, случившемся его попечением. Она получила письмо за завтраком, и, пока читала, лик ее отражал быструю смену эмоций. Сначала она была удивлена и обрадована весточке от Пенна, но по мере чтения новости беспокоили ее все сильней. Еще одна служанка! Служанка, которая была старой няней Пенна и будет исполнена самодовольства и чувства необходимости для него и его сестры! Фелин была готова радушно принять Селендру в своем доме, но хотела дать понять совершенно ясно, что Селендра вступает именно в *ее* дом. Селендра — сестра Пенна, которую они берут, чтобы дать

ей кров, кормить и защищать. Она не желала униженной благодарности, но хотела, чтобы все было ясно. Если Селендра привезет с собой прислугу, это заметно изменит ее положение в доме. Фелин не обманули слова Пенна о том, что Эймер будет ходить за драгонетами и помогать на кухне. Старая прислуга семьи, которая приедет вместе с Селендрой, будет восприниматься служанкой *именно Селендры*, какую бы еще работу она ни делала. Хуже того, муж хочет, чтобы именно она донесла эти новости до Благородной Бенанди.

В ее голове начался воображаемый суд, на котором Фелин предъявила отсутствующему мужу обвинение в трусости, расточительстве и глупости, тут же его осудила и вынесла приговор. Но не успела Фелин отложить письмо, как она уже знала, что никогда и никому не станет высказывать своего суждения, и меньше всего самому Пенну. И не станет она, как он предложил, присоединяться к Благород Бенанди, ополчаясь против него. Если бы она хотела это сделать, то не ждала бы его разрешения, но она никогда ничего подобного не сделает. Она знала, чем жена обязана мужу, даже если он сам этого не понимал. Она тут же послала слугу заказать повозки на следующий день, убедилась, что няня хорошо смотрит за детьми, и

отправилась с визитом к Благородной Бенанди.

Владения Благородного Бенанди, именем которого называли обширные, много больше всего Андертора, земли, раскинулись на несколько часов полета во всех направлениях. В центре этого надела лежало горное поместье — главная усадьба хозяйки и ее сына, который бывал дома по большей части в те весенние и осенние месяцы, когда охота здесь хороша. Сама усадьба была известна как Резиденция Бенанди.

Резиденция представляла собой запутанную сеть пещер на вершине утеса. Дом священника прихода Бенанди приткнулся у самого его подножия. Священник (кто бы он ни был, потому что дом священника прилагался к должности) получал легкий доступ и к уровню земли, и к проходам, которые вели от его жилища через скалы к обиталищу его покровителей. В резиденции имелась чудесная, немного старомодная часовня, где обычно Благородна слушала вечернюю службу Перводня. Утром она предпочитала посещать церковь (которая была посвящена святому Герину, но все ее знали как церковь Бенанди), удобно расположенную на склоне долины. Многие из нашего мелкопоместного дворянства, кто обзавелся собственными часовнями, предпочитают посе-

щать общественные богослужения. Ими движет желание показаться в обществе (особенно при исполнении своего долга) или просто нежелание рано вставать к службе в часовне, которая обязательно происходит раньше службы в церкви. В случае Благородной, однако, все знали, что для нее причина кроется скорее в том, что она желает убедиться в надлежащем исполнении долга всеми остальными. Если на утро Перводня она не обнаруживала в церкви кого-нибудь из фермеров или даже соседей, она почитала своим долгом посетить их через день или два, чтобы разобраться, в чем дело. Таким образом, драконы по соседству с Резиденцией Бенанди отличались склонностью к регулярному и пунктуальному посещению церкви.

Фелин могла бы воспользоваться этим Пассажем Священника и брести добрую милю вверх по туннелям, мимо часовни, в верхние пещеры Резиденции Бенанди, но, не будучи священником, она могла по своему усмотрению полететь. Никогда она не ходила вверх пешком, кроме Перводней и отдельных редких случаев (обычно, когда Благородный Шер Бенанди пребывал в поместье и она брала с собой драгонетов, чтобы посетить Резиденцию). Шер любил детей, да и Благородна

не придавала значения тому беспорядку, что они могли внести. Почти во все другие посещения Резиденции, даже когда Пенн взбирался вверх пешком, Фелин ловила восходящий поток воздуха с уступа приходского дома и просто скользила вверх вдоль утеса. Фелин любила летать, то есть любила, когда находила для этого повод. Никогда она не пренебрегала своими обязанностями ради полетов, но ничто не могло сравниться для нее с радостью ощущать ветер в крыльях. Она аккуратно заложила вираж и расслабленно поднималась по спирали. Прекрасно зная о движении потоков воздуха вокруг утеса, она не удалялась от его поверхности, пока плавно не приземлилась на уступе Резиденции.

— Отличный полет, — прозвучал голос, которого она не ожидала услышать.

— Шер! — изумленно откликнулась Фелин, оборачиваясь. Благородный Шер Бенанди полулежал на уступе, вытянувшись во все шестьдесят футов длины, сияя под лучами утреннего солнца полированной бронзой чешуи. — То есть Благородный Бенанди, — поправилась Фелин в легком замешательстве. — Я не знала, что вы дома.

— О, доброй охоты тебе, Преподобна Агорнин, если уж необходимо придерживаться титулова-

ния, хотя я так не считаю. Я называл тебя Фелин, а ты меня Шер с тех пор, как мы были маленькими бескрылыми драгонетами и вместе шныряли по округе. Что же касается твоего незнания о моем прибытии, не говори, что ты здесь, чтобы повидать мою мать и я тебе совсем неинтересен. — Шер отвесил челюсть в преувеличенном вожделении.

Фелин расхохоталась, не в силах сдержаться, смех сам вырвался наружу. Смеяться таким образом не считалось приличным для жены священника, но она и правда, как он сказал, знала Шера с самого драгонетства.

— Я рада тебя видеть, просто удивлена, и все. Я видела твою мать вчера, и она не говорила, что ждет тебя.

— Она что, заставляет тебя плясать на краю ковра каждый день? — спросил Шер неодобрительно и продолжил, не дожидаясь ответа: — На самом деле я вернулся по прихоти моих крыльев. Моя отлучка оказалась чертовски скучной, и я подумал, что будет приятно немного отдохнуть дома.

— Восстановиться после кутежа, ты имел в виду, — подхватила Фелин, хотя, еще не закончив реплики, она уже хотела бы взять ее назад. Шер и правда выглядел усталым, и не просто

утомленным после длинного перелета, а будто замученным проблемами.

Шер с готовностью рассмеялся.

— Моя мать мне докучала.

Фелин недоверчиво улыбнулась, зная, как хорошо Шер научился игнорировать и дурачить свою мать.

— Она, должно быть, очень рада тебя видеть, — предположила она.

— Она была бы еще счастливее, если бы имела месяц на подготовку, — сказал Шер сокрушенно. — Я удалился, чтобы избежать участия во всех этих запоздалых и поспешных приготовлениях, даже если они сулят самое уютное золото в моей постели и все мои любимые блюда на обед. Не сомневайся, тебя тоже позовут.

— Но не сегодня, Пенн все еще отсутствует.

— Отсутствует? Когда только три дня минуло с прошлого Перводня и через два дня снова наступит Перводень? О чем моя матушка думала, дозволяя ему это?

Смерть Бона так много значила для Фелин, что она забыла, что кто-то может о ней не знать, и была слегка обескуражена поддразниванием Шера.

— Благородной пришлось обойтись без Пенна один Перводень. Но он договорился с Преподоб-

ным Хейпом, чтобы тот пришел провести службу в нашей церкви. Отец Пенна умирал, поэтому ей пришлось согласиться.

— Старый Бон умер? Какая жалость! — сказал Шер, и его большие темные глаза внезапно наполнились состраданием. — Мне кажется, ты не знала его очень близко, но он был прекрасным старым драконом, надежным как скала. Я несколько раз посещал Агорнин, когда еще учился в школе. А что будет с имением? Пенн же не может его принять. А его младший брат?

— Тоже не сможет, хотя старый Бон и надеялся прожить достаточно долго, чтобы он смог, — объяснила Фелин. — Брат Эйван еще не готов, так что управлять имением будет Сиятельный Даверак, который женился на однокладнице Пенна Беренде, а потом имение отойдет к одному из их детей.

— Я помню Беренду, — сказал Шер, улыбаясь. — Я ее вижу время от времени в Ириете, где она ведет себя со мной как кичливая Сиятельна, будто я не гонял ее вниз по склону горы, когда она училась летать. В любом случае, это печальное известие для Агорнина. Пенну следовало известить меня, я бы мог поддержать его брата. Но теперь уже поздно.

Это немедленное предложение помощи, когда было уже поздно им воспользоваться, показалось Фелин настолько характерным для Шера, что она не смогла ничего ответить.

— Я должна повидать твою мать, — сказала она.

18. Благородна

Если внутри Резиденции Бенанди еще не царил полный беспорядок, вызванный присутствием Шера, то только потому, что его мать была отличной хозяйкой. Фелин, в сопровождении Шера, с легкостью нашла дорогу в знакомом лабиринте верхних пещер и обнаружила Благородную Бенанди в ее собственном кабинете возле кухни.

В любое другое утро Благородна была бы рада видеть свою любимицу Фелин (если только у Благородных могут быть любимцы). Она принимала неизменно любящее участие в делах Фелин и одобряла ее (насколько она вообще кого-либо одобряла). Она сама помогала поднять Фелин на ноги и устроила ее замужество с Пенном. Фелин не состояла в родстве с Бенанди. Ее отец, дракон благородный по рождению, но скромного достатка, был товарищем по оружию ее покойного мужа Благородного Маршала Бенанди. Как раз в то время, когда Фелин едва вылупилась, они были вместе в схватке на фронте с Яргами, и оба были ранены. Отец Фелин умер от ран почти сразу. Маршал поправился до определенной степени, но удалился от службы и отправился

домой, оставив защиту границы более молодым драконам. Доставив новости о кончине друга его скорбящим вдове и драгонетам (ничего, кроме новостей, он доставить не мог, потому что тело было уже поглощено его товарищами, что с незапамятных времен остается армейским обычаем), он обнаружил их живущими в некотором неустройстве. Добросердечный старый маршал привез их к себе домой в Бенанди и обеспечил небольшим, но собственным домом. Брат Фелин, к несчастью, заболел и был поглощен вскоре после переезда, но мать и дочь продолжали жить под защитой Благородного Маршала Бенанди до самой его смерти.

Благородна Бенанди поначалу осуждала доброту ее мужа к этим чужакам, но мало-помалу ради него справилась с этим чувством, и вскоре стала неподдельно симпатизировать Фелин не меньше, чем кому угодно, кроме ее сына Шера. Бывали времена, особенно после смерти матери Фелин, когда Благородна обращалась с Фелин почти как с дочерью. Легкий холодок возник между ними, когда Шер был в Круге, поскольку казалось, что во время отпусков, проведенных дома, он мог начать вынашивать нежелательную нежность по отношению к ее компаньонке. Эта холодность

была развеяна и сменилась еще большим теплом, когда Благородна Бенанди осознала, что ее воспитанница делает все возможное, чтоб вежливо отвадить ее сына. Тогда у Благородной составился план найти подходящую пару для воспитанницы, что Благородна и вообще считала своим призванием в жизни. Пенн, школьный товарищ Шера и его компаньон по Кругу, принимал посвящение в сан и, по мнению Благородной, был чрезвычайно подходящей партией. Бенанди всегда содержал собственного священника, и, по счастливому стечению обстоятельств, место стало вакантным. Благородна убедила сына пригласить Пенна с долгим визитом. Как только он приехал, она предоставила ему множество возможностей влюбиться в Фелин, что и неудивительно, потому что Пенн был драконом серьезного склада ума и в подходящем возрасте, чтобы остепениться. Как только помолвка состоялась, Благородна Бенанди предложила им жилище, что позволяло сыграть свадьбу немедленно. Она бы ужаснулась, если бы кто-то предположил, что она действовала настолько неприлично, что даже снабдила Фелин приданым, но дело было сделано, что бы кто ни говорил.

Этим утром, однако, Благородна была полно-

стью занята устройством хозяйства для полного сыновьего удобства и не хотела, чтобы кто-либо ее прерывал, а меньше всего сам сын, чьим комфортом она озаботилась и который своим неожиданным появлением так мало посчитался с ее собственным удобством.

— Шер, я думала, ты на некоторое время расположился снаружи? Доброе утро, моя дорогая, — добавила она, обращаясь к Фелин.

— Доброе утро, Благородна, я не отвлеку вас надолго, — сказала Фелин, целуя подставленную щеку. Окрас Благородной Бенанди напоминал темно-красную розу, в то время как окрас Фелин — вечернее небо, сулящее хорошую погоду. Вид их соединенных щек вызвал у Шера прилив незваных чувств. Он вспомнил то короткое время, когда он, хотя и не мог считаться взрослым, уже смотрел на Фелин не только как на сестру. На секунду ему захотелось, или почти захотелось, чтобы у него была собственная жена в розовой чешуе, которая бы вот так приветствовала его мать и, возможно, его самого тоже. На протяжении многих лет, с тех пор как он покинул Круг, он вполне счастливо транжирил время и золото. Теперь он достиг возраста, когда это уже радовало его меньше, чем когда-то. Он хотел скапливать

золото в спальне, а не сорить им в бездумных развлечениях, создать дом, охранять владения и приращивать их по возможности. Мать всегда предупреждала его, что однажды он захочет осесть, и все же он был изумлен, как изумляются все драконы, кому посчастливилось прожить достаточно долго, чтобы это желание наконец настигло и его.

— Благословляю тебя, Фелин, и у меня еще тысяча дел на сегодня, — сказала Благородна, отодвигая письмо, которое писала.

— Я решила подняться и рассказать вам, что Пенн будет дома завтра с дневным поездом.

— Я велю послать экипаж, — сказала Благородна Бенанди, тут же делая пометку.

— Он написал мне, чтобы я наняла дополнительные повозки, чтобы привезти его со станции, потому что кроме его сестры они привезут еще одну из служанок.

— Она везет свою собственную прислугу? — спросила Благородна, слегка закатывая глаза. — Я совсем не ждала таких претензий от одной из дочерей Бона Агорнина.

— Селендра — хорошая тихая драконица, как говорит о ней Пенн, — сказала Фелин, пряча поглубже свои настоящие мысли по поводу Эймер

и Селендры и произнося слова роли, которую уготовил ей Пенн. — Служанка эта для всех нас, для хозяйства. Теперь, когда драгонеты уже подросли, требуется больше помощи по дому. Будет гораздо удобнее использовать служанку, которую Пенн знает и которой доверяет, чем обучать кого-то заново или нанимать того, кто для нас совсем чужой.

— В Бенанди никогда нет нужды нанимать чужаков, — сказала Благородна, набрасываясь на эту наживку, как и предполагала Фелин. — Я бы предоставила вам дочь фермера, которую нужно только познакомить с вашими требованиями, ее родители были бы счастливы отдать ее в мой дом. Я могла бы сделать это в одно мгновение, если бы ты только дала мне знать, что вы думаете о дополнительной прислуге.

Благородна поверила, что Фелин действительно думала о том, чтобы нанять еще прислугу, хотя никогда бы не поверила, расскажи ей Пенн ту же самую историю.

— Да я еще и подумать не успела, как уже обнаружила, что затруднение разрешилось таким образом, — вздохнула Фелин, разводя лапы.

— Ну, я надеюсь, что она хорошо обученная и послушная служанка, — сказала Благородна. —

Когда будет возможность, я ее проэкзаменую. Я весьма поражена, что Преподобный Агорнин подумал, что оно того стоит — нанять повозки, чтобы доставить их со станции. Тут же совсем близко, двенадцать миль, не больше. Служанка могла бы пройтись, а сестра долететь. Какое расточительство.

— Без сомнений, старина Пенн может себе позволить повозку-другую, — сказал Шер, улыбаясь Фелин так, чтобы она поняла, что он разгадал ее, или скорее Пенна, стратагемы для обхождения с его матерью.

— Конечно, может, но разумно ли это? — спросила Благородна. — Разве так бы он поступил, если бы подумал? Золото, сбереженное сегодня, может спасти семью завтра. Если бы бедный батюшка Фелин сберег свое армейское жалованье, его семье не пришлось бы жить с нашей благотворительности все эти годы.

— Я уверен, что из-за найма нескольких повозок детишки Пенна не будут голодать, — возразил Шер.

— Дело не только в этой мелочи, а во всех мелочах, вместе взятых, — ответила его мать ледяным тоном, поскольку этот урок она хотела бы преподать ему, когда он сам еще был драгонетом.

— В целом Пенн никогда не отличался расточительностью, — сказала Фелин, верная своему мужу, вновь заглушая голос своего личного мнения. — Я заказала повозки, как он меня просил.

— Священник должен подавать пример, — сказала Благородна.

— Я уверен, что взять к себе старую служанку — это хороший пример, — сказал Шер.

— Старую? Надеюсь, не настолько старую, чтобы не работать, — припечатала Благородна сильным аргументом.

Фелин нахмурилась на Шера, который в ответ примиряюще улыбнулся.

— Я не знаю ее точный возраст, но она не очень молода, поскольку была еще няней Пенна. Он говорит, что она очень хорошо обращается с драгонетами, — добавила Фелин, надеясь, что это поможет сбить Благородную с темы.

— Сентиментальность, — фыркнула Благородна. — Я надеюсь, она не станет для вас обузой, Фелин.

— Я уверена, что она будет большой подмогой, — ответила Фелин, хотя лично она была полностью согласна с Благородной.

— Вы все трое должны прийти к обеду завтра, — сказала Благородна. — Сперва пришлите

эту служанку ко мне — потом мы отошлем ее обратно. А Преподобный Агорнин мог бы представить мне Почтенную Агорнин в столовой. Мы хотим, чтобы она чувствовала себя у нас как дома. Бедная драконица, трудно ей будет лишиться всего, что она знала. Мы должны быть добры с ней и дать ей почувствовать, что ей здесь рады.

— Они прибывают на дневном поезде, — сказала Фелин. — Это может быть немного поздно, чтобы успеть к обеду. Вы же не захотите видеть их покрытыми дорожной пылью после поездки по железной дороге? Может быть, лучше перенести это на послезавтра? Тогда я смогу привести Селендру к вам утром, это ведь будет удобнее, чем если бы Пенн представил ее завтра за обедом?

Благородна Бенанди склонила голову набок и мгновение созерцала стену напротив.

— Очень хорошо, — сказала она, будто делая огромную уступку. — Но в этом случае ты сама должна отобедать с нами сегодня вечером. Я тебя совсем не вижу с тех пор, как Пенн уехал. Сегодня пообедаем по-семейному.

— Да, пожалуйста, приходи, преподобная Агорнин, избавь нас от того, чтобы сидеть вдвоем друг напротив друга и, возможно, поубивать друг друга, не поделив свинью, — добавил Шер.

Фелин поперхнулась, но постаралась скрыть — даже не изумление, а, скорее, шок.

— Никому тут не интересны твои грубые шутки, Шер, — сказала Благородна. — Они нас нимало не занимают.

— Тогда я вас покидаю и увижу сегодня вечером, — сказала Фелин. Она добилась того, о чем просил ее муж, что входило в ее намерения, и не хотела отнимать у своей благодетельницы время. Не имея ни малейшего понятия, какой эффект это оказывает на Шера, она снова поцеловала щеку Благородной на прощание.

19. Виды Шера

Благородна Бенанди не удосуживалась думать о тех древних днях, что так возлюблены поэтами и песенниками, когда драконы жили в пещерах на вершинах холмов, подальше друг от друга, и не знали никакой цивилизации. Если кто-нибудь упоминал при ней хоть что-нибудь о временах до Нашествия Яргов, она обычно приподнимала крылья в знак легкого презрения. И все же она слышала (а кто не слышал?) множество прекрасных романтических и, без всякого сомнения, не вполне достоверных песен о них, и один из этих сюжетов приходил ей на ум всякий раз, когда она думала о сыне. В те дни молодые драконы, отрастившие крылья, улетали искать приключений, как желают поступать молодые драконы и в наши дни, только вот в былое время от приключений золото прибывало, а не таяло.

Все восемь или девять лет с тех пор, как Шер покинул Круг, его постоянная расточительность была пыткой для нее. Обычно драконы думают периодами в сотни лет, а когда планируют семьи или владения — в тысячи лет. Благородна Бенанди испытывала почти физическую боль, видя, как

золото, которое скапливали годами, ускользало сквозь когти ее сына в одну ночь за игорным столом. Молодые драконы всегда будут искать приключений, случись они на пути к принцессе, которую надо спасти, победив по дороге рыцарей, или на охоте на опасную дичь, или полночи бросая игорные кости. Есть такие, как Бон Агорнин и его младший сын Эйван (если бы она о нем знала), кто даже в наши дни рискуют, но ухитряются накапливать состояние с самых ранних лет. Таких же, как Шер, пожалуй, больше — они расстаются со своими состояниями, с трудом потом понимая, куда делось накопленное столетиями.

Некоторые родители пытаются обуздать разгул сыновей, отправляя их в армию, что хорошо помогает во время войны, но может быть разрушительным в мирное время в каком-нибудь модном гарнизоне. Другие организуют для них туры в дальние земли, но романтика и приключения, которые ждали когда-то в дальних краях, теперь, увы, часто сводятся к привычному стуку игорных костей в таком же стаканчике, как дома, — только сделан он искусными пальцами Яргов. Благородна Бенанди не делала ни того, ни другого, а скорее доверяла здравому смыслу своего сына, хотя доверие ее уже заметно истощалось,

когда этим поздним летним утром он внезапно вернулся домой.

Она правильно поняла смысл его возвращения. В былинные времена сильные молодые драконы возвращались в свои владения после сражений в битвах с накопленным сокровищем в тот момент, когда были готовы к оседлой жизни, часто даже невесту с собой приводили. Да и сейчас часто было так — виды на определенную невесту могли привести дракона к решению остепениться. Каждая мать всякой дочери мечтает о том, чтобы именно на их дочь упал взор подходящего титулованного дракона, который достиг этого переломного момента в жизни. Благородна Бенанди благодарила судьбу за то, что никогда не была матерью дочерей и что вырастила только одного сына, который вечно нарушает ее покой. Она надеялась, что взор Шера никогда не упадет ни на какую определенную драконицу, как не бывало и раньше, за исключением этого детского недоразумения с Фелин много лет назад. Все его разгульные годы она мечтала, что, когда побуждение осесть придет, она сможет сама выбрать приятную, близкую по духу сноху, с богатством и званием, подходящими положению ее сына.

То, чего она хотела, было бы совершенно неслы-

ханно в доисторические времена, не потому, что в то время драконы были менее склонны слушать старших, но потому, что в те времена не бывало, чтобы мать прожила так долго после рождения сына. Годами она посещала близлежащие владения, чтобы посмотреть на драконицы в семьях соседей, и даже в сезон выезжала в Ириет осмотреть выводок дочерей, выставленных в свете на этот год. Шер выказывал крайнее безразличие ко всему этому, и до сих пор она позволяла ему следовать своим путем. Теперь, когда он обнаруживал признаки склонности к оседлому образу жизни, было самое время представить ему результаты своей работы.

Фавориткой среди драконицы у Благородной Бенанди в настоящее время была Почтенная Геленер Телсти. Эта драконица приходилась племянницей нынешнему Высокородному Телсти и, таким образом, происходила из отличной семьи, хотя и не носила пока собственного высокого титула. Ее отец был священником довольно высокого положения в церковной иерархии, очень богат, к тому же ожидалось, что его сделают Святейшим при первой же возможности. Кроме Геленер, у него было два сына, которых нужно было обеспечить, но, поскольку никто из детей их

Высокородного дяди не выжил, предполагалось, что одного из племянников усыновят в главную ветвь семьи, а второму предоставят присоединиться к Церкви, где их отец обладал немалым влиянием. Геленер, единственной дочери, по слухам, приготовили приданое в семьдесят тысяч крон. Кроме того, она слыла довольно благонравной девицей, а ее ныне здравствующая мать была одной из приближенных подруг Благород Бенанди. Преподобной Телсти, матери Геленер, не терпелось хорошо выдать Геленер замуж, потому что дочь вот уже два года как на выданье, а угодить ей очень трудно. Кроме всего прочего, Преподобна Телсти желала союза с Благород Бенанди и титула для своей дочери.

Поэтому Благородна написала утром письмо своей старой подруге, побуждая ту приехать погостить, привезти Геленер и либо самой остаться погостить, либо оставить свою дочь в Бенанди с длинным визитом. Именно это занятие прервало появление Фелин. Благородна снова принялась за письмо, как только подруга и сын оставили ее. Если бы она знала, что Шер собирается приехать, она бы устроила этот визит задолго до того, и сделала так, чтобы он выглядел как случайная встреча. Тогда бы все пошло как надо. Шер не

любил, когда его подгоняли. И, тем не менее, она была уверена, что он чувствует себя подавленным и желает спокойной жизни. На этой стадии казалось, что любая прекрасная юная драконица — а Геленер прекрасна холодной совершенной красотой, которую так ценят в Ириете, — сможет привлечь его внимание.

Благородна Бенанди закончила письмо и запечатала его. Она очень опасалась, что ее сын приведет незнакомку, которая захочет выжить ее из дома. По временам она боялась то появления дочери Августейшего, которая будет презирать ее, то драконицы из увеселительного клуба, которую будет презирать она сама. Ее старость будет омрачена, кто бы из них ни воцарился в качестве Благородной. Геленер Телсти с ее красотой и семьюдесятью тысячами крон можно было впустить в дом, а значит, этого Благородна Бенанди и хотела. Если же Геленер не подойдет Шеру по какой-либо сентиментальной причине — молодые драконы, как она знала, часто бывают сентиментальны, посмотрите хотя бы на Пенна, который везет домой свою старую няню, — тогда у нее есть еще полдюжины подходящих драконниц из ее короткого списка.

20. Путешественники прибывают

Селендра ехала на поезде впервые, и за первый час путешествия или около того нашла много интересного и занимательного для себя. После этого, когда клубящийся пар от локомотива и рельсы, убегающие вдаль, утратили свое очарование, оставшееся время в дороге накрыло скукой. Железнодорожные пути, по самой своей природе, должны проходить через самые ровные и наименее живописные участки ландшафта. Поскольку в Тиамате совсем немного равнин, то Селендре показалось, что дорога из Андертора в Бенанди пролегла едва ли не через каждую из них. Разговаривать было невозможно из-за шума локомотива и дребезжания платформ. Пенн занялся своими книгами. Эймер свернулась на сундуках с золотом и спала, засунув голову под крыло. Селендра охотно бы свернулась рядом с ней, если бы было достаточно места. Часть пути она читала, но когда закончился роман, выбранный ею в дорогу, она переключилась на книгу назидательных эссе, навязанную ей Пенном, то быстро утомилась.

Все это ей казалось мучительно долгим, и она

хотела бы взлететь над поездом, а потом приземлиться обратно на платформу, как делали большинство пассажиров. Однако не пристало хорошо воспитанной драконице так себя вести, тем более если никто ее не сопровождал, а для этой цели и Пенн, и Эймер с их связанными крыльями были совершенно бесполезны.

Она была рада, доехав до полустанка Бенанди, но разочаровалась, увидев ожидающие их экипаж и повозки. Пенн ничего ей не рассказывал о своих приготовлениях.

— Я думала, что смогу пролететь остаток пути, — сказала она. — Это недалеко, а мои крылья совсем одеревенели. Я не потеряюсь, я могу делать круги над экипажем.

— Для всех нас достаточно места в повозках, — сказал Пенн, подсаживая Эймер. Та выглядела уставшей и скрюченной, а ноги ее почти не гнулись.

— Я это вижу, но хочу хоть немного расправить крылья, — сказала Селендра. — Пожалуйста, Пенн!

— Я бы не хотел начинать нашу совместную жизнь со ссоры, — сказал Пенн и плотно сжал губы. После этого Селендра покорно взобралась в повозку и утвердилась, насколько смогла, между

братом и сундуками. Эймер опять расположилась на ящиках с приданым и немедленно закрыла глаза.

Фелин знала, когда прибывает поезд. Она ждала его, и, как только показался дым из труб локомотива, она взлетела с порога дома и взмыла высоко вверх, чтобы наблюдать за приближением путешественников. Оглядывая землю в поисках повозок, она поймала ветер и позволила ему нести себя, но успела сделать всего несколько кругов, когда к ней вдруг присоединился Шер.

— Я сидел на уступе и видел, как ты взлетаешь, — сказал он. — Ты что, забросила свой выводок, чтобы полетать, или есть какая-то важная цель, что привела тебя сюда? Ах да, вот же она — повозка, что тащится по дороге. Ты отправилась поприветствовать своего мужа, а я составлю тебе компанию.

— Ты уже настолько соскучился? — спросила Фелин.

Шер рассмеялся.

— Я поприветствую Пенна раньше тебя, — сказал он и сложил крылья для пикирования. Фелин, не колеблясь ни минуты, нырнула с небес ему вослед, ловя ветер от его крыльев, и спикировала на экипаж. Она была меньше тридцати футов в

длину — в два раза короче Шера, — но при падении вниз это не давало ему преимущества. Хотя он и стартовал первым, приближались к цели они уже голова к голове и наконец затормозили как раз над приземным потоком, после чего приземлились, задохнувшись от смеха, рядом с экипажем.

Селендра только однажды встречалась со своей невесткой, на свадьбе Пенна. Единственное впечатление, что у нее осталось от Фелин с того дня, это тонкий окрас невесты, наполовину закутанной в кружевные складки вуали — цвета розовых роз. Она сначала и не узнала ее в этом благодатном пламенеющем видении, сошедшем к ним с небес. Селендра как раз посмотрела вверх, и, когда увидела двух прекрасных драконов, крутящих кульбиты в небе, будто оно принадлежит только им, сердце ее возрадовалось. Пенн, к своему неудовольствию, узнал жену немедленно, и своего старого друга тоже. Он неодобрительно щелкнул языком. Вылететь им навстречу — это еще куда ни шло, но гонять в небе наперегонки с Шером — совсем другое дело. Благородна не одобрила бы, если б узнала.

— Добро пожаловать домой, Пенн, — сказал Шер, пока Фелин все еще пыталась отдышать-

ся. — И мои глубочайшие соболезнования в связи с утратой твоего отца.

— Спасибо. Я не знал, что ты здесь, — сказал Пенн, весьма обескураженный. Он хотел отчитать Фелин, особенно после того, как он не позволил Селендре лететь, но чувствовал, что не может этого сделать перед таким количеством драконов. Пенн устал и хотел бы отдохнуть, прежде чем оказаться в обществе. Хотя Шер и был его самым близким другом, он никогда не забывал о пропасти между их положением в обществе, и пропасть эта с годами зияла все шире.

— Я прилетел вчера. Даже мать не предупредил, и, да, я знаю, что это страшное пренебрежение сыновним долгом. И пока мы говорим о моих грехах, позволь мне также извиниться за то, что я втянул Фелин в это пикирование. Но, клянусь Вельдом, как же хорошо снова тебя увидеть.

Пенн собрался было ответить, но не нашелся что сказать. Фелин улыбалась. Повозки тащились вперед, а Фелин и Шер шагали рядом.

— Благородный Шер Бенанди, позвольте представить вам мою сестру, Почтенную Селендру Агорнин, — сказал Пенн, прибегая к необходимой формальности для разрешения неловкости.

— Почтенная Агорнин, — Шер поклонился

Селендре полным купольным поклоном. Она только кивнула в ответ, понятия не имея, как реагировать на это.

— Мы встречались, — продолжал Шер, — но вы были еще бескрылой деткой, когда я последний раз был в Агорнине, и совершенно не подавали надежд, что станете такой прелестной драконицей.

Селендра не могла вымолвить ни слова. Она смотрела на Шера и видела за его дежурным комплиментом искреннее восхищение, но для Селендры это было совершенно непривычным. Она жила очень тихо в Агорнине и очень мало бывала даже в том невеликом обществе, что могло предложить ее место обитания. Она потупилась в смущении.

— Должно быть, прошло немало времени с тех пор, — пробормотала она наконец.

— Фелин, дорогая, ты помнишь мою сестру Селендру? — спросил Пенн, быстро меняя тему.

— Конечно, — сказала Фелин, улыбаясь Селендре. — Мы раньше встречались только мимолетно, но я уверена, что станем добрыми друзьями.

— Я и не подозревала, что вы так хорошо летаете, — сказала Селендра с неприкрытым

восхищением в голосе. — Особенно в таких горах и с такими перекрестными потоками. Это было великолепно. У меня никогда так не получится.

— О, я жила здесь с тех пор, как едва вылупилась, — сказала польщенная Фелин. — Я знакома со всеми ветрами. А тебя я возьму с собой и познакомлю с ними, ты скоро привыкнешь летать здесь.

— Мало таких мест, где было бы так интересно летать, — сказал Шер. — Не беспокойтесь о путах Пенна, Почтенная Агорнин, мы с Фелин покажем вам, куда лететь. Вы охотитесь?

— Еще ни разу. Вокруг Андертора не так много охоты. Но я всегда хотела попробовать, — признала Селендра.

— Мне следовало бы помнить это об Андерторе. Пенн тоже стремился на охоту, когда первый раз появился здесь, еще до того, как стал священником. Мы с Фелин обязательно возьмем вас с собой.

— Ты же знаешь, что я этого не одобряю, — сказал Пенн. — Если бы Вельд хотел, чтобы драконицы охотились, он дал бы им когти.

— Ты что же, думаешь, что до Нашествия они вымирали от голода? — спросил Шер запальчиво, поскольку давно уже составил свое мнение

об этом предмете. — Среди лучших охотников Тиамата всегда были дамы, да вот хоть в прошлом году я охотился бок о бок с самой Гревезой! Только благодаря оружию мы смогли прогнать Яргов после Нашествия, когда оказалось, что наших когтей недостаточно. Ты же не собираешься запереть Фелин дома? Она охотилась с тех пор, как научилась летать. В прошлом году, когда я последний раз был здесь на охоте, она ждала прибавления и не могла участвовать, но, конечно же…

— У меня нет никакого желания охотиться теперь, когда я замужем и стала матерью, — мягко сказала Фелин. Пенн посмотрел на нее с благодарностью. Шер остановился. Второй раз за день она лишила его воздуха в крыльях.

Селендра склонила голову. Она всегда хотела охотиться, но понимала, что ей не выпадет такой шанс. Она только надеялась, что ее новая жизнь не будет связана излишними ограничениями. Она утешила себя мыслями о бедной Эйнар, привязанной к Давераку. Все могло быть гораздо хуже.

— Я думаю, мне стоит полететь обратно в дом и приготовить вам горячего питья к прибытию, — сказала Фелин, разбивая неловкое молчание,

наступившее после ее отречения от намерений охотиться. — Не хочешь ли отправиться со мной, Селендра?

— О, с радостью, — ответила Селендра. Она вылезла из экипажа, протиснувшись мимо оцепенелой туши Эймер, и поднялась на воздух. Пенн ничего на это не сказал, уже усвоив главный урок управления семьей.

Шер остался с Пенном и повозкой, так что Фелин и Селендра полетели одни.

— Я так люблю летать, — сказала Селендра, когда все другие остались позади. — Я хотела полететь со станции, но Пенн настоял, чтобы я осталась в повозке.

— Ветры здесь иногда бывают капризными, — сказала Фелин, степенно взмахивая крыльями, словно хотела сгладить впечатление от своего эффектного пикирования. — Со мной ты не пропадешь, но в одиночку было бы непросто. Я уверена, что мой дорогой Пенн думал только о твоей безопасности, как и в случае с охотой.

Селендра посмотрела на свою невестку, готовая защищать Пенна, если бы заметила малейший признак заговора против него, но не обнаружила ничего подобного, поскольку Фелин с самого начала замужества решила придерживаться обета

подчиняться мужу своему, а также поддерживать его. Она ненавидела ссоры, искренне любила Пенна и не находила его излишне тираничным. Она любила охотиться, но предпочитала распрям в доме покой.

— Старая няня Пенна заснула, — сказала Фелин, надеясь осторожно выяснить у Селендры статус Эймер. — Я надеялась поговорить с ней о том, что она может делать, но, без сомнения, еще будет для этого достаточно времени.

— Эймер? Да она проспала всю дорогу от дома, — сказала Селендра, но тут же поправилась: — От самого Агорнина. Вы увидите, как она умеет обращаться с драгонетами, а также на кухне.

— Няня у нас есть, а вот на кухне она может быть очень кстати, — сказала Фелин, довольная тем, что Селендра не назвала Эймер своей личной служанкой. Она все еще осторожничала, но подумала, что невестка ей нравится, за что она поблагодарила милосердного Джурале, — жизнь стала бы много труднее, если бы они не понравились друг другу. — Кстати, о драгонетах, мои детки умирают от желания увидеть тебя, — сказала Фелин. — Они никогда раньше не видели тетушку, и им не терпится познакомиться.

— Я очень жду встречи с ними, — ответила

Селендра. Однако сердце ее слегка упало оттого, как ловко Фелин предъявила права на Эймер и как легко она принимает ограничения в своей жизни. Селендра почувствовала прилив тоски по Агорнину. Еще больше она скучала по Эйнар.

VI. Дела в Ириете

21. Важность шляпок

Эйван проснулся с чувством, что хорошо выспался, как всегда бывает, если спишь на золоте. Рядом с ним Себет деликатно зевнула, прикрыв пасть изящным дамским крылом. Она снова откинулась на золоте и смотрела на Эйвана из-под полуприкрытых век.

Хотя выглядела она все такой же соблазнительной, Эйван рассмеялся и поднялся с ложа.

— Слишком много дел сегодня, — сказал он. — Это позже.

— Но я сегодня вечером уйду, — сказала Себет, продолжая валяться, томно вращая ярко-синими глазами. — К тому же часть того, что тебе предстоит сделать, — это, без сомнения, избавиться от этого чудесного золота.

Эйван не клюнул на приманку и не спросил, куда она собирается. Он наклонился и поцеловал ее.

— Я тебя обожаю, и ты права, золоту здесь не место. К тому же, когда пускаешь его в дело, оно прирастает.

— Если пустить его на судебные иски, ничего не прирастет, — вздохнула она и, наконец, под-

нялась с ложа. — Выбрать тебе шляпу?

Теперь настала очередь Эйвана вздыхать. Он не любил шляпы. В деревне летом допускалось ходить в любой шляпе или вообще без нее. Преподобные вечно таскали на голове потрепанные старые цилиндры. Почтенные юные леди летали с непокрытыми головами, а августейшие дамы взмывали в небо в чепцах из дырявого кружева. Эйван прожил в Агорнине две недели, и случая надеть шляпу у него не бывало, кроме как в церковь пойти. В Ириете, тем не менее, в любое время года шляпы обязательны для любого дракона, кто желает показать свое благородное происхождение.

Себет открыла гардероб, выбрала головной убор и предложила его Эйвану с поклоном, как личный камердинер.

— Не эту, — сказал Эйван, грозно нахмурившись на шляпу, которую держала перед ним Себет, как на соперника, которого он готов сожрать.

— А с этой что не так? — спросила Себет, осматривая отвергнутую шляпу со всех сторон. Черная кожа, широкие поля, узкая тулья и черная лента — очень уместно для траура и почти новая. Себет выбирала ее Эйвану для променада в конце сезона, и он надевал ее только дважды.

— Мне нужно лететь, а эту вещь унесет первым же дуновением ветра, и что тогда?

— Лететь? — повторила Себет и приподняла крыло, чтобы скрыть очередной зевок. — Лететь куда? А мне надо будет лететь? — Она подцепила выбранную для себя шляпку — пирожное из шелковых фруктов с кремом и лавандовыми лентами, которая выглядела так, будто готова была слететь с головы при первом же слишком резком движении.

— Нет, ты можешь надеть этот прекрасный клочок пены, — снисходительно сказал Эйван, глядя на шляпку, склонив голову набок. Он был уверен, что раньше не видел этой шляпки, но не испытывал желания спросить, где она ее купила и как финансировала покупку. Если бы счет прислали ему, он бы тоже ничего не сказал, а просто заплатил бы. Шляпы были необходимой роскошью. Поскольку она была его клерком, то ему и надлежало следить за тем, чтобы она была хорошо одета. Если счет не придет, он будет знать, что кто-то другой заплатил за нее. В этом вопросе, как и во многих подобных, он научился наилучшему способу сохранения спокойствия в доме — не знать.

— Тебе лететь не потребуется, — продолжал

он. — Тебе следует отправляться в офис и заниматься обычными делами. Наверху четыре стопки писем, отсортированные, как обычно. Можешь начать с ответов «весьма сожалею и душевно благодарю».

Эйван потянулся через плечо Себет и выбрал темно-зеленое кепи, какие обычно носят на излете летнего сезона, сочетавшее, по его мнению, модность и практичность.

— Ты не собираешься в офис? — моргнула Себет.

— Я загляну туда позже, — сказал Эйван, крепко натягивая кепку между ушей.

— Как же Лиралeн и Кест? Они тебя ждут.

— Скажи Лиралену, что я буду к полудню, — сказал Эйван, подтягивая ремешок кепи. — Кесту до этого дела нет, так что пусть гадает.

— Ты не думаешь, что будет правильно сначала заглянуть в офис? — спросила Себет, вращая глазами все быстрее.

— Нет, — ответил Эйван. — Я должен распорядиться золотом, и немедленно.

— Хатор? — спросила Себет, поворачиваясь к бронзовому зеркалу, чтобы приладить шляпку под тщательно выверенным углом.

— Разумеется, — ответил Эйван. О предстоящем

иске он больше не упоминал. Она уже высказала свое неодобрение, к тому же это ее не касалось.

Она отвернулась от зеркала и взглянула прямо на него.

— В офисе есть те, кто хотел бы использовать в своих интересах смерть твоего отца, — сказала она.

— Кеста имеешь в виду?

— Не имею в виду никого в особенности, просто каждый теперь будет заново оценивать положение всех остальных. Нечто изменилось, и это изменение может существенно повлиять на твое положение.

Она отвернулась, закрыла гардероб и взяла офисную сумку.

— Я знаю, — сказал Эйван. — В этом еще одна причина, чтобы появиться небрежно поздно, как дракону, которому надо уладить дела. Если бы я поспешил в офис, как только появился в городе, торопясь наверстать упущенное и продраться через те горы, что они навалили для меня, это сразу же расценили бы как слабость, — улыбнулся Эйван.

— Ты прав, — сказала Себет. — У тебя есть дар прокладывать свой путь, ты знаешь, как себя вести. Если бы я попробовала поступить так же,

меня бы сожрали в первый же день.

Эйван рассмеялся.

— Ты знаешь свой путь, а я знаю свой. Вот почему мы так хорошо ладим.

Себет тоже рассмеялась и нежно потерлась об него мордой.

— Увидимся в офисе, когда ты до него доберешься, мой деловой дракон.

— Не забудь про письма, — напомнил он ей. Она закатила глаза, передразнивая его постоянную бдительность и напоминания.

Он открыл заднюю дверь и вышел. Себет постояла минутку неподвижно после его ухода, ожидая и прислушиваясь. Затем она открыла гардероб и вынула другую шляпку, совсем непохожую на первую. Эта была сделана из черного кружева, сложенного и заколотого гребнем, так что даже самому благорасположенному наблюдателю было бы трудно назвать ее чем-нибудь еще, кроме как «мантильей». Эту шляпку она сложила в сумку, после чего отправилась наверх, чтобы забрать письма.

22. Выпущенные когти

Офис Хатора находился в квартале Мигантин. Это было удобно для большинства его клиентов и для всего города, но Эйвану, который жил на прогулочном расстоянии от своего офиса рядом с Куполом, предстояло пересечь почти весь Ириет, чтобы попасть в офис Хатора. Были и другие поверенные в делах, работавшие поближе, многие из них даже более успешные, но старого Бона всегда обслуживал отец Хатора, а после него сам Хатор, и Эйвану казалось, что он может положиться на него, как он никогда бы не смог довериться незнакомцу. Соответственно, как только он благополучно выбрался из дома, то сразу прикрыл глаза средними веками, чтобы защититься от утреннего яркого света, убедился, что его кепи сидит на голове надежно, и взлетел прямо навстречу утреннему ветру.

Полеты в Ириете никогда не доставляли такой радости, как в деревне. Многие драконы отказывались летать в столице, говоря, что это опасно, да и неприятно из-за переменчивости ветров, вызванной зданиями и теплом от такого большого количества скученно живущих драконов.

Они ходили по улицам пешком или нанимали дроги и экипажи. Эйван считал их слабаками. Он прилетел в Ириет из Агорнина и, уж конечно, к Хатору тоже собирался лететь. Глубоко в душе ему нравилось воображать, что будь он драконом-одиночкой в героические времена, когда можно было полагаться только на свои крылья и когти, он бы хорошо себя проявил.

Эйван поднимался быстро, без промедлений, пока не набрал достаточную высоту, чтобы оказаться на безопасном расстоянии от самых непредсказуемых низовых потоков. С этой высоты город выглядел прекрасно. Он видел узоры черепиц на крышах, и узоры, в которые складывались сами крыши. Он промчался мимо шести башен Купола, избегая пролетать прямо над ними, краем глаза заметив детенышей, играющих во внутреннем дворе. Дома стояли тихие, но улицы были полны ранней торговлей — здесь рынок, торгующий свежими, только из деревни фруктами, там быки и свиньи, перевозимые от железнодорожной станции к рынку — своему последнему пристанищу. Серебряные полосы рельсов вели от огромных арок станции Купола через весь город. Эйван следовал за ними, паря в небе, предоставленном почти ему одному.

Наконец он стал снижаться, но не раньше, чем приблизился к району приземистых каменных полусферических зданий, по которым узнавали квартал Мигантин.

Приемная офиса Хатора была весьма поместительной. Ее сводчатый потолок, характерный для квартала Мигантин, придавал ей приятное сходство с пещерой. На стенах висели старомодные двухцветные виды Мигантина с земли. Несколько клерков, все — почтенные драконицы разнообразных оттенков золотого и бежевого, сидели за столами, занятые писаниной. Места было достаточно, чтобы рассадить трех или, если постараться, даже четырех клиентов в ожидании приема. Когда Эйван прибыл, в приемной оказался только один дракон, но размером как два обычных клиента Хатора. Эйван удивился, обнаружив столь знатного дракона, и еще больше — когда узнал в нем своего знакомого — Благородного Рималина. Он не знал, что тот тоже имеет дело с Хатором, и был немного удивлен, когда понял это. Представляясь клерку, он почувствовал взгляд Рималина на своей спине.

— Ну, что же, Почтенный Агорнин, — сказал Рималин, когда Эйван устроился рядом с ним, свернувшись так, чтобы его голова покоилась

на хвосте. — Или мне бы следовало сказать Досточтимый?

— Пока нет, — ответил Эйван и улыбнулся, показав зубы. Он верил, что Рималин сказал это добродушно, но и без Себет не забывал, что другие будут заново оценивать его положение.

Рималин расхохотался, откидывая голову назад и обнажая горло, что означало — он полностью уверен в дружеских чувствах Эйвана. Затем он посерьезнел и посмотрел Эйвану в глаза.

— Я так понимаю, Кетинар писала тебе, чтобы выразить наши соболезнования в связи с твоей утратой, — сказал он.

— Я очень благодарен Благород Рималин и вам за то, что думаете обо мне, — ответил Эйван вежливо. — Я прочитал ее записку вчера вечером, как только вернулся в Ириет.

— Так ты только вернулся? — Рималин немного откинулся, чтобы лучше видеть Эйвана.

— Да, прилетел ночью, довольно поздно, — подтвердил Эйван.

— И первым делом сюда? Я и не знал, что ты один из клиентов Хатора, — сказал Рималин.

— А я не знал, что вы тоже, — осторожно ответил Эйван. — Или это новое дело?

— Мы, политики, предпочитаем распределять

наш бизнес, — сказал Рималин с легким взмахом крыла. — Но я имею дело с Хатором много лет.

— Он был поверенным моего отца, и я продолжал пользоваться его услугами все это время, — сказал Эйван. — Я нахожу его очень надежным.

— Я тоже, но получить еще одно подтверждение всегда полезно, — сказал Рималин.

— Нельзя судить о поверенном по убранству его приемной, — сказал Эйван, зацепившись глазом за одну из ужасных картин с видом Мигантина.

Рималин снова расхохотался.

— Кетинар однажды прямо спросила Хатора об этих картинах. Тот ответил, что его отец купил их в Мигантине еще в молодости.

Эйван снова посмотрел на одну из картин прямо перед ним. Небо на картине было розовым, а очертания зданий голубыми.

— Вы хотите сказать, что они действительно написаны рукой Ярга?

— Я не могу за это поручиться, но Хатор так сказал Кетинар.

— Даже не знаю, становятся они от этого лучше или хуже, — сказал Эйван со смешанным чувством ужаса и восторга.

— О, хуже, старина, определенно хуже. Но понятно, почему Хатор их не заменит. Вечно так со

старыми семейными вещами, ты держишься за них. Прекрасные или ужасные, они существуют для того, чтобы передаваться следующим поколениям. У нас в Рималине немало таких вещей, дрянь по большей части, но я бы и не подумал их выбрасывать.

— Нет, как можно, — пробормотал Эйван, думая, что это — наименьшая из забот для того, кто так долго живет в городском доме, полностью обставленном в современном стиле и по последней моде.

— Я подумал, может быть, ты захочешь приехать и погостить у нас в Рималине какое-то время? Может быть, этой зимой, если они какое-то время обойдутся без тебя в Департаменте Планирования.

Эйван был настолько поражен, что даже не мог ничего вымолвить. В Ириете у него было много друзей, особенно с тех пор, как его работа потребовала, чтобы он стал вращаться за кулисами политических кругов, но за пределы столицы его еще ни разу не приглашали. Он считал Кетинар, Благородную Рималин, своим другом, но ее муж раньше не был так обходителен. Смерть отца определенно изменила что-то в его статусе, что он пока не в силах оценить.

— Я с удовольствием, — запнулся он. — Если смогу вырваться.

— Я велю Кетинар послать тебе формальное приглашение, которое будет действительно в любое время, когда ты захочешь провести с нами несколько дней, — сказал Рималин.

Как раз в этот момент открылась дверь офиса и вышла молодая, очень красивая драконица в сопровождении своей очень большой и очень солидной рубиново-красной матери.

— Ну, не прекрасна ли она? О приданом договаривались, вероятно? — отважился еле слышно спросить Эйван.

Рималин ничего не ответил, пока наружная дверь не закрылась за этой парой.

— Эта прелестница — Почтенная Геленер Телсти, и с ней ее не менее очаровательная мать Преподобна Телсти, — сказал он. — Геленер одна из самых видных девиц на выданье на рынке невест в этом году, и прошлые два года тоже, но если ее замужество и было устроено, об этом еще не сообщали.

Одна из клерков поднялась и жестом пригласила Рималина войти, чтобы встретиться с Хатором. Дверь была открыта, и Эйван успел мельком увидеть, что Хатор восседает над бумагами и

книгами так, как другой дракон восседал бы на золоте.

— Мне пора, а ты приходи повидаться. Если у тебя есть какой-нибудь капитал, не вкладывай его прежде, чем поговоришь со мной. У меня есть что тебе предложить.

— Я прочитал вашу записку, но… — начал было Эйван, но Рималин уже поднялся.

— Никакой ужасной спешки нет, — сказал Рималин и прошел во внутренний офис, тщательно прикрыв за собой дверь.

23. Офисная политика

Эйван добрался до Департамента Планирования незадолго до полудня. Золото было временно размещено на депозите, и Хатор организовал его вывоз. Выслушав все факты, Хатор согласился, что основания для иска у Эйвана есть, хотя и не такие хорошие, как если бы Эйнар и Селендра присоединились к нему в этом деле. Тем не менее исковое заявление против Даверака составлено и будет выслано следующим утром. Когда он летел назад, довольный тем, как провел утро, Эйван прикинул, не посетить ли ему публичную баню, чтобы опоздать еще сильнее — но благоразумно передумал. Терять место он никак не мог. Ему хотелось выглядеть уверенным, но не дерзким. Кроме того, он омылся всего три дня назад в холодной речке Ниа, протекающей по владениям Агорнина. Считалось, что слишком частые омовения вредят чешуе. Он улыбнулся, слегка показав зубы, поправил кепи, отринул колебания и уверенно зашел в офис через входную арку.

Себет пыталась писать письма, а над ней нависал Кест. Кест был статным, бронзового окраса драконом размером с Эйвана — чуть больше

двадцати футов, — а следовательно, почти в два раза больше Себет.

— У тебя есть время на то, чтобы это переписать, — сказал Кест ласково, наклоняясь к Себет еще ближе. Эйван замер на месте.

— Заставь своего клерка переписывать, — ответила Себет ледяным тоном, отстраняясь как можно дальше, насколько позволял гранитный блок, который служил Эйвану письменным столом.

— У меня нет клерка, как тебе прекрасно известно, маленькая высокородница, а работяга, которая переписывает бумаги, не доберется до моих документов до завтра.

— Не понимаю только, почему это моя проблема, — заметила Себет, выравнивая стопку бумаг и глядя на Кеста снизу вверх.

— О, ты не понимаешь, почему это твоя проблема, — эхом откликнулся Кест, передразнивая ее голос. — Ну, так пора бы тебе уже понять это и перестать важничать, маленькая высокородная шл… Это твоя проблема, потому что, когда Эйван вернется — если вернется, — должность он потеряет, а его обязанности перейдут ко мне, включая твой прелестный…

Эйван услышал достаточно. На слове «шл…»

он вошел в комнату и, прежде чем Кест успел произнести непристойность, зацепил его когтем под мышкой и дернул вбок. Не успел Кест восстановить равновесие, как Эйван прыгнул и всем своим весом навалился на грудь Кеста, добравшись зубами до его горла. Эйван получил преимущество за счет внезапности нападения, но, возможно, и небольшая разница в размере тоже сказалась. Он немного вырос после поедания плоти отца. Кест немедленно признал себя побежденным, лишая Эйвана удовольствия сразиться и надежды, в конечном итоге, убить и съесть его. Кест прижал когти и хвост к полу и закрыл глаза. На минуту Эйван пожалел, что он цивилизованный дракон, а потом вспомнил, как они боролись с братьями и сестрами. Бедный Меринт так же вот показывал, что сдается.

Он немного поднял голову, но был готов укусить снова, если понадобится.

— Ты сдаешься? — спросил он.

— Сдаюсь, — ответил Кест слабым голосом. Эйван все еще лежал сверху, почти придушив его.

— Сдаешь ли ты позицию в офисе?

— Сдаю, — сказал Кест, едва приоткрыв глаза.

— Приносишь ли ты извинения моему клерку и обещаешь ли никогда не подвергать ее оскорб-

лениям? — спросил Эйван, не ослабляя тяжести своего веса.

— Да, — ответил Кест и, поняв, что Эйван не двинулся с места, добавил: — Я приношу свои извинения, Чтен'Себет, за то, что оскорбил вас, и никогда этого больше не допущу.

Довольно неохотно Эйван отступил и позволил Кесту снова дышать.

— Всем остальным, кто думает интриговать ради моей должности, передай, что я вернулся и, не мешкая, буду драться за нее, если понадобится.

— Да нет, я уверен, что никто не побеспокоит тебя, Досточтимый, — сказал Кест, сдавая задом и покашливая. Так спиной он и проследовал через арку, которая вела в другие офисы.

Эйван подобрал кепи, которое в какой-то момент слетело с него в пылу борьбы. Он криво улыбнулся Себет, которая выглядела взволнованной и раскрасневшейся.

— Ты меня предупреждала, — сказал он. — Он всегда вел себя так нагло, когда меня не было поблизости?

— Маленькая высокородница — это его обычное обращение ко мне, — сказала она и вытянула одну лапу в недоумении. — Он и раньше пытался свалить на меня работу по переписке документов,

потому что он думает, что они важные. Он всегда был более фамильярен, чем следует, — очевидно, что он полагает мой статус неопределенным и хочет воспользоваться этим. — Она опустила взгляд на свое восхитительно-розовое плечико и вздохнула. — Все остальное — это что-то новое.

— Мне бы следовало убить его, — сказал Эйван, направляясь к проходу, в котором исчез Кест.

— Со всей этой завистью, алчностью и интригами, гуляющими у него в крови, на вкус он был бы, наверное, ужасен, — сказала Себет.

Эйван расхохотался.

— Если он скажет тебе что-нибудь еще, что угодно за пределами обычной холодной вежливости, что-либо, что ты не хочешь слышать, скажи мне. Я готов рискнуть и отведать его на вкус.

Себет открыла рот, чтобы ответить, но прежде, чем она заговорила, в комнату ввалился Лирален. Это был дракон в возрасте, с черной чешуей, почти пятидесяти футов в длину, с папкой под мышкой, которая была при нем не только сейчас, а почти всегда.

— О, Эйван, Кест сказал мне, что ты вернулся, — сказал он. — Мои соболезнования по поводу смерти твоего отца.

— Благодарю вас. И благодарю за вашу от-

крытку с соболезнованиями. Меня задержали неотложные семейные дела сегодня утром, — сказал Эйван.

— О, это неважно, раз уж ты здесь, — сказал Лирален. Его не интересовало ничего, кроме работы. — Чтен'Себет меня предупредила. Однако, пока тебя не было, возникла довольно затруднительная ситуация относительно прав на застройку района Скамбл.

Расположенный через реку Скамбл считался одним из самых непростых районов Ириета. Себет передвинула несколько бумаг на столе, напоминая обоим о своем присутствии.

— Это секретные сведения? — спросил Эйван.

— До известной степени, но не для твоего клерка, — сказал Лирален с усмешкой, застывшей в его бледных глазах. — Я оставлю тебе папку. У меня самого нет на это времени, и я не могу доверить никому другому иметь дело с этой недвижимостью, поэтому она ждала твоего возвращения.

Эйван почувствовал скрытый упрек, но, поскольку он был у смертного одра отца и отсутствовал меньше двух недель, а точнее, каких-то девять дней, он не чувствовал ни малейшей вины.

— Я ознакомлюсь с этим детально и все сделаю быстро, как только возможно, — сказал он, принимая папку. Папка оказалась бледно-сиреневого цвета. Лирален расстался с ней как будто неохотно, и без папки выглядел почти обнаженным.

— Дело это деликатное, — сказал Лирален. — Ты увидишь, когда прочтешь это. Дай мне знать, что ты решишь предпринять.

Эйван моргнул, озадаченный. Обычно он проводил изыскания, потом продумывал возможный план действий и после этого выкладывал все возможности перед Лираленом, но никогда не принимал решения сам. Похоже, он получил новые полномочия.

— Это повышение? — спросил он, отваживаясь произнести это вслух.

Лирален заколебался. Себет опустила голову к бумагам и постаралась стать невидимой. Эйван спокойно ждал.

— Может быть, — сказал Лирален. — Может быть, и так. — Он сделал паузу, глядя на Себет с явным неодобрением. — Я старею и через год или два могу выйти на пенсию и отправиться домой. Тогда понадобится кто-то, кто займет здесь мое место, и я хочу, чтобы это был тот, кто берется и делает, а не тот, кто понятия не имеет

о правилах.

В первый раз Лирален упомянул о своем возможном уходе при Эйване. Эйван постарался остановить бешеное вращение глаз. Что Лирален имел в виду, говоря о правилах? Он знал, что его начальник в принципе не одобрял Себет — она была розовой, но не замужем, а следовательно, по определению не могла пользоваться уважением среди драконов. Жалоб на нее не было, и, хотя Эйван представлял ее наем как сугубо «заботу о несчастной девушке», он знал, что Лирален, ворча, примирился с ней, только когда увидел, как хорошо она выполняет свою работу.

— О правилах? — решился он переспросить.

— Еще не так давно драконов удаляли из этого офиса за кумовство, — сказал Лирален. — А кое-кто среди нас, похоже, верит, что все еще живет во времена до Нашествия, когда повышения достигали, применив насилие. Я рад был заметить, что ты к ним не относишься.

Эйван, все еще опьяненный победой над Кестом, старался выглядеть мирно.

— Я буду ждать с нетерпением, чтобы увидеть, как ты справился с этим делом. Правление тоже будет ждать, — сказал Лирален. Правление состояло из сиятельных особ, которым подчи-

нялся Лирален. Эйван склонил голову при этих словах. — Ну, а теперь за работу, — закончил Лирален.

— Я сделаю все, чтобы наверстать упущенное время, — согласился Эйван и тут же открыл папку.

24. Второе признание

Себет покинула Департамент Планирования перед самым закатом. Эйван все еще работал, погруженный в содержимое папки, полученной от Лиралена. Некоторое время он потратил, чтобы разобраться с тем, что Себет делала в его отсутствие от его имени, но неизменно возвращался мыслями к сиреневой папке. Когда она уходила, он что-то буркнул на прощание. Себет шла от Купола по направлению к реке. Никто не спрашивал, куда она идет, и никто, похоже, не обращал на нее внимания. Она шла через парк, не замечая ни модников на прогулке, ни фабричных рабочих. Иногда ей встречался знакомый клерк, и они обменивались кивком или перекидывались словом. Все в целом были вежливы, но друзей среди них у нее не было, большинство считало ее подозрительной. Она знала, что они считают ее недостойной респектабельной должности, поэтому предпочитала незнакомых, которые не могли знать, что она не невеста.

Когда Себет вышла к променаду над рекой, она помешкала, повернувшись назад и оглядывая дорожки парка, чтобы убедиться, что никто за ней

не следит. Она еще помедлила, будто выбирала, куда ей пойти по променаду — налево или направо. Пойдя направо, она бы вышла к магазинам и увеселениям, к богатым домам модных кварталов Юго-Запада и к сортировочной станции, пойдя налево, она вернется к офисам и фабрикам в районе Купола и Ториса, а затем и домой.

Убедившись в том, что слежки нет, Себет сняла шляпу, показатель ее статуса и положения, и сложила ее в сумку. После этого она оставила променад и быстрым решительным шагом пересекла круто изогнутый каменный мост через реку Торис. Оказавшись на другом берегу, Себет продолжала идти, уверенно прокладывая путь через изгибы и повороты узких улиц. Вскоре она оказалась в квартале, лежащем между рекой и железнодорожными путями, известном как Скамбл. На ходу она раздумывала над содержимым сиреневой папки. Права на застройку, в Скамбле? Любой пятачок шире когтя, где можно было что-то построить, здесь уже застроили (хотя и по большей части никудышными лачугами, в которых бедные фабричные рабочие перебивались за тонкими залатанными стенами). Улицы были узкими, а здания сбивались в кучки, будто пытаясь согреться. Было еще несколько пусты-

рей, но и те появились после недавних пожаров.

Наконец, когда солнце уже почти зашло, она подошла к церкви, более крупной, но вряд ли более крепкой, чем дома вокруг нее. Она помедлила, снова огляделась, хотя вокруг не было ни души, потом вытащила из сумочки мантилью и надела ее на голову. Она не могла не чувствовать радостного возбуждения оттого, что делала что-то недозволенное. Посещение церкви Старой Веры уже не было незаконным, кроме как для священников, но на это все еще смотрели косо. Многое попадает в тень между ярким светом незаконного и утешительной темнотой дозволенного. Эйван определенно не смог бы и дальше давать ей работу клерка, если бы ее религиозные убеждения стали известны. Она погасила возбуждение и пробормотала молитву Вельду, чтобы успокоить ум. Потом толкнула лапой деревянную дверь, та открылась, и она вошла внутрь.

Помещение, в котором оказалась Себет, было похоже на любую другую церковь в бедном квартале. Плохо освещенная сводчатая комната, едва углубленная ниже уровня земли, наполовину заполненная драконами, по большей части из прислуги, со связанными крыльями, все маленькие, никого длиннее семи футов, кроме

священника, который стоял в центре притвора, собираясь начать службу. Такую картину можно видеть в каждой церкви каждым утром в пятницу или вечером любого другого дня. Только мантильи и резные деревянные двери, ведущие в исповедальню, отличали ее от других церквей. Посетитель, видя все это, мог бы удивиться тому, как просто Себет с приветственным жестом присоединилась к молитве, и тому, что никто тут не обжирался вареным мясом, и не выл в исповедальне, исторгая гротескные и пикантные признания, а просто все вели себя так, как драконы любой другой конгрегации. Даже молитвы были те же самые.

Главное теологическое различие можно было увидеть на дверях. Как и в большинстве церквей, стены были покрыты резными сплетенными и изогнутыми фигурами богов. Со всех стен с сочувственным пониманием вращались огромные темные глаза Джурале. Расписной лик Вельда был строгим и мудрым, мир лежал, надежно зажатый в его когтях. Этих двоих легко можно было узнать. Изображений Камрана не было, кроме как на дверях. От этих картин у любого дракона глаза бы полезли на лоб, настолько вопиющей была эта ересь. Как это было принято повсюду,

слева Камран был изображен приносящим Книгу Законов, справа — восходящим в пещеру Азашана, но в этой церкви художник изобразил его в образе Ярга, мягкого, бескрылого и безоружного.

Если бы хоть один священник отважился войти в эту церковь, не так уж сильно он бы удивился. Существовали старые книги, описывающие Камрана таким образом. Пенна, например, учили в Круге, что это был старый способ символически показать мирную и смиренную природу Камрана, так же как и Вельд-мститель мог быть изображен в виде палящего полуденного солнца, а Джурале — в виде горы, дающей убежище. Однако староверы, и Себет вместе с ними, видели это не как символ, подобный красным шнурам, обернутым вокруг крыльев священников, они действительно верили, что Камран был Яргом.

После службы Себет ждала подле дверей и терпеливо молилась, пока не настала ее очередь исповедаться. Священник, который называл себя Преподобный Калиен, отпустил ей, как обычно, грех жития с Эйваном вне таинства брака, а сегодня простил еще и за то, что она алкала золота Эйвана и упрекала его за возбуждение иска, все подробности которого она по его просьбе выложила Калиену. Затем, не без колебания, он

простил ей то, что она получила удовольствие от того, как два дракона бились за нее этим утром.

— Может быть, это и в нашей природе, но Камран учил нас, что мы можем преодолеть свою природу и превзойти ее. Милостью Вельда да веди себя лучше, если такое искушение снова встретится на твоем пути. Это все?

— Есть еще одна вещь, Преподобный, — сказала она. — Это не мой грех, — может быть, напротив, говорить тебе об этом — грех, потому что Лирален сказал, что это до известной степени секретные сведения. Эйвану дали некую папку, касающуюся прав на застройку Скамбла, и я подумала, что, может быть, лучше предупредить тебя об этом.

— Ты поступила правильно, сестра, — сказал Калиен. — Рассказывай мне обо всем, что узнаешь об этом деле, что проходит через твои руки. Предательство тобою твоего нанимателя — меньший грех, и он будет покрыт огромной помощью, которую ты окажешь окормляющему яйцу Церкви.

— Да, преподобный, — покорно ответила Себет.

Затем священник наложил когти на ее глаза, а она сидела не двигаясь.

— Я слышал твою исповедь, Сестра Себет, я

отпускаю твои грехи и прощаю тебя во имя Камрана, во имя Джурале и во имя Вельда.

VII. Званый обед

25. Благородна одобряет Эймер

На пятый день месяца Листоверта Благородна Бенанди назначила небольшой званый обед, чтобы отметить возвращение Пенна в Бенанди и устроить смотрины его сестре и няне. Как было велено, Пенн привел Эймер в офис Благородной Бенанди по проходу для священника немного раньше времени, отведенного для обеда. Благородна была в хорошем настроении. Она получила весточку от своей подруги Преподобной Телсти, что ее дочь Геленер через два дня прибудет в Бенанди. Пенна, который сначала вошел один, она одарила улыбкой и, хотя устроила ему выговор за расточительность с экипажами, сделала это добродушно. Эймер в это время ожидала своей очереди в коридоре.

— Священник обладает определенным положением в обществе, но в том, что касается средств к существованию, вы полностью зависимы, вам предоставлен удобный дом и приличный, но не допускающий вольностей достаток, — завершила она нотацию.

— Вы правы, Благородна, я должен быть внимательнее в следующий раз, — сказал Пенн. Он

хорошо отдохнул, находился дома под неусыпным попечением Фелин, видел, как хорошо себя повела Селендра в первые сутки в доме. От всего этого он заметно расслабился.

— Мои соболезнования в связи с утратой твоего уважаемого отца, — сказала Благородна, понимая, что немного запоздала с утешением.

— Он умер на руках Камрана, — ответил Пенн и, произнося эти общепринятые слова, почувствовал легкий укол, вспомнив об исповеди отца.

— Ну, а теперь представь мне твою старую няню, — сказала Благородна. — Тебе нет нужды оставаться, иди найди молодежь. Они, скорее всего, развлекаются на уступе или в Малом Парлоре.

Пенн поманил Эймер, чтобы та вошла. Эймер попросила Селендру специально для этого собеседования связать ее крылья покрепче. Она не захотела просить Фелин — новая хозяйка могла не захотеть потом ослабить их. Эймер не боялась жизни со связанными крыльями, но предпочитала привычную меру свободы и удобства. Тем не менее она понимала, что на этой встрече ее крылья должны быть связаны как можно крепче. Чувствуя поддержку Пенна и Селендры, она совсем не боялась Фелин, но знала, что Пенн бо-

ится Благородной, которая была здесь настоящей хозяйкой. Когда Пенн позвал ее, она склонила голову, вдохнула и вошла.

То, что увидела Благородна Бенанди, показалось ей во всех отношениях приемлемым. Эймер, конечно, была в преклонном драконьем возрасте, совсем не такую она сама бы выбрала для хозяйства Фелин. Но раз уж она досталась в наследство, надо использовать ее наилучшим образом. По крайней мере, она оказалась невелика, крылья ее были хорошо связаны, и выглядела она надлежаще покорной. Она поклонилась так, что голова ее касалась пола все время, пока Пенн ее представлял, и, даже когда выпрямилась, держала глаза долу.

— Как долго ты служила в Агорнине? — спросила Благородна, отсылая Пенна нетерпеливым жестом. Он поклонился и вышел не без легкого трепета. Он предупреждал Эймер, чтобы та была осторожна и последила за собой, поскольку знал, как она привыкла высказывать господам, что у нее на уме.

— С тех пор как Досточтимый Агорнин женился на моей хозяйке, в то время Почтенной Фидрак, Благородна, — сказала Эймер.

Благородна Бенанди обнаружила родственные

связи Пенна с Фидраками, еще когда исследовала его родословную, прежде чем предложить ему содержание в качестве своего священника. Это открытие и помогло склонить ее к такому решению. Теперь она улыбнулась настолько благосклонно, насколько умела.

— А как долго ты служила Фидракам до этого?

— Всю мою жизнь, Благородна. Моя мать служила буфетчицей старой Благородной Фидрак, а мой отец был швейцаром в поместье. Их родители и родители родителей со времен еще до Нашествия служили в поместье Фидрак.

— Похвальная родословная, — сказала неподдельно довольная Благородна Бенанди. — А сколько тебе лет?

— Достаточно старая, чтобы еще поработать как следует оставшиеся мне годы, — сказала Эймер.

Это был хороший ответ, поскольку Эймер не выглядела немощной, но непринужденность тона служанки заставила Благородную нахмуриться.

— Сколько тебе в точности лет? — вопросила она.

— Четыреста и еще семь лет, Благородна, — сказала Эймер, решив, что Благородна не заметит, если она скостит лет пятьдесят.

Похоже, этот ответ ее устроил, по крайней ме-

ре больше в этом направлении Благородна не копала.

— В каком качестве ты служила Фидракам и Агорнинам?

— Сначала служанкой на кухне, потом слугой Чтен' Фидрак, потом, когда она вышла замуж и стала Досточтимой, осталась у нее служанкой, но больше как няня для малышей. Когда они выросли, уже после смерти госпожи, когда Досточтимый Агорнин тоже начал дряхлеть, я вернулась на кухню.

— Ты понимаешь, что приходский дом Бенанди невелик? — спросила Благородна, пристально глядя на нее. — Они не могут позволить себе роскошь и расточительство, хотя и живут жизнью благороднорожденных драконов. Почему ты захотела приехать сюда?

— Я служила Агорнинам так долго, что не захотела идти в услужение другой семье, — сказала Эймер, потупив глаза настолько, что Благородна не могла видеть даже искры недовольства или неповиновения.

— Так это был твой выбор? Не выбор твоих хозяев? — не упустила случая наброситься на подвернувшуюся возможность Благородна, будто имела дело с диким кабаном, чью шею она хотела

сломать.

— Я могла остаться у Давераков, — призналась Эймер.

— Даверaки забрали под себя Агорнин, ты могла остаться и быть с семьей, которой служила много лет, и все же ты отказалась от этого.

— Притом что Благородный Даверак и женился на Почтенной Беренде Агорнин, это другая семья, — сказала Эймер, полагая, что она все еще в рамках дозволенного. — Я знала, что настоящие отпрыски Агорнина растут у Преподобного Пенна, и хотела послужить им, пока могу.

— Я всегда считала, что малышами лучше заниматься молодым няням, — строго сказала Благородна.

— Почему? — спросила Эймер, хотя и готова была откусить язык в тот момент, как это произнесла.

Благородна Бенанди посидела минутку, молча разглядывая ее. Она никогда не допускала фамильярности со слугами, а эта реплика могла расцениваться как непокорство. К счастью, Благородна была в безмятежном настроении, а Эймер до сих пор производила на нее довольно хорошее впечатление. Она не усомнилась в моих словах, а просто уточнила, чтобы лучше понять,

решила Благородна.

— Потому что молодым лучше, когда их обслуживают молодые, — сказала она.

Эймер не ответила, хотя ей хотелось опровергнуть это суждение как нонсенс.

— В таком случае я могу помогать на кухне изо всех сил или прислуживать Чтен'Селендре, — сказала она.

Теперь уже Благородна посмотрела на Эймер неодобрительно.

— Как я уже сказала, приходский дом Бенанди — это маленькое хозяйство. Чтен'Агорнин не может рассчитывать на то, чтобы иметь персональную слугу.

— Конечно, нет, Благородна, — сказала Эймер безжизненно.

— Она же не ждет этого? — спросила Благородна.

— Нет, Благородна, — повторила Эймер, вспоминая, как Селендра смеялась над этой идеей, и желая, чтобы они все снова очутились в Агорнине последних счастливых лет.

— Я надеюсь, она не глупая девица, у которой на уме только мода?

— Нет, Благородна, — снова сказала Эймер, сгибаясь еще ниже, будто готова была провалиться

сквозь твердый каменный пол.

Благородна вздохнула.

— Возвращайся к своим обязанностям. Я буду справляться, выполняются ли они к полному удовлетворению Фелин, и, если это будет не так, я дам знать о моем неудовольствии.

— Да, Благородна, — сказала Эймер и осторожно попятилась из комнаты. Как только она достаточно углубилась в проход, чтобы Благородна не могла ее слышать, она испустила облегченный выдох и высвободила крылья, насколько позволяли тесные путы. Она размышляла, не лучше ли все же было выбрать Даверака, даже несмотря на угрозу быть съеденной им против ее желания.

26. Перводень в Бенанди

Селендра чувствовала себя полностью подавленной величием Резиденции Бенанди. В тот первый вечер она не делала ничего, кроме как сидела тихо и старалась есть как можно аккуратнее. Она отвечала на вопросы вполголоса, едва слышно. Шер прощал ей, когда не мог расслышать, понимая ее застенчивость и неловкость, но его мать часто просила повторить, что она сказала. Несмотря на это, Благородна Бенанди осталась довольна сестрой Пенна более, чем ожидала. Она опасалась, что Селендра напустит на себя важный вид и будет претендовать на большее, чем подразумевает ее положение. Оказалось же, что она даже чересчур уступчива.

На следующее утро, которое пришлось на Перводень, все обитатели Бенанди вместе отправились в церковь. Благородна Бенанди и Шер заняли всю правую половину церкви, Фелин и Селендра стояли слева, и, хотя рядом с ними оставалось еще много места, слугам предоставили смешаться с обитателями деревни впереди и сзади. Пенн стоял в притворе и вел службу. Он прочитал хорошую проповедь, бóльшую часть

которой сочинил в поезде, о Джурале, который пестует материнские добродетели, и в ней он ухитрился дважды потрафить Благородной и один раз — Фелин. При выходе из церкви, пока Благородна отчитывала одного из фермеров за отсутствие в церкви его дочери, а Фелин помогала Пенну выпутаться из молитвенного головного убора, Шер воспользовался этой возможностью, чтобы задержаться возле Селендры и перекинуться с ней словечком.

— Я только что понял, что не сказал тебе, как мне жаль было слышать о смерти твоего отца. Ты, может быть, совсем не помнишь, как я приезжал в Агорнин, но я пробыл там достаточно долго, чтобы крайне расположиться к нему. Бон был чудесным драконом, такой занимательный рассказчик, настоящая скала среди гор. Хотел бы я знать больше таких драконов, как он. Мир кажется меньше без него.

К ее смущению, Селендра почувствовала, как глаза ее наполняются слезами, когда она услышала эти слова. Никто не говорил ей о Боне ничего, кроме общепринятых сожалений, с тех пор, как она рассталась с Эйнар, и теперь, слушая воспоминания Шера, она живо, может быть, даже слишком живо представила отца.

— Спасибо, — сказала она, и знала, что слезы пробиваются в ее голосе.

— Я не хотел тебя расстроить, — очень мягко сказал Шер.

— Я знаю, — сказала она и смогла взглянуть на него. — Ты подумаешь, что я совсем глупенькая, только вот я очень скучаю по своему отцу, а ты мне напомнил о нем.

— Тогда я совсем не буду извиняться, потому что это правильно — вспоминать Бона как можно чаще.

Селендра смогла улыбнуться в ответ на это приличной дамской улыбкой, не открывающей зубы.

— Тебе, наверное, все здесь кажется непривычным? — спросил Шер.

— Да, — признала Селендра. — Но здесь очень красиво, насколько я успела разглядеть.

— Я не забыл, что мы с Фелин обещали взять тебя полетать. Не сегодня, возможно, но скоро.

— Я думаю, лучше не сегодня, учитывая все обстоятельства, — сказала она и снова улыбнулась. Вся паства пришла в церковь пешком, и возвращаться будет тоже пешком. Полеты по Перводням Благородная не одобряла. — Как хорошо, что здесь такая красивая церковь, — продолжила она.

— Я думаю, она очень старая, — сказал Шер, оглядываясь на здание церкви, которое было слишком знакомо ему, чтобы он еще замечал детали. — Одна из старейших на всем северо-западе Тиамата. Я ходил сюда еще драгонетом.

— Такая прекрасная резьба, — сказала Селендра.

— Когда я был маленьким, я воображал, как я взбираюсь на стену, чтобы помочь Камрану сразиться с Азашаном, вон на той панели, — сказал Шер, припоминая и показывая на стену.

— О да, — сразу увидела Селендра. — Ты бы мог вскарабкаться вон по тем солнечным лучам.

— Да, именно так я и планировал, — сказал Шер, улыбаясь воспоминаниям.

— Азашан здесь изображен по-настоящему страшным, — сказала Селендра. — Я уверена, что у меня от него были бы кошмары, если бы я пришла сюда еще ребенком. Хотя нет, может быть, и нет, Камран рядом с ним очень силен.

Когда Благородна и Пенн присоединились к ним, они безобидно обсуждали красоту изображения Вельда на левой стене.

В тот же день, позже, Фелин принесла Благородной несколько горшков с презервами дрыжовника, которые они приготовили вместе

с Эймер. Поскольку это был Перводень, она пришла пешком, а не прилетела.

— Как вы ее находите? — спросила Благородна, когда они закончили раскланиваться и цель визита прояснилась.

— Она определенно очень сноровиста на кухне. Я вполне довольна няней, которую вы мне нашли, но думаю, что смогу использовать Эймер, чтобы делать больше заготовок. Знаете, как устаешь от одного мяса зимой. В прошлом году я заготовила дрыжовника всего ничего, потому что все время должна была следить за слугами, пока они им занимались. Я думаю, что Эймер знает эту работу настолько хорошо, что ей можно ее доверить. — Фелин уже почти была рада, что Пенн настоял, чтобы привезти Эймер с собой.

— Она не выказывает никаких признаков желания сдувать пылинки с Селендры? — спросила Благородна подозрительно.

— Пока нет, — ответила Фелин.

— Ты просто еще не поймала ее на этом, — сказала Благородна. — Она не постеснялась признаться, что это ее выбор — приехать сюда, и как раз из-за Селендры. Держи ее на кухне и направляй твердой рукой.

— Так я и сделаю, — сказала Фелин. — Но я

не думаю, что Селендра захочет сделать из нее личную служанку. Я думаю, что Селендра очень приятная. Дети ее уже обожают.

— Драгонеты будут вешаться на любую молодежь, что проводит с ними время, — возразила Благородна.

— Она еще и хорошенькая, — продолжила Фелин.

— Слишком тихая и застенчивая для красавицы, и еще немного бледновата для этого, — пренебрегла ее мнением Благородна. — Достаточно безобидна. Нам нужно присматривать подходящего дракона ее ранга, которому понравится ее уступчивость. Какое у нее приданое, Фелин?

— Шестнадцать тысяч, мне кажется, — сказала Фелин, поскольку именно так ей сказала Селендра, следуя своему соглашению с Эйнар.

— Больше, чем я ожидала, — фыркнула Благородна. — Я думала, старый Бон чуть не обанкротился, продавая старшую дочь Давераку. Ну, ничего, все к лучшему. Такая бледная тихоня, как Селендра, прекрасно сгодится с шестнадцатью тысячами какому-нибудь священнику или даже сыну Досточтимого.

— Слишком рано еще об этом думать, — сказала Фелин. — Она едва оправилась от шока после

смерти отца.

— Она что, в глубоком трауре?

— Ну, поскольку прошла всего неделя после смерти отца, вывозить ее на бал я бы не стала, — сказала Фелин немножко резче, чем она обычно отвечала Благородной.

— Я просто собиралась дать формальный обед завтра вечером. Приезжают мои друзья. — Благородна улыбнулась, весьма довольная собой. — Преподобна Телсти, которую ты встречала, и ее дочь, Почтенная Геленер Телсти, которую ты, видимо, не знаешь. Она закончила школу два года назад, и я видела ее только однажды, когда мы выезжали в Ириет на сезон.

— Я буду рада свести с ней знакомство, — сказала Фелин, которая немедленно разгадала интригу подруги. Бедный Шер, подумала она, угодил, как свинья между скалами, и подан драконице на блюде, политый сверху презервами дрыжовника из банки.

— Но будет ли траур Селендры считаться слишком глубоким для участия в званом обеде? Она определенно достаточно взрослая, и жалоб на ее поведение после нашего вчерашнего семейного обеда у меня нет, кроме того, что ей надо будет говорить немного громче, если она хочет когда-

либо быть замеченной в обществе.

Фелин думала об этом. Селендра и ей казалась очень тихой, хотя с драгонетами она веселилась с удовольствием.

— Мне кажется, что ей пойдет на пользу больше себя занять и чаще выходить из дома, — сказала она. — Она не должна слишком погружаться в свою скорбь.

— Я не о ее благе думаю, — сказала Благородна, слегка отстраняясь. — Я забочусь о правилах приличия.

— Что ж, собираетесь ли вы пригласить Пенна? — спросила Фелин.

— Ну конечно, без него не обойтись, он единственный самец, который у меня есть, их у нас и так мало. К тому же, Телсти — семья священника, они посчитали бы очень странным, если бы Пенн не присутствовал.

Это была принятая им добровольно часть обязанностей Пенна как священника Бенанди — обедать с Благородной всякий раз, когда ей нужен был дополнительный дракон для обеда.

— Ну, поскольку Бон был и отцом Пенна, траур у них должен быть одинаковым. И если Пенн, как священник, может присутствовать, Селендра тоже может быть представлена.

— Хорошо, — сказала Благородна, отметая вопрос о том, уместно ли для Пенна посещать формальный обед неделю спустя после смерти его отца. — Телсти прибывают завтра после полудня. Жду вас всех на обед.

27. Селендра и Шер

Когда Селендра узнала, что приглашена на званый обед в Резиденции, она пришла в ужас.

— Я бы предпочла остаться здесь и почитать, — сказала она. — Мне обязательно идти?

Фелин почувствовала раздражение.

— Это очень любезно со стороны Благородной — пригласить тебя, — сказала она. — Ты должна быть благодарна и извлечь как можно больше пользы из подвернувшейся возможности общения.

Селендра слегка откинулась, сидя на своем золоте, и проглотила подступившие слезы. Она не знала, была ли то запоздалая скорбь, или разлука с Эйнар, или необычность окружения, в котором она оказалась, но ей все время хотелось затопить эти чувства слезами.

— Конечно, это очень любезно, — ответила она механически. — Но я никогда не бывала на таких обедах и не хочу подвести вас с Пенном.

— Просто делай то, что делала вчера вечером, — сказала Фелин. — Никто на тебя не будет смотреть. Обед дается в честь друзей, которые приезжают в гости, в центре внимания будут

они. Их дочь, Геленер, предположительно, очень красива. Ее везут для Шера.

— Для Шера? — глуповато переспросила Селендра.

— Чтобы женить его, — резко объяснила Фелин. — Мне кажется, что все это чтение в темноте утомляет твой мозг, тебе лучше пойти прогуляться.

— Если бы не Перводень, я бы полетала, — сказала Селендра.

— Все бы полетали, если бы не Перводень, — отрезала Фелин, но сразу пожалела об этом. — Я прошу меня извинить, Селендра, я сегодня что-то устала. Я позову тебя полетать завтра после завтрака, если только Пенн не захочет, чтобы я пошла с ним.

— Спасибо, — сказала Селендра, вставая и по-сестрински протягивая крыло Фелин. — Могу ли я помочь тебе чем-нибудь? Мне не нужна прогулка. Может, я присмотрю за детьми?

Это предложение было принято с благодарностью, и они расстались на хорошей ноте.

Следующим утром они скромно позавтракали половинкой бычьего бока, поделив ее на троих взрослых и двух малышей. Селендре казалось немного странным питаться вместе с детьми,

поскольку вести себя за столом они не умели и норовили во время еды разбрасывать повсюду куски окровавленного мяса.

— Эймер может засушить остатки этого мяса сразу после завтрака, — сказала Фелин. — Дорогой, я тебе нужна?

Пенн оторвался от своего куска мяса.

— Что? Да, я думал, что ты сможешь пойти со мной проведать семью Саутгейтов. Один из их детей захворал и либо должен поправиться к этому времени, либо будет нуждаться в помощи, чтобы покинуть этот мир.

— Да, дорогой, — сказала Фелин и сделала гримаску в сторону Селендры, чтобы показать, что их полеты должны будут подождать до другого дня. Селендра приняла это с легким вздохом, но, после того, как брат с женой отбыли, а она пыталась управиться с малышами, Эймер преподнесла ей сюрприз, введя Шера.

— Благородный Бенанди, — провозгласила она.

Поскольку маленький Герин в это время сидел на спине у Селендры, она не могла двинуться, боясь его стряхнуть. Однако в тот момент, когда дети увидели Шера, они рванулись к нему, требуя пресервов, подарков и историй.

— Я не вас пришел повидать сегодня, малень-

кие монстры, а вашу тетушку, — сказал Шер, отгоняя их, но так, что было понятно, что для них это привычная игра, в которой он разрешает им победить. Так что, когда он, извиняясь, повернулся к Селендре, на каждом плече у него торчало по драгонету, отчего Селендра не смогла сдержать смех. Он был настолько больше малышей, что они выглядели на нем как декоративные фигурки.

— Доброе утро, Благородный Бенанди, — сказала она и поклонилась.

Шер рассмеялся.

— Зови меня Шер, пожалуйста. Фелин и Пенн так меня зовут, было бы абсурдно, если бы ты называла меня иначе.

Облепленный детьми, — Вонтас еще и победно размахивал когтем, — Шер не представлял опасности для Селендры. Кроме того, он ей нравился. Мать его была ужасна, с этим приходилось мириться, но он сам был вежливым и внимательным. Он любил ее отца. К тому же она поняла со слов Фелин, что он должен вот-вот жениться.

— Очень хорошо, — сказала она, — тогда доброе утро, Благородный Шер. Должна вас огорчить, Фелин ушла с моим братом навестить больного в фермерской семье.

— Моя мать сказала бы, что мой долг — пойти с ними, — сказал Шер. — Но мне не до того, потому что я обещал взять тебя полетать этим утром, а утро сегодня прекрасное, ясное и свежее. — Он потянулся и пощекотал когтем брюшко Герина. Тот скорчился от хохота и перестал впиваться когтями в шкуру Шера.

Селендра уже заметила, каким прекрасным было утро до того, как ее надежды рухнули за завтраком. Теперь ее сердце опять воспрянуло.

— Вы уверены, что это будет прилично? — спросила она.

— Определенно, — ответил Шер, решив в этот момент не говорить матери, что Фелин их не сопровождает. — Найди няню, чтобы забрала этих маленьких разбойников, и отправляемся.

— Возьмите нас с собой! — затрубили драгонеты.

— Когда крылья отрастите, обязательно возьмем, — пообещал Шер. — А сейчас как вы полетите?

Все еще сомневаясь, но готовая поддаться искушению, Селендра позвала няню. Драгонетов увели. По пути они продолжали звать дядю Шера и тетю Сел.

— Они зовут вас дядей? — спросила она, когда

они ступили на утес и щурились на солнце, настраивая веки на его яркость.

— Видишь ли, я им все равно что семья, — сказал он. — Я ходил вместе с Пенном в школу, а потом в Круг, а моя мать вырастила Фелин, так что мы все очень близки. Тебе просто придется влиться в эту семью, насколько сможешь.

Селендра понятия не имела, что Шер бóльшую часть времени проводил вне Резиденции, так что все это звучало вполне разумно. Она застенчиво улыбнулась ему, довольная тем, что приобрела еще одного брата — и такого сговорчивого. Они взлетели и стали медленно подниматься, расширяя круги.

— Ну, хорошо, ты хочешь увидеть фермы и железную дорогу? Или ты предпочитаешь дикие места и горы? — спросил Шер.

— О, пожалуйста, дикие места, — сказала Селендра не задумываясь. — Когда до нее донесся смех Шера, она поспешила добавить: — Только потому, что все фермы с виду одинаковы, а каждое дикое место обладает собственной красотой.

— Ты права, — согласился Шер. — Мы еще сделаем из тебя охотницу, что бы твой брат ни говорил. В таком случае нам надо подняться выше, чтобы увеличить обзор. За один день всего не

увидишь, но в другой раз я покажу тебе больше.

До этого момента Шер был добр с ней так же, как с драгонетами Фелин, которых он обожал, когда был дома, и забывал, когда уезжал. Он хотел выманить у нее улыбку, и был разочарован, когда увидел, что Фелин нет и она не сможет их сопровождать. Теперь же, когда он смотрел сверху на аккуратные золотистые формы Селендры, летящей за ним против ветра, он решил, что даже если она и не красавица по меркам Ириета, то все равно очень привлекательная драконица. Он любовался ею с самой первой встречи. И у нее такой необычный и занимательный взгляд на вещи. Подумать только, ей понравилась резьба в церкви, и она думала о ней, представляя, как он карабкается вверх. И как приятно, что она предпочла дикую природу скучным старым фермам. Шер тоже всегда так поступал в любых своих занятиях. Поэтому он и проводил так мало времени дома. Если он собирается остепениться, то Селендра может быть не хуже других, чтобы сделать это вместе с ней. Она рядом, она сестра его старого друга, и она любит драгонетов. Некоторые драконицы в Ириете упали бы в обморок, если бы на них взобрался драгонет, но она запросто таскала Герина на спине, когда он вошел. Ему

следует подумать об этом, решил он, и перспектива подумать об этом была ему очень приятна.

Селендра, следуя за ним, думала только о том, какая же это радость — взмывать вверх в чистых прозрачных утренних потоках.

28. Званый обед

Геленер разочаровала Селендру. Она ожидала большего от будущей жены Шера. На первый взгляд она весьма впечатляла. Геленер была так прекрасна, как может быть прекрасна драконица, только что вышедшая из рук лучших шляпников и полировщиков столицы. Ее отполировали настолько, что золотая чешуя блистала. Ее изысканный головной убор сверкал блестками, бусинами, драгоценностями и бантиками с крошечными зеркалами на стебельках. Селендра, которую Эймер протерла на скорую руку и повязала ей шляпку из серых и черных лент, сделанную Эйнар, чувствовала себя замарашкой по сравнению с ней. Даже Благородна со своим великолепным темно-зеленым бархатным бантом, украшенным единственным, но огромным изумрудом, идеально оттенявшим ее рубиновую кожу, выглядела тускло рядом с Геленер. Мать Геленер выглядела так, что могла сойти за сестру Благородной, только ее бант был сшит из золотой ткани, а украшен он был слишком большим бриллиантом.

Большая парлорная в Бенанди с прелестными

альковами легко вместила семь драконов, ждущих обеда. Стены были декорированы светлым камнем, выложенным по темной скале, в которой была вырублена комната. Эту отделку около года назад с большим вкусом выполнил специально привезенный из Ириета художник. Она все еще считалась модной, хотя в некоторых домах столицы драконы, которые хотели оказаться на переднем краю моды, игнорировали вековую традицию, запрещавшую отделывать публичную часть жилища драгоценностями, и украшали свои парлорные крошечными фрагментами самоцветов. До сих пор эта мода затронула только Ириет, в сельской местности это было бы чересчур, а парлорная Благородной была в точности такой, какой должна была быть.

Столовая, которая была видна отсюда через большую арку, была еще просторнее. Двадцать помещиков крупного размера могли бы отобедать в ней, — и такое случалось. Сточные канавки в полу вычистили до блеска до начала трапезы. Современных украшений здесь не было, назначение комнаты говорило за себя. Слуги входили и выходили с огромными блюдами свежеубитой говядины, свинины и баранины — на каждого гостя приходилось по крайней мере два животных.

Все туши были освежеваны и сочились кровью. Многие украшены свежими или консервированными фруктами.

Огорчения Селендры начались, когда ей представили Геленер как «Почтенную Телсти». Фелин не сказала, из какой семьи Геленер, когда упомянула ее накануне, поэтому это стало сюрпризом.

— Мой отец знал вашего отца, еще давно, или, возможно, это мог быть ваш дед, — выпалила Селендра, когда услышала имя Телсти. Геленер едва заметно склонила голову вправо и замерла. От этого бесконечно малого движения зеркала и блестки на ее голове пустились в пляс. После довольно длинной паузы Селендра поняла, что этот наклон головы означал вежливый вопрос.

— Мой отец начинал как арендатор в поместье Телсти, — объяснила Селендра. — Я много раз слышала, как он хорошо отзывался о Высокородном и Высокородной Телсти.

— Должно быть, это были мои дед и бабушка. Или это мог быть мой дядя, нынешний Высокородный Телсти. Хотя он уже довольно пожилой дракон, ваш отец, вероятно, поднялся до благородного звания еще раньше, — самодовольно улыбнулась Геленер.

— Мой отец, Досточтимый Бон Агорнин, —

сказала Селендра, специально подчеркивая интонацией титул отца, которым она заслуженно гордилась, — скончался только недавно, прожив полные пять сотен лет. Его детство в поместье Телсти прошло очень давно.

— Тогда это точно были родители моих родителей, кого он знал, — сказала Геленер и немного отодвинулась.

Благородна держалась неподалеку. Видя, что Геленер собирается заговорить с Шером, она повернулась к Селендре.

— Моя дорогая, — сказала она, — я знаю, что тебя не обременит выслушать слова того, кто много старше и много искушеннее в обычаях света.

Селендра склонила голову, пытаясь этим жестом копировать элегантность Геленер, но сознавая, что не сумела даже приблизиться к образцу.

— Так вот, в разговоре с Геленер это нестрашно, она чудесная драконица, очень хорошо воспитанная. Ее мать и я — близкие подруги, она не будет думать о тебе дурно, что бы ты ни сказала. Но в целом я бы не стала упоминать низкое происхождение твоего отца в обществе. Я не говорю, что тебе следует лгать, — в конце концов, все это легко проверить. Но и беспричинно упоминать

об этом в разговоре не стоит. И потом, твоя мать была из Фидраков, а крови благородней, чем у Фидраков, просто нет. Они в десятке первых семейств страны. У тебя есть дядя, ну, или кузен некоторой степени родства, который является Августейшим Лордом. Если уж нужно упомянуть семейные связи, упоминай Августейшего Фидрака.

Селендра смотрела на Благородную в упор, едва понимая, о чем та говорит.

— Но я же не знакома с моим кузеном, и мне нечего сказать о нем, — возразила она. — Кроме того, ветвь Фидраков, к которой принадлежала моя мать, очень удалена от нынешнего держателя титула.

— Ты можешь его не знать, но, тем не менее, он все равно твоя родня, которой ты можешь по праву гордиться, — сказала Благородна.

— Я не стыжусь моего отца, — ответила Селендра много громче, чем следовало. Все повернулись к ним. Пенн, который разговаривал с Преподобной Телсти на другом конце комнаты, сделал шаг по направлению к ним.

— Я и не предполагала, что тебе следует это делать, — сказала Благородна успокаивающе.

— А, мне всего лишь не следует упоминать его в

благородном обществе! — парировала Селендра, быстро вращая сияющими фиалковыми глазами. — Я люблю моего отца и горжусь им.

— Селендра, — сказал Пенн предупреждающе. Преподобна Телсти выглядела смущенной. Фелин в смятении обнажила зубы. В соседней комнате слуги прекратили накрывать к трапезе и не скрываясь наблюдали за развертыванием драмы.

Геленер попыталась обменяться жалостливым взглядом с Шером, но обнаружила, что его глаза сверкают.

— Она права, мать, — сказал он.

Селендра повернулась к нему, благодарная за помощь, которая пришла, откуда не ждали.

— Бон был великолепным драконом, — продолжил Шер.

— Никто и не говорит, что не был, — ледяным тоном произнесла Благородна. — Селендра неправильно поняла назначение моих слов.

Селендра знала, что все смотрят на нее. Она отчетливо понимала, что должна извиниться перед Благородной, если хочет спасти вечер, но все еще не могла контролировать свой голос. Ей ненавистно было лгать в этой ситуации, и она прекрасно знала, что все поняла правильно. Она хотела выбежать из комнаты и поплакать в

одиночестве.

— Я прошу прощения, если неправильно поняла смысл ваших слов, — сказала она натянуто после паузы, которая слишком затянулась.

— Это ничего, моя дорогая, — сказала Благородна и пожала ее лапу, прежде чем двинуться через комнату, чтобы поговорить с Преподобной Телсти.

Шер покинул Геленер и сделал два шага, которых хватило, чтобы перейти к Селендре. Пенн и Фелин обменялись взглядами, после чего Пенн переместился к оставленной Геленер, а Фелин направилась к Шеру и Селендре.

— Не плачь, — тихо сказал Шер. — Я не знаю, что сказала моя мать, но я знаю, каким немыслимым снобом она может быть. Не обращай внимания. Всякий, кто знал Бона Агорнина, ценил его подлинные качества благороднорожденного дракона, которые значат гораздо больше, чем пустые титулы, унаследованные далекими потомками.

Фелин присоединилась к ним как раз вовремя, чтобы услышать последние слова Шера.

— Я уверена, что Благородна не имела в виду говорить дурно о Боне, — добавила она. — Успокойся, Селендра. Или ты хочешь, чтобы я отвела

тебя обратно домой, чтобы ты отдохнула?

Селендра едва могла говорить.

— Мой отец заслужил свой титул, — сказала она, сглатывая между словами.

— Именно так, лучшего звания для него и быть не могло, если бы только Величества старых времен не вернулись и не стали опять величать драконов Достопочтенными, — торжественно произнес Шер.

От этого глаза Фелин завертелись еще быстрее. Она давно знала, как Шер бывает безоглядно добр к подранкам, если только это не доставляет ему неудобств. Она не хотела, чтобы Селендра попала в их число. В конечном итоге все начинали доставлять ему некоторые неудобства, и он терял к ним интерес. Фелин пришлось взять на себя заботу об ягненке, который потерял мать, о кошке со сломанной ногой и семействе фермеров, чью арендную плату Шер обещал пересмотреть. В последнее время ей приходилось успокаивать своих детей, когда Шер исчезал, даже не попрощавшись с ними.

— Хочешь уйти, Селендра? — снова спросила Фелин. — Я говорила Благородной, что, может быть, ты еще не готова для компании. Она поймет.

— Возможно, мне лучше уйти, — с благодарностью согласилась Селендра.

— Нет, — сказал Шер, выставляя коготь в сторону Фелин. Его темные глаза смотрели серьезно, медленно вращаясь в глубине орбит. — Если она сбежит сейчас, она тем самым вручит моей матери коготь победы и позволит каждому пожалеть ее и обсудить в ее отсутствие. Если она останется, все про это скоро забудут.

— Я понятия не имела, что ты так хорошо понимаешь тонкости вращения в обществе, — сказала Фелин.

Шер рассмеялся.

— Ты даже не представляешь, насколько хорошо, — согласился он жизнерадостно. — Так что, Селендра?

Серые глаза Фелин завертелись, в свою очередь, от удивления. Она и не знала, что они уже называют друг друга по имени.

— Я останусь, — сказала Селендра, овладев, наконец, своим голосом. — Я не боюсь, и я не стыжусь своего отца, ничто меня не заставит стыдиться.

— Оставайся, пусть все уляжется и ничего не останется, — сказал Шер.

Фелин посмотрела на величественную спину

Благородной, которая беседовала с Преподобной Телсти. Пенн занимал разговором Геленер. Она думала, что инцидент будет быстрее забыт, если сейчас спустить Благородной это с рук, а попозже она, Фелин, постарается все загладить. Однако спорить с Шером в этом настроении не стоило, тем более с Селендрой. Фелин мысленно опустила лапы и сдалась. Благородна была бы в ярости, если бы Геленер спугнули, но сама она предпочла бы видеть Шера с партнершей пусть и с меньшим приданым, но зато с чувством юмора. Тем не менее, когда момент миновал и они направились, наконец, в столовую, Фелин чувствовала, как ее крылья немного трепещут от приближающегося шторма.

VIII. Иск получен

29. Блага Даверака

Жизнь Эйнар в Резиденции Даверак была приятной во многих отношениях. Ей предоставили личную служанку — начинавшую сереть драконицу по имени Ламит, у которой не было других обязанностей, кроме как исполнять желания Эйнар, полировать ее чешую и создавать для нее подобающие случаю головные уборы. В этой семье завтракали в своих комнатах, днем занимались, чем хотели, и сходились вместе на обед, к которому часто приглашали гостей. После этого нередко случались танцы и другие увеселения до поздней ночи.

Эйнар могла бы даже начать получать удовольствие от всего этого, если бы компания была более подходящая.

Через день или два Эйнар заметила, что ее служанка передвигается как-то неловко.

— Иди сюда, Ламит, — сказала она. Эйнар провела пальцами по спине Ламит и тут же обнаружила, что путы ее затянуты так туго, что натирают крылья и причиняют боль при движении.

— Позволь мне ослабить их и смазать мазью, —

предложила Эйнар.

— Благодарю вас, ‘Чтен, но мне кажется, что этого делать нельзя, — сказала служанка, пугливо пригибая голову. — Хозяин не любит, когда наши крылья не стянуты.

— Да всего на минуту, пока я их полечу, а потом свяжу обратно, но послабее, — сказала Эйнар. — Я могу сама рассказать об этом Беренде и Сиятельному Давераку и объяснить, что это было не твое самоуправство, а моя забота о твоем здоровье.

— Пожалуйста, не говорите им, что я недомогаю, ‘Чтен! — в отчаянии попросила Ламит. Она в страхе отпрянула от Эйнар. Эйнар и сама-то была невелика, не больше двенадцати футов, но Ламит едва достигала шести и выглядела почти как драгонетка, особенно после того, как съежилась. — Это просто небольшая ссадина, у меня и раньше такое случалось.

— Если ты не хочешь, я им не скажу, — сказала Эйнар в изумлении. — Но если оставить все как есть, будет больно, и часть твоего крыла может ослабнуть, так что ты никогда уже не сможешь летать.

— Летать? — переспросила Ламит. — Я и так никогда не буду летать, что бы ни случилось. Я буду работать здесь, пока не ослабну, и это будет

конец.

— Много чего еще может произойти, — сказала Эйнар ободряюще. — Есть слуги, которые летают, даже если остаются навсегда в услужении. В некоторых домах слуг используют для того, чтобы летать за почтой на станцию. Эймер, наша служанка из Агорнина, которая уехала в Бенанди, постоянно летала на сбор целебных трав.

— Да, и вы не сомневались, что она вернется обратно, — сказала Ламит. — Здесь все устроено иначе, ‘Чтен. Никто никому не доверяет с обеих сторон, и мы знаем, что мы связаны навеки.

Нежные серебряные глаза Эйнар стали печальными.

— Я к такому не привыкла, — сказала она.

— Ничего страшного, ‘Чтен, могло быть еще хуже. Нас тут хорошо кормят, и мы знаем, что наши семьи тоже получают выгоду от этого.

— Ты имеешь в виду плату за путы? — спросила Эйнар.

— Здесь, в Даверaке, платят не так много. Но каждый знает, что, если кто-то из семьи находится в услужении в Резиденции, у других деток гораздо больше шансов вырасти. Да и мы пока не умерли и все-таки не съедены.

— Ты хочешь сказать, что Даверак ест и тех дра-

гонетов, которые вовсе не слабаки? — спросила Эйнар в ужасе.

— Съест, если решит, что семья не может управиться со всеми детками, — сказала Ламит. — Пожалуйста, не рассказывайте никому, что я об этом говорила. Они едят нас, если мы захвораем, и в наше время не так много и надо, чтобы они так решили, особенно теперь, когда Сият' Беренда растет и все время голодна. Я это рассказываю только для того, чтобы вы перестали говорить такое по доброте вашей, отчего все может стать еще хуже.

— Я не могу поверить, чтобы Беренда потакала подобным поступкам, — решительно сказала Эйнар. — Даверак — может быть, но Беренда — моя сестра и знает, как все делалось в Агорнине.

— Когда она только приехала и была шокирована тем, что здесь увидела, Сиятельный сказал ей не быть такой провинциальной, — сказала Ламит. — Вот почему я знаю, сколько беды могут принести добрые слова. Теперь она смотрит поверх голов и старается быть сиятельней, чем он сам. Простите, что говорю вам такое, 'Чтен, но это правда и вам нужно ее знать.

— Я сейчас смажу твои крылья, — сказала Эйнар, вынимая коробку с аптечкой, которую Эймер

собрала для нее перед отъездом из дома. — Если ты настаиваешь, после этого я снова их крепко стяну, но мне не будет прислуживать дракон с такими неприглядными ссадинами. Они мешают тебе выполнять свои обязанности и легко лечатся. Вот что я отвечу, если кто-нибудь спросит, но никто не спросит, потому что они не заметят.

— Скорее всего, нет, — согласилась Ламит и сидела тихо, принимая помощь Эйнар. — Так гораздо лучше, — сказала она, когда Эйнар снова ее связала. — А теперь позвольте мне приготовить вашу шляпку на вечер, ‘Чтен.

В ту ночь Эйнар долго лежала без сна, ворочаясь на комфортабельном ложе из золота, будто это была простая каменная плита. Она всю жизнь знала, что рабство — тяжелая участь. И все же она не до конца это понимала, пока Ламит не начала шарахаться от предложенного снадобья. Она думала об Эймер и других слугах в Агорнине, которые получили свою работу по наследству, и казалось, что их это устраивает не меньше, чем хозяев. Теперь она думала о том, в какой степени все это ей только казалось. А вот рана Ламит была настоящей, как и ее страх. Она читала об условиях жизни фабричных рабочих со спутанными крыльями. Эйнар нервно напрягла собственные

крылья. Ей хотелось что-то изменить, но она понятия не имела, с чего бы ей начать и чего бы она смогла добиться. Она не могла даже представить, с кем можно было хотя бы поговорить об этом, кроме Селендры, которая была так далеко. Она напишет ей. Напишет утром. С этим решением Эйнар, наконец, уснула беспокойным сном.

30. Иск получен

Следующим вечером, противу обыкновения, семья обедала без гостей. Весь день шел дождь, и даже Даверак не выбирался далеко от дома. Эйнар не выходила вообще. Беренда была на сносях с очередным яйцом, что могло случиться в любой момент, и оттого была раздражительна и не искала компании. Трое взрослых и два выживших драгонета собрались в парлорной, где природный камень был выложен мрамором и галькой по последней моде. Беренда вообще не могла присесть и продолжала вышагивать.

Два драгонета, один золотой, другой черный, но с одинаковыми огромными розовыми глазами, как у отца, сидели тихо плечом к плечу рядом с Эйнар. С тех пор как забрали Ламерака, они вели себя примерно. Может, они скучали по нему, но, скорее, боялись, что могут присоединиться к брату в любой момент. Эйнар заботливо раскинула над ними крыло. Они посмотрели на нее, но едва смогли улыбнуться.

— Так скучно, что мы сегодня одни, — сказала Беренда, приостанавливаясь.

— Это было твое решение, — ответил Даверак,

прикрывая когтем большой зевок, обнаживший огромные крепкие зубы.

— Я знаю. Утром казалось, что это хорошая идея, потому что я не хотела никого видеть. А сейчас ужасно скучно, — сказала Беренда.

— Иногда уютно посидеть семьей, — умиротворяюще произнесла Эйнар.

Беренда оскалилась, будто хотела перекусить реплику сестры.

— Можно сказать «уютно». А по-моему, точнее будет «тоска». Разве ты не хотела бы, чтобы Лондавер был здесь, Эйн?

Досточтимый Лондавер жил так близко, что бывал здесь частым гостем, как и его родители. Казалось, пока он не выделял Эйнар среди прочих, о чем Беренда прекрасно знала, поэтому упоминать его имя было жестоко с ее стороны.

— Я думаю, ей бы любая компания подошла сегодня, кроме твоей, — заметил Даверак.

Прежде чем Беренда успела огрызнуться, а Эйнар — придумать какой-то умиротворяющий ответ, вошел слуга с пакетом в когтях.

— Почта прибыла, — прокомментировал Даверак. У него была дурная привычка сообщать то, что было очевидно всем.

— Мне есть что-нибудь? — спросила Беренда.

— Не сомневайся, почти все тебе, — сказал Даверак, лениво перебрав почту и передав Беренде большую стопку писем. — Два для меня: одно от брокера, другое от адвоката. И одно для тебя, Эйнар, — сказал он, вручая той сложенное и запечатанное письмо.

— Это от Селендры, — сказала она с улыбкой, взглянув на печать.

— Открывать не собираешься? — спросила Беренда.

— Я хотела это сделать после обеда, — кротко ответила Эйнар. — У тебя есть что-нибудь интересное?

— Только приглашения, вряд ли они мне пригодятся, пока я не управлюсь с кладкой, — сказала Беренда, бесцельно перебирая свою стопку. Тут Даверак издал рык, от которого дети испуганно сбились в кучку, а взрослые оборотились к нему. Беренда даже выронила несколько приглашений.

— Что случилось, дорогой? — спросила Беренда с неподдельным беспокойством. Даверак, в обычное время черный, теперь стал почти багровым.

— Я поверить не могу в его наглость, — прорычал Даверак.

— Чью? — спросила Беренда.

Эйнар уже все поняла. Она надеялась, что Эйван передумает, и не ожидала, что исковое уведомление доставят так скоро.

— Твои гнусные брат и сестра тащат меня в суд из-за тела твоего отца.

— Эйнар? — спросила Беренда, поворачиваясь к ней.

— Нет, нет, — сказала Эйнар, понимая, что ее могли бы сожрать прямо на месте, если бы она позволила Эйвану использовать ее имя для этого вызова.

— Нет, Эйнар знает, чье мясо ест на завтрак, — сказал Даверак, грубо швыряя бумагу на пол. — У тебя две сестры, если ты забыла. Ты знала об этом, Эйнар?

— О чем? — спросила Эйнар, не на шутку испуганная.

— Об этой попытке вызвать меня в суд, чтобы добиться компенсации за плоть твоего отца. Которую я съел в соответствии с его желанием, как справедливо рассудил тогда Преподобный Фрелт, если помнишь.

Челюсти Даверака оказались на расстоянии не больше ширины когтя от горла Эйнар, она в страхе отпрянула. Никогда еще она не видела Даверака в такой ярости.

— Эйван упоминал что-то в этом роде, когда был в гневе, — сказала она. — Я понятия не имела, что он действительно что-нибудь предпримет.

Это было правдой, хотя она и знала, что так все и будет.

— Я предъявлю ему встречный иск, потребую вернуть твою долю золота, которую они забрали, и долю Беренды тоже, — бушевал Даверак, удаляясь в другой угол комнаты. Драгонеты подползли поближе к Эйнар и укрылись под ее крылом.

— Нам не надо золота, дорогой, — сказала Беренда очень спокойно.

— Так оно все пойдет на приданое Эйнар. Ты говорила, что хотела бы пополнить приданое, чтобы она могла найти хорошую пару.

Эйнар ничего об этом не знала и, услышав, легонько ахнула от удивления.

— Очень хорошо, — зло сказал Даверак. — Вот давай и добавим. Двадцать четыре тысячи крон плюс то, что ее братец сберег от взяток, которые он берет в офисе, сделают ее более привлекательной, не правда ли? Раз уж она связала свою судьбу с нами, а не с этими злонамеренными авантюристами, которых я по глупости принимал за членов семьи. Ты же на нашей стороне, не правда ли, Эйнар?

— Да, — прошептала Эйнар, чувствуя, как тельца племянника и племянницы прижимаются к ней, и зная, что другого выбора у нее в этот момент нет.

— Я никогда не видела тебя таким разгневанным, дорогой, — сказала Беренда, заботливо накрыв лапу Даверака своей. — Может, тебе стоит немного успокоиться? Ты выглядишь так, будто сейчас взорвешься.

— Я завтра отправлюсь в Ириет, чтобы повидать моего поверенного, — бушевал Даверак, стряхивая ее руку. — Им это так не сойдет. Какое нахальство! Я обдеру их до последней кроны, я пойду до конца. И я заставлю Пенна явиться в суд и признать, что Бон не говорил ничего подобного на смертном ложе. Он тогда так и заявил. Я их проучу, чтобы не думали, что могут у меня хоть что-то урвать таким образом. Я забочусь о своей семье и готов был позаботиться о твоей, Беренда, вот и Эйнар взял в дом.

— Я знаю, дорогой, я знаю, я никогда бы не подумала, что они могут быть так неблагодарны. Я всегда знала, что ты прав, а они нет, — причитала Беренда.

— Эта дерзкая выходка еще хуже, чем я ожидал, — сказал Даверак, ощериваясь на документ.

Внезапно из его ноздрей повалил дым, а из пасти вырвалась струя пламени, отчего повестка в суд занялась огнем. Он уронил ее от неожиданности и сам осел на секунду, вытянув когти перед собой.

— У тебя появился огонь, дорогой, — сказала Беренда, прихлопнув горящую повестку хвостом. — Позволь мне убрать это, чтобы не пахло горелым.

— Огонь, — сказал Даверак, весьма довольный собой. — Я понятия не имел, что он уже так близко. — Он попробовал выдохнуть еще один клуб пламени.

— Может быть, тебе лучше попрактиковаться снаружи, пока ты еще не научился им управлять, — предложила Беренда практично.

— Я это сделаю завтра, — сказал Даверак. — Надо же — огонь. А мне еще и трех сотен нет.

— Сообщают, что обед наконец готов, — сказала Беренда.

Даверак нахмурился на жену.

— Говорят, что ранний огонь — это признак величия, — отважилась вставить Эйнар, опустив общеизвестное следствие, что ранний огонь означает раннюю смерть. Огонь определенно создавал дополнительные тяготы для организма дракона. Ее отец использовал его редко и рассу-

дительно.

Даверак улыбнулся ей, показывая зубы, почерневшие от копоти.

— Спасибо на добром слове, — сказал он, пытаясь вернуть свой обычный вальяжный тон, но слишком перевозбужденный для этого.

— А теперь давайте уже обедать, пока кто-нибудь не умер от голода среди всей этой шумихи.

31. Второй званый обед

Поскольку обедали в семейном кругу, подали только шесть баранов, с которых перед подачей на стол умелые в этом ремесле фермеры ободрали шкуру и шерсть. Овечья шерсть и целые овчины очень ценились в шляпном деле. Овечье руно отправляли в город, где оно преображалось в виде хитроумных головных уборов. Даверак немедленно схватил самую большую тушу и начал разламывать и раздирать ее. Беренда взяла другую. Эйнар с драгонетами, которые все еще жались к ней, приступили к третьей. Вскоре драгонеты выползли из-под крыла и начали есть, но пригибались всякий раз, когда пламя Даверака снова вырывалось наружу, опаляя баранью ногу, что он держал в когтях, отчего комната наполнилась запахом горелого мяса.

— Я тоже думаю, что, может быть, стоит попрактиковаться снаружи, — сказала Эйнар, когда язык пламени подобрался к ее хвосту.

— Чушь, это совершенно безопасно, — сказал Даверак, выбирая второго барана и снова дыша огнем.

— Интересно, почему это запрещают готовить

мясо на огне? — спросила Беренда, чтобы поддержать разговор, проглотив большой кусок жирного бараньего подбрюшья. — Пахнет довольно приятно.

— Опалить огнем и приготовить — не одно и то же, — ответил Даверак. Он выглядел слегка виноватым.

— Ах, и правда, что это я, — сказала Беренда и слегка фыркнула, что могло означать смешок над собственной недалекостью, но могло быть и частью пищеварительного процесса. Она жадно поглощала свое мясо.

— Запрещают только потому, что мерзкие Ярги это делали, — сказал Даверак, повертев в когтях опаленную ногу, будто прикидывая, не станет ли он отщепенцем общества, если съест ее. — Так нам в школе говорили по крайней мере. Очевидно, они пытались заставить нас делать это во время Нашествия, и это было одной из причин, почему мы восстали. Отвратительное жареное мясо застревает в брюхе. Так говорят, сам-то я не пробовал.

— Эта опаленная нога на вкус неприятна? — спросила Беренда.

— Я же уже сказал, что это — не приготовление, — ответил Даверак, хмурясь.

— Но вкус-то какой? — спросила Беренда. — Поскольку готовить мясо запрещено, это, наверное, редкая возможность посмотреть на что-то хотя бы похожее на него. И запах у него приятный, ну или хотя бы интересный. Как оно на вкус?

— Такое же, как всегда, только немного теплее, — сказал Даверак, специально причмокивая, чтобы оценить вкус. — К тому же, если хочешь отведать приготовленного мяса, есть такие места в Ириете, где его подают. Некоторые драконы едят его ради острых ощущений. Мне самому никогда не хотелось, но за несколько лет до того, как я на тебе женился, было модно ходить за этим в квартал Мигантин. Но мне кажется, что больше одного раза туда никто не ходит.

Затем разговор перекинулся на повальные увлечения прошлых сезонов в Ириете. Эйнар, естественно, не могла принимать в нем участия, но ела вместе со всеми и случайными ремарками поддерживала беседу на эту нейтральную тему. Она также проследила, чтобы драгонеты съели свою долю и даже больше. Она сама не чувствовала голода. Когда слуги вернулись, чтобы забрать кости и омыть губками всех участников обеда, чтобы на чешуе не осталось капель крови, все бараны были съедены. Даверак съел три, Беренда

— два, а Эйнар и драгонеты поделили одного оставшегося.

После обеда Даверак объявил, что он хочет прогуляться и узнать, каков сегодня ветер, но все поняли, что он собирается практиковаться в использовании огня. Няня забрала драгонетов. Беренда устроилась полулежа перед камином и пригласила Эйнар присесть рядом с ней. Эйнар предпочла бы укрыться в своей комнате, но сочувствовала Беренде, оставленной мужем в ее деликатном положении. Поэтому она заняла место рядом с сестрой, опустившись на задние лапы.

— Я не понимаю, что такое нашло на Эйвана, что он выставил себя таким идиотом, — сказала Беренда.

— Ты знаешь, он ведь рассчитывал на ту плоть, — сказала Эйнар. — Ему же теперь надо самому прокладывать путь в жизни. Он работает в Департаменте Планирования и Благоустройства, а там очень большая конкуренция. Есть драконы, которые готовы сначала сожрать его, а потом легко пережить последующее расследование, когда его уже не будет и никто не сможет помешать подкупить судей. Ему нужна эта должность, а следовательно, и плоть отца была нужна гораздо

больше, чем Даверaку.

— Да-да, я все понимаю, я и сама откусила только один кусок, ты же знаешь.

— Один *большой* кусок, — сказала Эйнар, поскольку все еще осуждала Беренду за этот кусок.

— Но и ты свою долю взяла, разве нет? Ты подросла на фут или два с тех пор, — Беренда глазами измерила Эйнар. — Не переживай, мы еще найдем тебе мужа, — добавила она уже более доброжелательно.

— Но не ценой жизни Эйвана, — возразила Эйнар.

— Даверак очень зол, — сказала Беренда. — Ты же видела. Обычно я могу добиться, чтобы он делал, что я хочу, но сейчас будет очень трудно смягчить его. Вот что я имела в виду, когда назвала Эйвана идиотом. Если бы он только оставил эту идею, я бы через какое-то время уговорила Даверака пригласить его сюда после того, как закончится эта кладка, как раз ко времени отбраковки, и он мог бы наверстать упущенное. Я уже наполовину уговорила Даверака добавить золота к твоей доле приданого. Ты ему нравишься.

— Довольно странно, что он кричит на меня, чтобы показать свое расположение, — сказала Эйнар.

— Если бы не нравилась, криком дело бы не ограничилось, — заметила Беренда благодушно.

Эйнар уставилась на нее, но та только слегка потрясла головой.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Эйнар.

— Я имею в виду, что ты ему нравишься, и ты должна быть этому рада. А сейчас Эйван изрядно насолил ему, поэтому Даверак будет его преследовать. Он и правда его уничтожит, если сможет, и я не думаю, что мы с тобой можем ему помешать. И я тебя предупреждаю, чтобы ты и не пыталась.

— Эйван был вполне уверен, что может выиграть, — сказала Эйнар.

— Эйван с поверенным его отца против всех, кого может нанять Даверак? Ты сама сказала, что есть продажные судьи, и, если понадобится, будь уверена, Даверак не будет колебаться. Считай, что Эйван уже проиграл, потому что из-за своей глупости не оставил этого. Мне очень жаль, в этом месяце я потеряла отца и сына, а теперь мне предстоит потерять еще и брата.

В первый раз за все время Беренда упомянула Ламерака, и Эйнар, распустив крыло, уютно накрыла им плечи сестры.

— А что будет с Селендрой? — спросила она.

— Я надеюсь, что смогу убедить Даверака, что

Эйван просто запугал ее и заставил присоединиться к иску. Если мне дадут поработать с ним по-моему и в подходящий момент. Я могу с ним справляться, но не когда он постоянно на взводе. Он очень доволен тем, что я уже начала эту кладку. И это, между прочим, не случайно, а вполне обдуманно и мною спланировано.

— Но не опасно ли это для твоего здоровья? — отважилась спросить Эйнар.

— Не опасно, если я буду нормально питаться, — сказала Беренда. — И, конечно, драконьей плотью тоже, для физического и духовного подкрепления.

— Даверак убивает не только слабачков, — сказала Эйнар, понизив голос.

— Мне достаточно своих проблем и надо заботиться о моей семье, я не могу одна думать обо всех фермерах и слугах, Эйнар, право, не стоит просить меня об этом. Это его дело, и не следует в него вмешиваться.

Беренда стряхнула крыло Эйнар и сердито повернулась к сестре.

— Не вмешивайся. Оставь Даверака в покое и позволь мне в меру моих сил попытаться обезопасить тебя, Селендру и драгонетов.

— Я постараюсь, — сказала Эйнар.

32. Письма

Оставшись одна в своей комнате, укрывшись за закрытыми дверями и отослав Ламит спать, Эйнар открыла письмо, полученное ранее. Многое порадовало ее в послании Селендры. Хотя ясно чувствовалось, что сестра сильно по ней скучает, она все же неплохо устроилась в Бенанди.

«Все здесь очень добры, — писала она, — особенно Фелин, она по-настоящему хороша со мной. Не думаю, что Пенн мог бы найти лучшую жену, если бы даже сотню лет искал. Она очень красивая, сейчас гораздо красивее, чем была на свадьбе. Ее чешуя приобрела оттенок красных облаков на закате, очень необычно и очень эффектно. Можно подумать, что она часами полирует ее, но я знаю, что у нее почти никогда нет времени на большее, чем просто обтереть себя после обеда. Она проводит много времени с драгонетами и еще часто ходит с Пенном повидаться с прихожанами, помогая им едой и лекарствами. Я тоже хожу иногда, обвыкаюсь на новом месте».

Селендра продолжила письмо рассказом о полете в горах с Шером: «…если угодно, с Благородным Шером Бенанди, но он нисколько не выставляет

себя таким и не красуется своим положением, а вот его мать, старая Благородна, так и делает. Я знаю, что сейчас ты будешь дразнить меня, потому что я упомянула имя благороднорожденного самца, но можешь не беспокоиться, он уже помолвлен, ну или почти помолвлен, с очень элегантной драконицей, Почтенной Геленер Телсти, которая сейчас тоже здесь. (Она, по-видимому, внучка старых хозяев отца, но Благородна Бенанди думает, что мне не следует упоминать о таких вещах.) Так что, как видишь, у нас тут большая компания».

Селендра изо всех сил старалась сделать письмо насколько возможно веселым, и Эйнар почти поддалась его тону. Она утешилась мыслью, что по крайней мере сестре повезло. Письмо заканчивалось обильными излияниями сестринской любви, а ниже подписи сестра приписала: «Эймер очень хочет, чтобы ты вспоминала ее». Дорогая Эймер. Как же хорошо теперь Эйнар понимала ее желание не ехать в Даверак! Но сказать этого она не могла без того, чтобы не огорчить Селендру. Расстраивать сестру она не хотела, поэтому и не писала ей еще. Что толку рассказывать о том, как она несчастлива, а писать, что счастлива, было бы неправдой.

Она взяла перо и бумагу, чтобы тут же ответить, потом поколебалась, не вполне уверенная в том, что же она хочет написать. Аккуратно надписала адрес: «Почтенной Селендре Агорнин, Приходский Дом Бенанди». Затем она уставилась на белую бумагу и замерла, вращая серебряными глазами, тоскуя по Селендре до боли в крыльях.

«Моя дорогая Селендра, — начала она. — Написав твое имя, я будто стала немного ближе к тебе. Я рада слышать, что ты здорова и по большей части наслаждаешься жизнью. Я уверена, что ты оттеснишь эту самочку Телсти от Благородного Лорда, тем более что я вижу, вы уже по имени друг друга называете. Или это только на бумаге? Я здорова, и обо мне хорошо заботятся. Беренда все прибывает в весе без каких-либо осложнений, пока она справляется и мечтает о новой кладке из трех яиц». После этого она бегло описала проблему с Даверaком и Эйваном, сопроводив это описание небольшим рисунком выражения лица Даверака, когда он обнаружил свой огонь, который, как она была уверена, рассмешит сестру. «Беренда говорит, что она постарается вступиться за тебя, но что Эйвана мы, считай, уже потеряли, потому что Даверак твердо настроен против него, — написала она. — Я никогда не

откажусь от Эйвана, но мне не стоит и надеяться увидеть его, пока длится это разбирательство. Может быть, тебе тоже стоит удалить твое имя из иска на всякий случай, потому что пока оно остается, а я живу здесь, мы не сможем навещать друг друга, а я бы так хотела повидать тебя при первой же возможности».

Все это, вместе с рисунком, почти заполнило лист, осталось место только для пары строчек.

«Дорогая сестра, ты когда-нибудь думала о том, что ситуация с рабством не имеет никаких моральных оправданий, что оно уродует не только рабов, но и хозяев? Для любого дракона посвящать всю свою жизнь причудам другого дракона неправильно», — написала она, и места больше не осталось. Не было места и для признаний в любви и обещаний не расставаться с сестрой в мыслях, какими изобиловало письмо Селендры. Она просто подписалась первой буквой своего имени и сложила письмо. Под печатью она нарисовала крошечного дракона с широко распахнутыми крыльями, готового обнять другого дракона. Затем тщательно запечатала письмо. От вида ее собственной печати, которую она привезла с собой из Агорнина, она немного взгрустнула. Печать была очень изысканной — золотой набор

с пиритами, очень похожа на печать Селендры, только та была украшена аметистами. Обе печати год назад им подарил Бон на день вылупления. Она вздохнула, вернула печать на кучу золота и пошла отнести письмо на уступ, откуда слуги вместе с другими письмами заберут его и отнесут на почту.

Когда она вернулась в свои покои, она поняла, что ей следует самой слетать со своим письмом на станцию, чтобы отправить его с почтой. Она больше не могла доверять это слугам. Раньше ей бы в голову не пришло, что Даверак может читать ее почту, но, с другой стороны, она раньше не думала и о том, что он может остановиться в каких-то дюймах от того, чтобы сожрать ее живьем, а также не думала, что он так обращается со слугами. Теперь, увидев его переполненным яростью и подозрениями, она подумала, что, вполне вероятно, он может перехватить ее переписку с Селендрой. Она не считала, что написала что-то такое, чего писать не следовало, но он определенно не нашел бы ее рисунок приятным. Она прокралась обратно на утес и благоразумно забрала свое письмо.

IX. Пикник

33. Благородна говорит с Шером

Благородна Бенанди с удивлением посмотрела на сына.

— Дорогой мой, Листоверт на дворе. Мы даже один снегопад уже видели. Не время для пикников.

— Самое время, мать, самое время, — ответил он. — Ты права, листья сворачиваются и опадают, лето прошло, но сейчас последняя возможность для пикника перед тем, как мы все обледенеем на зиму.

— Ты же половину зимы проводишь на охоте, — возразила Благородна, но без напора. Она знала, что он исчезнет так же внезапно, как и появился, если она не сделает его пребывание приятным. Если он действительно хочет пикник в Листоверт, ей придется его организовать. Она желала, чтобы Шер не оставался без ее контроля ни на день, не сознавая того, что любит его таким, какой он есть.

— Ты помнишь чудесные пикники, что мы устраивали, когда я приезжал домой из школы? — спросил Шер, продолжая уговаривать ее.

— Помню, — согласилась мать, — только это

было Зеленолетье, а не Свежезимье.

— Как было бы хорошо отправиться на целый день высоко в горы, прежде чем снег ляжет окончательно, не правда ли? Показать горы тем, кто раньше их еще не видел.

— Геленер, вероятно, видела горы, и не раз, — сказала Благородна с легким, но очевидным оттенком горечи в голосе. Не выходило так, как она планировала. Преподобна Телсти вернулась в Ириет, оставив Геленер с ними для того, что они все называли «приятным долгим визитом». Шер был достаточно вежлив и дружелюбен с ней, но не выказывал никаких признаков увлеченности. Геленер, прекрасно это видя, становилась холоднее к ним всем с каждым днем, проведенным в гостях. Хотя Благородна редко приглашала Агорнинов в Резиденцию, с того первого вечера после приезда Геленер Шер проводил довольно много времени в приходском доме.

— Наших гор она как раз не видела, мать, — предположил Шер. — И Пенн говорил мне, что его драгонеты тоже. У нас где-то были приспособления для переноски детей, что-то вроде корзины? Они еще сохранились?

— Да, сохранились, но Шер…

Шер, охваченный энтузиазмом, не заметил ее

возражений.

— Мы все можем отправиться к водопаду Калани, а можем даже немного исследовать пещеру. В детстве, я помню, любил эти места. Мы отправлялись туда, когда отец чувствовал себя лучше, помнишь?

— Шер, так ты меня с толку не собъешь. Я должна задать тебе вопрос.

Он расправил когти и ждал, живое воплощение невинного внимания. Если шестидесятифутовый дракон в бронзовой чешуе вообще может выглядеть как драгонет, то Шер, насколько мог, постарался добиться этого.

— Ты… — она поколебалась. С Шером надо вести себя осторожнее. — Ты не увлечен, случаем, Селендрой Агорнин?

Первым побуждением Шера было увильнуть от ответа. Отговорки уже готовы были слететь с его языка, но он успел их проглотить. Эту битву с матерью все равно придется выдержать, он знал это, просто не ожидал ее прямо сейчас. Он знал, что придется подводить ее к этому медленно, и ему еще только предстояло понять, какого сопротивления следует ожидать, и с какой стороны.

— Думаю, что, может, и так, — ответил он медленно, не отводя глаз, стараясь, чтобы это

прозвучало как можно более искренно. — Я пока еще не уверен. Ей я ничего не говорил, ты знаешь, что я бы захотел сначала поговорить с тобой о той, кого рассматриваю всерьез. Но Селендра мне нравится, да. Она хороша собой и интересный собеседник.

— О боже, — произнесла Благородна и моргнула. — У нее ни гроша за душой, ты же знаешь.

— У нее есть шестнадцать тысяч крон, — сказал Шер. — По нашим меркам это немного, возможно, но это не «совсем без гроша». А «наши мерки» означают также, или должны означать, что мы не ищем богатую наследницу. Бенанди богаты. Я богат. Моей невесте нет нужды быть богатой.

— Нужды нет, но это не помешало бы, — заметила Благородна, думая о счетах, которые Шер накопил в Ириете и других местах за последние годы. — Но Селендра не нашего круга. Она хорошенькая по-своему, но ее отец пробивался к своему званию из низов и достиг только ранга Досточтимого. Может, это не так и важно, ее мать была очень благородных кровей. Но она несдержанна. Пенн никогда не упоминает происхождение своего отца, а Селендра выпалила это на первом же званом обеде. Разве ты хотел бы, чтобы твоя жена так поступала? У нее нет

стати, какая пристала твоей жене. Подумай о твоем положении. Ты занял его очень рано, но все еще должен вести себя соответственно своему рангу. Я говорю тебе то, что и отец твой сказал бы, если бы был жив. Твоя жена станет Благородной Бенанди. Селендра никогда не была в Ириете, никогда не управляла большим поместьем, никогда даже не жила в таком. Ей следует выйти за кого-то из своего круга, и тебе тоже. Неравные по положению браки могут показаться увлекательным приключением, но семейная жизнь состоит из повседневности. Вы должны притереться друг к другу, а такого рода различия могут очернить золото комфорта совместной жизни.

На протяжении этой речи Шер неловко ерзал.

— Я думал о том, что ты говоришь, — сказал он, когда его мать закончила. — Но в этом случае нет такого уж большого различия в положении. Бон умер Досточтимым, что только на две ступени ниже Благородного, и к тому же Фидраки посчитали, что он достаточно хорош для их дочери.

— Она была дочерью в захудалой ветви, — вставила Благородна.

— Есть только два звания, которые имеют значение, — продолжал Шер, игнорируя ее замечание. — Благороднорожденный — и все

остальные. Нет сомнений в том, что Селендра благороднорожденная, я уверен, что это ты оспаривать не будешь.

— Определенно нет, — сказала Благородна. — Но, дорогой мой…

— В таком случае мы одного ранга, — сказал Шер. — Ты бы не стала беспокоиться, если бы я собрался жениться на дочери Высокородного, не правда ли?

— Подожди, пока ты узнаешь ее получше, — посоветовала Благородна.

— Я и собираюсь, и вовсе еще не решил на ней жениться, — солгал Шер. Он не хотел, чтобы его мать снова разгневалась, он хотел медленно ее подготовить. — Этот разговор скорее склоняет меня к этой мысли, чем отвращает от нее, но жениться на ней, только чтобы доказать, что я не подчиняюсь устаревшим классовым устоям, было бы так же глупо, как отказаться от нее, подчинившись им. — Он потряс головой. — Ты спросила, не начинаю ли я увлекаться ею, и мне кажется, что я ответил на твой вопрос. Может быть, и начинаю.

— Да, ты ответил мне, — сказала Благородна и вздохнула. — Ты для этого затеял пикник, чтобы показать ей водопад?

— Отчасти, — признался Шер с обезоруживающей улыбкой. — Но драгонеты тоже никогда там не были, а пещера им точно понравится. Я давно думал об этом и теперь в самом деле хочу воспользоваться этой возможностью, пока вода не замерзла. Мы можем собрать большую компанию, если хочешь, всех хорошеньких драконицц на мили вокруг. Последнее веселье перед наступлением зимы.

— Ну что ж, очень хорошо, — сказала Благородна. — Но я хочу, чтобы ты знал, что я считала бы ее ужасной партией. Оглянись вокруг, прежде чем выбрать Селендру.

— Обещаю, — сказал Шер. — Спасибо за пикник. Это как раз то, что мне нравится. Пригласи столько драконов, сколько захочешь.

— Я определенно приглашу других драконицц. Пожалуйста, обрати на них внимание, не проводи все время с Селендрой.

— Я буду вежливым с каждой из них и очень внимательно всех оценю. Ты будешь первой, кто узнает, если мое сердце будет отдано навсегда, — сказал Шер, снова улыбаясь. — Только постарайся выбирать таких, которые не похожи на сосульки. Не знаю, почему ты выбрала Геленер Телсти, но каждый раз, когда я рядом с ней, меня

холод пробирает.

— О, Шер, ты просто невозможен, — сказала Благородна, засмеявшись и взмахом отсылая его прочь.

34. Водопад

Благородна сдержала обещание собрать большую компанию. Шестнадцать весело хохочущих юных драконов отправились из Резиденции Бенанди в сиянии утреннего солнца. Над высокими пиками висело несколько облаков, и воздух был холодным, тем не менее небо блистало чудесной голубизной. Если бы не холодок, день был бы совсем летний. Шер нес корзинку с Герином и Вонтасом. Старая корзинка, ведущая свой век еще с тех времен, когда не было железных дорог, болталась в его когтях. Фелин беспокоилась, что она недостаточно прочная. Она еще помнила, как ее саму носили в этой корзинке, когда она впервые приехала в Бенанди. Корзинку тщательно испытали. Шер поднялся на задние лапы и болтал корзинкой с драгонетами так, чтобы они оставались на высоте не более метра от земли. Наконец Фелин удовлетворилась и сама тщательно пристегнула их ремнями для полета.

Другие драконы несли корзины с фруктами. Шер обещал, что будет небольшая охота, чтобы чем-нибудь дополнить угощение, — «только самцы, без оружия, только когти». (Пенн, вы-

шедший вместе с Благородной помахать всем на прощание, почувствовал камешек в свой огород и нахмурился.) Общее настроение было превосходное. Шер оказался прав: казалось, каждый действительно хотел почувствовать радостное возбуждение в последний раз, пока не лег снег. Головные уборы у всех были яркими и летними, некоторые девицы даже надели шляпы с длинными лентами и вымпелами. Геленер при выборе своей шляпки сделала некоторую уступку ветру и отказалась по такому случаю от блесток и пляшущих зеркал.

До водопада Калани лету было два часа. Именно по этой причине Селендра отказалась лететь так далеко в обычный день, что и подсказало Шеру саму идею пикника. Вся местность по пути полета состояла из известнякового нагорья, разрезанного и размытого тут и там пересохшими реками. Повсюду из тонкого слоя почвы торчали ребра земли. Кусты рябины, где могли, цеплялись за скалы, выше попадались сосновые рощицы. Между ними землю покрывали вереск и можжевельник, уже увядающие. Селендре пейзаж казался суровым, но прекрасным, она знала, что Эйнар сразу бы захотела нарисовать его.

Когда они добрались до водопада, солнце все

еще светило, хотя облака уже казались ближе, а холодок много резче. Они приблизились к водопаду с юга, подлетая к падающей воде и обрыву скалы, а затем спускаясь к бассейну водопада и лугам вокруг него. Бассейн оказался глубоким. Один край его вспенивался водопадом, другой был настолько гладким, что отражал небо и летящих драконов, делающих круг перед приземлением.

— Ты была права, здесь очень красиво, — сказала Селендра Фелин, когда они приземлились сразу вслед за Шером. — А тебе не кажется, что летать в большой компании не так приятно, как в маленькой?

— Поговорить определенно не удается. Вот сюда мы обычно прилетаем на пикник, — сказала Фелин, хмурясь на Шера, который неподалеку осторожно выгружал драгонетов. — Я и подумать не могла, что мы снова здесь окажемся в этом году.

— Похоже, Шер готов на уши встать ради драгонетов, — сказала Селендра, заметив, куда смотрит ее невестка.

— Когда это ему самому не доставляет хлопот, — сказала Фелин. — Селендра… — она замолчала, увидев, что Герин и Вонтас высвободились из

корзинки и сломя голову несутся к матери и тетушке. Шер шагал за ними, оставив пустую корзинку на траве.

— Мы летали, — прокричал Герин. — Ты видела, мама? Ты видела нас, тетя Сел?

— Мы видели все, что раскинулось внизу, как на картинке, — добавил Вонтас.

Другие драконы приземлялись, шумно трепеща крыльями, и разминались после полета. Геленер огляделась и передернула плечами.

— Тут очень пусто, — сказала она.

— Красота не только в том, что есть, но и в отсутствии чего-либо тоже, — сказал Шер. — Ты еще пещеру не видела. Она за водопадом. Пойдем, посмотришь.

— Пещера? — переспросил Вонтас.

— Природная пещера, а не чей-то дом. Это замечательное место, примитивное и дикое, тянется на целые мили внутри скалы, в глубине пещеры есть потайные бассейны, — сказал Шер. — Она сохранилась с тех пор, когда драконы-самцы выскребали пещеры когтями, а жены поджидали их дома, чтобы полировать золото и самоцветы, что они им приносят.

Геленер высокомерно скосила на него глаза.

— Мне кажется, что Почтенная Телсти захочет

сначала отведать фруктов, — тактично предположила Фелин. — Ты разве не обещал, что добудешь еще и мяса к ним.

Шер улыбнулся.

— Тотчас что-нибудь найду, — сказал он, отрываясь от земли под завистливыми взглядами драгонетов. Вслед за ним и другие самцы поднялись в воздух.

— Что они могут найти, как ты думаешь? — спросила Селендра, глядя вверх. Шер был крупнее всех остальных и лучше всех отполирован. Его чешуя отражала солнце в полете.

— Может быть, дикого кабана или, если повезет, парочку оленей, — ответила Фелин.

— Скорей всего, ничего не найдут, — вставила Геленер. — Я ничего не видела, пока мы летели сюда, даже ниже, там, где есть деревья, для охоты довольно пусто.

— Вы охотитесь? — спросила Селендра.

— Я охочусь с тех пор, как начала летать, с копьем конечно. Думаю, что, когда выйду замуж, попробую охотиться с ружьем, это настоящая охота. Мой отец считает, что охота не для девушек, но я все равно хочу попробовать. — Селендра испытала облегчение, узнав, что у Геленер есть хоть что-то общее с Шером, в конце концов. — Думаю,

что в этом году отправлюсь поохотиться в горное поместье моего дяди. У него собирается компания друзей на сезон охоты. Вы будете здесь охотиться, Фелин, или отправитесь в настоящие горы?

— Я уже слишком стара для этого, — сказала Фелин, начиная распаковывать фрукты.

Глаза Геленер завертелись от удивления. Селендре разговор внезапно прискучил.

— Я прогуляюсь с драгонетами у озера, — решила она.

Фелин махнула, соглашаясь отпустить их.

— Сегодня никакого купания, — предупредила она драгонетов.

— Да мы бы замерзли, — мрачно откликнулся Вонтас.

У кромки воды нашлись следы оленей. Трава была примята, а в грязи на мелководье остались отпечатки копыт. Селендра указала детям на них, и те немедленно захотели пойти по следу и поймать оленей на обед.

— Они могли быть здесь уже давно, — возразила Селендра. — Дядя Шер найдет для вас что-нибудь.

Скалы над ними, покрытые по большей части соснами, перемежались оврагами с уже редкими кустами можжевельника, предоставляя пре-

красное место для охоты, если там вообще были олени. Теперь, когда она видела следы и узнала, что сезон охоты в этом году еще не открывали, Селендра поверила, что они все же смогут кого-нибудь найти.

В этот момент раздались крики ожидающих, и Селендра, посмотрев вверх, увидела, что охотники возвращаются с добычей.

— Вот видишь, — сказал Герин, выгибая шею вверх.

Она вернулась к основной группе. Это были по большей части драконицы: их чешуя сияла в солнечном свете золотом с небольшими вкраплениями розового цвета, присущего невестам. Среди группы особо выделялся темно-розовый цвет Фелин, которая раздавала фрукты. Все это не было так очевидно, когда многоцветье драконицы смешивалось с бронзовым и черным цветами мужей и братьев. Селендра немного подумала об этом. Не предлагает ли Благородна Шеру альтернативы модной, но холодной Геленер? Или он сам уже ищет лазейку для побега?

Шер приземлился с оленем, зажатым в когтях.

— Он тоже нес нас в когтях, как вот это, — сказал Вонтас, тыкая в бок Герина.

— Мы летали, — проинформировал Геленер

Герин.

— Я знаю, я тоже летала, — ответила она. — Скоро у вас будут свои крылья, и вы полетите, куда захотите.

— Я хочу посмотреть пещеру, — сказал Вонтас.

— После обеда, — заверила его Селендра.

Охотники добыли двух оленей и большого кабана. Для компании из шестнадцати драконов, пролетевших такое расстояние, — перекус на один зуб, но все согласились, что еда на свежем воздухе гораздо вкуснее и как изобретательно Шер придумал устроить пикник в конце Листоверта. Некоторые подумали, а Геленер так прямо и сказала, что туш должно быть четыре, чтобы каждому досталась четверть. Они все же обошлись тем, что было, и решили, что легкое чувство голода — хорошая приправа.

Пока они ели, налетели облака.

— Я боюсь, что сейчас пойдет снег, — сказала Фелин с сожалением.

Те, кому еще предстоял неблизкий путь домой из Бенанди, и те, кто могли быстрее попасть домой, вообще не возвращаясь туда, решили лететь сразу после окончания трапезы. Желающих немедленно вернуться становилось все больше, пока на пикнике не остались только обитатели

Бенанди — Шер, Фелин, Геленер, Селендра и драгонеты.

— Я думаю, что нам тоже надо отправляться, — сказала Фелин. — Эти облака становятся все плотнее. Драгонеты могут замерзнуть в корзинке, если мы задержимся еще дольше.

— Ты права, — с сожалением ответил Шер. — Какая жалость, что у нас нет времени взглянуть на пещеру. Сделаем это в другой раз. Мы приведем вас сюда, когда наступит Зеленолетье, Селендра, и ты все увидишь.

— Мне очень жаль, что мы это не увидим, — сказала Геленер, но тон ее голоса утверждал прямо противоположное. — Что ж, если мы собрались возвращаться, не пора ли нам в путь?

В этот момент они обнаружили, что Вонтаса нигде нет.

— Он, должно быть, пошел посмотреть пещеру, — сказал Герин, вытаращив глаза.

— Ты видел, как он уходил? — спросила Фелин.

— Нет, — соврал Герин, стараясь сделать честные глаза.

— Когда он ушел? — спросил Шер. Но Герин не поддался на уловку — сказал, что думал, что Вонтас все время был где-то здесь, вместе с остальными.

Стало ясно, что не остается ничего другого, кроме как отправляться в пещеру и искать его. Фелин извинилась перед Геленер за плохое поведение драгонетов.

— Я должна была проследить за ними, — сказала Селендра.

— Я ужасно замерзла, но, конечно, мы должны его найти, — сказала Геленер, выказывая все приметы ужасных неудобств, которые она терпит ради детей. Селендре она никогда не нравилась, но теперь она начала презирать Геленер.

Они добрались до входа в пещеру. Как Фелин и Шер уже знали, пещера начиналась большим помещением с несколькими расходящимися из него туннелями. Свет пробивался через водопад, все казалось первозданным, но не слишком привлекательным, с учетом обстоятельств. Никаких следов Вонтаса они не нашли, и, сколько ни кричали, он не вышел.

— Какое ужасное несчастье — вот так вот лишиться драгонета, — сказала Геленер, готовясь покинуть пещеру.

Герин завыл и вцепился в ногу Фелин. Фелин опустила голову, уткнулась в него мордой и медленно оседала, пока не распласталась на полу пещеры.

— Мы поищем Вонтаса как следует, — нетерпеливо объявил Шер. — Можешь отправляться домой, Геленер, если хочешь.

— Я не знаю дороги, — пожаловалась Геленер. — Тебе придется лететь со мной.

— Я должен остаться, потому что мне нужно будет нести драгонетов, когда мы найдем его, — сказал Шер с похвальным терпением.

— Тогда, может быть, Почтенная Агорнин покажет мне дорогу?

Шер посмотрел на Селендру, которая пыталась утешать Фелин.

— Ты помнишь дорогу? — спросил он.

— Думаю, что да, — не без колебаний ответила Селендра, сидящая у простертой на полу пещеры невестки.

— Я не полечу с кем-то, кто не знает наверняка, — сказала Геленер, повышая голос и опасно вращая глазами. — Тебе придется проводить меня и вернуться, Благородный Бенанди.

— Ты разве не понимаешь, что это слишком далеко? — отрезал Шер. — Тебе придется подождать.

Он отвернулся и снова позвал Вонтаса.

— Тогда, может быть, Преподобна Агорнин? — спросила Геленер.

— Я думаю, что это хорошая мысль, — сказала Селендра, опережая Шера, пока он не сорвался. — Фелин, ты очень огорчена, и тебе лучше отправиться домой. Геленер нужен кто-то, чтобы сопроводить ее. Шер знает пещеры, и мы найдем Вонтаса.

— Но тогда ему придется заботиться и о Герине тоже, — сказала Фелин, приходя в себя и глядя на Селендру. — И там есть такие места, где он уже не пройдет, он слишком большой, а Вонтас вполне мог пролезть. И когда он найдет его, я буду нужна, чтобы помочь пристегнуть корзинку, прежде чем лететь домой.

— Я еще меньше тебя, я останусь и помогу ему. И присмотрю за Герином. Я могу сделать все то, что сможешь делать ты, Фелин, и, хотя дети хотели бы, чтобы именно ты осталась с ними, я не смогу проводить Почтенную Геленер до дома.

— Но ты не должна оставаться с неженатым самцом, — сказала Фелин.

— Я и не буду одна, драгонеты будут с нами, и в любом случае, это же Шер, ты знаешь, что он не станет на меня набрасываться. Не глупи, Фелин, это чрезвычайная ситуация, а Почтенная Телсти настаивает на том, чтобы отправиться домой.

Фелин посмотрела на Геленер глазами, почти

полностью спрятанными за внешними веками, будто они были на ярком солнце, а не в полумраке пещеры. Она медленно поднялась на ноги, потом снова опустила голову к оставшемуся драгонету.

— Герин, ты останешься с тетей Селендрой и будешь делать все, что она и дядя Шер будут тебе говорить, чтобы помочь им найти Вонтаса.

— Да, мама, — ответил вконец перепуганный Герин.

35. Пещера

Как только Геленер и Фелин улетели, Шер повернулся к Герину.

— Так, теперь твоей матери здесь нет, а ты понимаешь, как плохо обстоят дела. Вонтас мог заблудиться так, что мы не сможем его найти. Я сам был ребенком не так давно, и я понимаю, что никто не выдает секретов своего однокладника, но наше дело важнее, чем это правило. Когда Вонтас ушел?

— Когда мать сказала, что мы возвращаемся домой из-за снега, не посмотрев пещеру. Он не мог смириться с этим. Он просто потихонечку улизнул, — сказал Герин с понурой головой, пытаясь не заплакать. — Он хотел найти сокровище Великого Томалина. Я бы тоже пошел, только я сидел прямо перед мамой, и она бы заметила.

— Сокровище Великого Томалина? С чего он взял, что оно здесь? — спросил Шер.

— Ты сказал, что пещера здесь еще с тех дней, — сказал Герин обвиняюще. — И наша няня рассказывала нам истории.

— Мы теряем время, — сказала Селендра, решив взять на себя ответственность и прекратить эту

перебранку, которая пристала бы двум драгонетам. — Если он ушел, когда Фелин объявила, что надо возвращаться, это случилось не так давно.

— В любом случае — незадолго до того, как мы его хватились, — сказал Шер. — Хорошо. Есть ли какие-то идеи, куда он мог пойти первым делом?

— Вниз? — неуверенно спросил Герин.

— Ну что ж, давай попробуем, — сказал Шер. — Он еще не должен был уйти за пределы слышимости, даже если бегом бежал. Попробуй ты его позвать, Герин.

Герин позвал, и Селендра позвала, но результат был тот же, что и у Фелин с Шером.

— Не беспокойся, — сказал Шер, который сам выглядел очень обеспокоенным. — Я знаю тут все дорожки, ну или знал, когда был поменьше. Мы найдем его.

Шер повернулся и нырнул в первый проход, ведущий вниз. Хотя он и был таким большим, он мог продвигаться в пещерах и проходах так же быстро, как мог бы любой другой. Селендра и Герин должны были поспешать, чтобы держаться за ним.

Сначала поиски были бесплодными. Они видели несколько пещер с бассейнами и известковыми сталактитами и сталагмитами, торчащими

как зубы сверху и снизу, чем они могли бы восхититься в любое другое время. Никаких следов Вонтаса они не обнаружили.

— Почему никто здесь не живет? — спросила Селендра, когда они вернулись ко входу, чтобы попробовать второй проход вниз.

— Слишком сыро и слишком далеко отовсюду, — сказал Шер. — Это земля Бенанди. Какие-то мои предки жили здесь однажды, откуда и взялись эти слухи, что дошли до драгонетов. Но это было очень давно, — да, Герин, может быть, во времена Досточтимого Кетара и Великого Томалина, еще до Нашествия. Хотя я уверен, что они не бежали от вторжения Яргов. Они, вероятно, покинули это место из-за сырости и сквозняков. Я прекрасно понимаю, почему они предпочли удобство Резиденции Бенанди, даже если это место так ужасно романтично.

Проход вел через три соединенные пещеры, прослойка мрамора на своде одной из них напоминала веко дракона.

— Мы с Фелин воображали, что он откроется и посмотрит на нас, — сказал Шер.

Герин посмотрел вверх в ужасе то ли от мысли о глазе, скрытом под веком на потолке, то ли от мысли о том, что его мать тоже была ребенком.

Селендра не стала его спрашивать.

В следующей комнате с огромными известняковыми зубами она внезапно остановилась.

— Что это? — спросила она.

Шер с Герином тоже остановились и прислушались. Там был широкий проход, ведущий в другую пещеру, и узкий проход — совсем узкий, больше похожий на расщелину в камне, чем на обычный проход, откуда потянуло сквозняком.

— Вероятно, это был ветер, — сказал Шер, и тут все отчетливо услышали плач драгонета.

— Наверное, Вонтас покалечился, — сказал Герин.

— Я боялся этого, — сказал Шер. — Я не уверен, что смогу туда пролезть. Я там не был много лет.

— Вонтас? — позвала Селендра. В ответ донесся отдаленный крик.

Шер подошел к расщелине и попытался протиснуться в нее.

— Я думаю, что смогу пролезть, если у тебя не получится, — сказала Селендра.

— Я длинный, но никогда не был широкоплечим, и, мне кажется, я еще не набрал вес, — сказал Шер, плотно складывая крылья за спиной и двигаясь скорее как змея, а не дракон. Селендра тоже сложила крылья и последовала за ним в

расщелину. Герин замыкал процессию. Только он один из всех мог перемещаться здесь свободно. Селендра ощущала неприятную близость стен, и, хотя Шер не останавливался, она слышала, как он скребет по ним пластинами чешуи.

У каждого провала Шер останавливался и звал Вонтаса. Он и Селендра могли перешагивать через провалы, Герину приходилось прыгать. У четвертой, самой широкой ямы они услышали голос Вонтаса, доносящийся снизу.

— Я на уступе, — прокричал он.

— Я никогда не был там, внизу, — сказал Шер, заглядывая через край. — Он слишком глубоко, чтобы дотянуться отсюда. А чтобы полететь, недостаточно пространства. Может быть, мне стоит вернуться и принести корзинку. Я бы мог спуститься, но боюсь, что столкну камни вниз, и одним из них его собьет с уступа.

— Если там достаточно места для тебя, вероятно, достаточно и для меня, но без риска столкнуть что-нибудь вниз, — сказала Селендра.

— Но… Хорошо, попробуй, если думаешь, что сможешь, — сказал Шер.

Он перескочил через яму и уселся на другом ее краю, глядя вниз. Селендра заняла его место. Провал имел около тридцати футов в ширину в

верхней части, а книзу, похоже, сужался. Дна она не видела, поэтому провал казался неприятно бездонным. Для Шера не было других вариантов, кроме как сползти вниз по стенке, но Селендра была достаточно невелика, чтобы попробовать спуститься на крыльях.

— Вонтас, держись покрепче, я иду, — сказала она.

Если бы там внизу было открытое пространство, ей хватило бы места, чтобы нырнуть, потом затормозить крыльями и приземлиться. А в этой ситуации она решила спускаться ногами вперед, как бы стоя, чтобы приземлиться на то, что там окажется. Это не был полет, скорее контролируемое падение с использованием крыльев для баланса и замедления. Селендра старалась не думать о том, как она собирается вернуться обратно. Провал сужался по мере ее спуска, пока не осталось всего двадцать метров в ширину. Селендра прижала лапы и втянула когти, стараясь не скрести по стенкам ямы. Совсем скоро она увидела Вонтаса, цепляющегося за уступ. Глаза его были закрыты, и он использовал три когтя, чтобы держаться, четвертый — на передней лапе — был, очевидно, сломан.

Уступ оказался очень узким. Она не могла его

использовать. Пришлось упереться лапами и задними когтями в стенки провала и зависнуть как раз над Вонтасом.

— Я здесь, — сказала она.

— Я повредил коготь, — откликнулся Вонтас, глотая слезы.

— Заживет, — сказала она, как когда-то Эймер сказала Эйвану много лет назад, когда он сломал ногу.

— О, тетушка Сел, тетушка Сел, — закричал Вонтас. — Вы смотрели вниз?

Она не смотрела с тех пор, как начала спуск. Слишком много внимания пришлось уделять стенкам.

— Я должна как-то до тебя добраться, а потом вернуться наверх, — сказала она.

— Посмотрите вниз, — взмолился Вонтас. — Мы должны спуститься вниз.

Она отважилась на беглый взгляд. Не так далеко внизу провал расширялся и переходил в огромную пещеру, а дно пещеры сверкало, будто усыпанное золотом. Селендра ахнула.

— Вы видите это сокровище? Мы должны спуститься, — настаивал Вонтас.

— Может быть, но сначала надо подняться вверх, — сказала Селендра.

— Вполне вероятно, что это какие-нибудь горные кристаллы или что-то в этом роде, — сказала Селендра. — Здесь недостаточно света, чтобы разглядеть хорошенько.

— Тут вообще нет никакого света, — сказал Вонтас, это самая темная пещера, что я видел. Но это точно сокровище, я в этом уверен. Поэтому я хочу спуститься вниз.

— Ну вот что, ты должен подняться наверх, если сможешь, — сказала она, чувствуя едва ли не облегчение оттого, что вряд ли у нее будут собственные драгонеты, чтобы вот так вот терзать ее сердце. — Давай, отцепляйся от стены.

Она дотянулась до Вонтаса одной лапой и крепко прижала его к шее. Она попробовала подниматься, но ничего не получилось, и она опять встала в распорку. Попробовала еще раз, но для того, чтобы расправить крылья и начать подниматься, просто не хватало места.

— Шер, — позвала она. — Мы попытаемся спуститься вниз. Вонтас со мной, он в безопасности, но подняться этим путем мы не сможем.

— Я не знаю, что там внизу, — сказал Шер. Слышать его голос было большой подмогой для Селендры.

— Мне кажется, я вижу дно, и там есть достаточ-

но пространства, чтобы приземлиться, — сказала она. Она начала медленно опускаться. Стены стали отступать, образуя воронку, и она добралась до дна, на удивление комфортно приземлившись. Без всяких сомнений, опустилась она на золото.

— Сокровище! — прокричал Вонтас.

— Сокровище? — удивленно переспросил Шер, а Герин пискнул сверху.

— Золото, ограненные аметисты и алмазы, — сказала Селендра в изумлении, вертя их в лапах. — Какая-то старая кладовая, как мне кажется. Это все, должно быть, принадлежит тебе по наследству, Шер.

— Это сокровище Великого Томалина, и оно мое, я его нашел! — закричал Вонтас.

— Тебе, конечно, полагается его доля, — откликнулся Шер. — Хотя там внизу никому из нас от него проку нет. Селендра, ты сможешь снова подняться?

Селендра задрала голову. Если бы она взлетела прямо вверх, может, она бы и справилась, даже с Вонтасом в лапах. Но не было никакой возможности оторваться от дна и подниматься в этой воронке, она слишком рано начинала сужаться, к тому же воздух на этой глубине был уже влажным и не держал ее. Она оглянулась.

— Нет, не смогу, но здесь есть широкий проход на запад, мы можем попробовать выбраться через него.

— Он может вести куда угодно, — сказал Шер. — Запад в стороне от всего. Это не годится. Я не могу позволить тебе отправиться в самую середину горы и пропасть там.

— Где-нибудь же я выйду, а потом надо будет просто идти вверх, чтобы найти дорогу назад, — сказала Селендра с бóльшим мужеством, чем на самом деле чувствовала. Она была более привычна к граниту, а не к этому ненадежному известняку, и куда потом двигаться, она тоже плохо представляла, даже если выберется на поверхность горы.

— Я спускаюсь, — сказал Шер.

— Какая от этого польза? — спросила Селендра. — Мы потеряемся все — четверо, вместо двух. — Она хотела сказать «погибнем», но не сказала этого ради драгонетов. Благородная бы рассвирепела, если бы Шер из-за меня погиб, подумала она.

— Когда я там окажусь, я узнаю то место, куда выходит эта воронка, когда мы доберемся до тех мест, где я уже бывал, — сказал Шер, и голос его звучал довольно уверенно. — А ты не узнаешь.

Кроме того, я хочу увидеть сокровище Величайшего, которое вы нашли, у вас не получится все заграбастать себе. Отойдите в проход, в сторону от падающих камней. Мы с Герином спускаемся.

36. Сокровище

Изнутри прохода на слух казалось, что вслед за Шером обрушилась половина горы.

— Ты не ранен? — спросила она осторожно, когда камнепад закончился.

— Чешую ободрал немного, — ответил Шер небрежно. — Но не случайно же природа снабдила нас броней. К тому же приземление на золото никак нельзя назвать неудачным.

Селендра рассмеялась и высунула голову в пещеру. Шер осторожно опустил Герина, и драгонет поскакал к Селендре, которая держала раненого Вонтаса.

— Это золото выглядит как работа Яргов, — сказал Шер, изучая цепочку, украшенную каменьями.

— Значит, не времен до Нашествия? — спросила Селендра, немного разочарованная.

— О, вполне может быть. Даже вероятнее всего, на самом деле. Помнишь рыцарей и принцесс из историй? Помнишь города Яргов, которые драконы вечно грабили, прежде чем Яргам это надоело и они решили наступать? Я думаю, это может быть добыча от такого грабежа. Это слишком

тонкая работа для дракузнеца, не говоря уже о том, что вещица слишком маленькая.

Безделушка едва налезла на коготь Шера.

— Она очень ценная? — спросил Герин, подцепляя когтем золотую шкатулку.

— Я бы сказал, что только как золото она стоит несколько тысяч крон, — ответил Шер. — А как романтический антиквариат она будет стоить гораздо больше. Я вот что вам скажу, вы двое уже можете считать себя богатыми, если только придумаете, как вытащить это золото отсюда.

— А это значит, что сначала мы сами должны отсюда выбраться, — сказала Селендра. — Умереть от голода и оставить наши кости лежать рядом с этим сокровищем было бы очень романтично…

— Я и понятия не имел, что ты читала столько старых историй, — прервал ее Шер, улыбаясь.

— У меня к ним слабость, — призналась Селендра.

— Тетя Сел нам их рассказывает, — сказал довольный Вонтас.

— Ну, тогда давайте сделаем то, что драконы всегда делают в таких обстоятельствах, — возьмем себе каждый по одному предмету. Вонтас, ты ходить можешь?

— Думаю, да, — ответил Вонтас.

— Ты повредил переднюю ногу. Если бы ты был драконицей, то вряд ли вообще использовал бы ее для ходьбы, — ободряюще сказала Селендра, опуская его с рук. Он похромал в пещеру с сокровищем.

— Ты же свои используешь, — сказал он укоризненно, оборачиваясь.

— Только под землей и только по Перводням, — сказала Селендра, показывая ему тонкие мозолистые наросты на костяшках своих лап. Он осторожно прикоснулся к ним когтем. — А некоторые изящные дамы даже тогда не касаются ими земли. Я уверена, что, если ты посмотришь на лапы Благородной, ты совсем не найдешь на них мозолей, так же, как у Почтенной Телсти. Ты вполне можешь походить пока на задних лапах, а когда вернемся домой, Эймер полечит переднюю.

— У моей матери есть мозоли, как у всякого дракона, который живет по заветам Вельда, — сказал Шер. — А Геленер Телсти — одна из тех изящных дам, кто гордится мягкостью своих лап и другими бесполезными достижениями.

Селендра удивленно посмотрела на него.

— Я думала, что она твоя нареченная невеста?

— Даже моя мать отказалась от мысли заставить меня жениться на сосульке, — сказал он. — Она уедет отсюда такой же невинно-золотой, как и приехала. Она совсем не того типа драконица, которые меня привлекают.

— Она красивая, — сказал Герин, отрываясь от сокровища.

— Не такая красивая, как твоя тетя Селендра, — ответил Шер.

Селендра почувствовала, что глаза ее завертелись от конфуза, и она не нашлась, что сказать. Он не был помолвлен с Геленер. И он всем говорит комплименты, она это знает.

— Я попробую ходить, и я хочу взять сокровища, — сказал Вонтас.

— Но только одну маленькую вещь, — сказал Шер. — Как насчет вот этой цепочки? — Он отставил коготь с цепочкой, которую поднял первой, и повертел ее. Хотя свет не проникал сюда, драгоценные камни светились красным, пурпурным, лиловым и оттенком, который напоминал цвет воды на закате.

— Ерунда, — сказал Вонтас, едва взглянув, и начал копаться в сокровище. — Я хочу настоящую корону или меч.

Герин подобрал кубок и вертел его в когтях.

— Подумать только, Великий Томалин мог пить из этого кубка, — сказал он с ужасом в голосе.

— Селендра? — спросил Шер, делая шаг по направлению к ней и предлагая цепочку.

По-прежнему безмолвная, она приняла ее и пропустила через пальцы. Во всех камнях были просверлены крохотные дырочки, и золото, пропущенное через них, делало петли, которые соединялись со следующим звеном цепочки. Цепочка была завязана узлом, и Селендра распустила его. Это действие вернуло ей состояние покоя, теперь она понимала, что глупо было приходить в такую ажитацию, потому что Шер был ей почти как брат и его комплименты были лишь поддразниванием.

— Ты прав, это, должно быть, работа Яргов, — сказала она, возвращая цепочку. — Это самая прекрасная вещь, что я видела.

— Тогда возьми ее, — сказал Шер, улыбаясь. — Прекрасные девушки должны носить прекрасные вещи.

Она подняла взгляд, их глаза встретились. Казалось, что ее сердце бьется быстрее обычного и ей не хватает дыхания. Она даже задумалась — не собирается ли она зардеться, хотя Шер не касался ее и вообще не сделал ей ничего, кроме как от-

весил один из своих обычных комплиментов. У него просто такая манера общаться. Ей бы пора уже привыкнуть к ней, строго сказала она себе.

— Что же я буду делать с этой цепочкой? — спросила она. — Это же не шляпка и не горжетка, я не смогу ее надеть.

— Это же мода, а не закон, — сказал Шер. — Она хорошо смотрится на твоей чешуе. Селендра… — он сделал еще один шаг к ней.

— К тому же она — твоя, все это золото — твое, оно на твоей земле и принадлежит тебе по праву, — сказала Селендра, отступая на шаг и почти прижимаясь спиной к стене.

— Если оно мое, то я могу раздавать его, как захочу, — сказал Шер.

— Нет, оно мое, я его нашел! — запротестовал Вонтас.

— Мы поделим его поровну, — сказал Шер. — Ты нашел что взять с собой? Одну вещь, которую легко нести.

— Я нашел корону Великого Томалина, — сказал Вонтас, нахлобучивая золотой кружок на голову.

— Тебе идет, фруктоед, — заметил Герин.

— Ну, как? — спросил Вонтас.

— А так, что Великий Томалин был взрослым

драконом, и корона, которая впору тебе, была бы для него маловата, — сказал Герин.

— Тогда, может, она принадлежала его драгонету. Как называют драгонетов Великого, тетя Сел?

— Почтенными, — сказала Селендра уверенно, отчего Шер сдавленно фыркнул.

— Ну, нет, — настаивал Вонтас. Драгонеты Благородных — Досточтимые, так ведь? Так что у Великих дети должны быть кем-то повыше, чем Почтенные. Мы же Почтенные.

— Наследник Благородного — Сиятельный, а наследник Сиятельного — Досточтимый, — сказал Шер, который был Сиятельным до смерти его отца. — Наследник Великого был бы Высочеством, а все остальные — Высокородными.

— Высокородный Вонтас, — сказал Вонтас задумчиво. — У нас еще остались Высокородные.

— Мы не собираемся остаться в пещере до весны? — надменно спросил Герин, держа одним когтем золотую шкатулку.

— Оберни цепочку вокруг лапы, — посоветовал Шер Селендре, подбирая толстый жезл, густо усыпанный бриллиантами. — Не знаю, для чего это, но я возьму его. Потом договорим.

Селендра аккуратно пристегнула цепочку. Она не сможет носить ее так, хотя выглядит роскош-

но. Может быть, удастся приладить ее к вечерней шляпке, как Геленер делала это с блестками. А может, она будет просто спать на ней, как на своем золоте. Она старалась не думать, о чем Шер хочет с ней говорить. Сначала надо выбраться из пещеры, а потом уж она будет беспокоиться о том, не поняла ли она ситуацию неправильно.

Шер повел их по проходу, предупреждая о ямах. С хромающим Вонтасом и Герином, нагруженным тяжелой шкатулкой, Селендре в этом новом просторном проходе проще всего было перебираться через ямы, просто беря драгонетов под мышки и перелетая с ними на несколько шагов вперед.

— Узнаёшь уже что-нибудь? — спросила Селендра, когда дети немного отстали, а Шер уверенно выбрал нижнюю ветку на развилке.

— Вообще ничего, но узна́ю, когда вернусь сюда, — ответил он. — Хотя я и не сомневаюсь, что мы выберемся. Я следую движению воздуха.

Довольно долго не происходило ничего неожиданного. Их путь пролегал по лабиринту проходов с отдельными пещерами, в которых могли поместиться два-три дракона. В одной из них обнаружились неглубокие канавки в полу, будто когда-то ее использовали под столовую с прими-

тивными стоками для крови. В другой пещере они увидели на одной из стен старые следы от факелов. Сокровище им больше нигде не попадалось. Спустя какое-то время, трудно сказать, когда именно, они вошли в еще одну пещеру с сокровищем. Только здесь известняковые зубы уже проросли сквозь драгоценности, сжимая их в нерушимом объятьи.

— Скала забирает сокровище обратно, — прошептала Селендра, прикасаясь к своей цепочке. Они на цыпочках, молча, проследовали через пещеру, которой все были подавлены.

— Как долго они растут? — спросил Герин несколько проходов спустя, но все поняли, о чем он спрашивает.

— Годы, — сказал Шер. — Десятилетия. Столетия. Ты же сам говорил про Великого Томалина. А ты подумал о том, как давно это было?

— Тысячи лет тому назад, — сказал Вонтас. — Тысячи и тысячи. Тетя Сел, волшебство на самом деле существует?

— Конечно, существует, — ответила Селендра, удивленная вопросом. — Что, если не волшебство, позволяет нам, таким большим, летать? Что, если не волшебство, дает нам расти, когда мы поедаем других драконов, но не дает расти от

мяса быков и оленей?

— Ну, не такое волшебство, — простонал Вонтас. — Другое, как в историях. Заклинания, и чародеи, и горы, поглощающие золото драконов, и скалы, которые оживают и пускаются в пляс?

— Ничего из этого я не видела, — сказала Селендра. — Но Церковь учит нас, что Камран изгнал чародеев, значит, когда-то они были.

— А они были драконами или яргами? — спросил Герин.

— Какой-то нелепый разговор для тех, кто заблудился в горе, — пожаловалась Селендра.

— Мы не заблудились, — сказал Шер. — Смотри!

Далеко впереди можно было увидеть, что внизу темнота сереет, верный признак выхода в большой мир.

X. Выбор союзников

37. Третий званый обед

Друзья Эйвана, как и он сам, жили в Ириете круглый год, независимо от сезонов. Вернувшись в город, Эйван зажил в свое удовольствие. Побив Кеста в честном бою, он мог пока не опасаться за свое положение в Департаменте Планирования. Его работа — дело по перестройке Скамбла, — которую поручил ему Лирален по его возвращении, требовала тщательного изучения документов, прежде чем он мог бы принять какое-либо решение или начать как-то действовать. Поскольку Лирален это знал, Эйван был освобожден от большей части обычной текучки в офисе. Часто он давал Кесту особенно нудные задания, с удовлетворением убеждаясь, что Кест принимает его главенство, старательно их выполняя. Что касается его светской жизни, она была настолько интересна и насыщенна, насколько это позволено дракону, едва ли два месяца как потерявшему отца, чтобы не возбуждать упреков общества. Он отклонил несколько приглашений и принял несколько других, при этом отказывался от важных, но скучных приемов, которые посещали по большей части для того, чтобы показать себя, а

принимал приглашения на небольшие, но более занимательные вечеринки. Он не танцевал, ну, разве что с самыми прекрасными драконицами. Одним словом, жизнь его можно было бы назвать счастливой, если бы не два обстоятельства.

Продолжение судебного процесса, начатого так лихо, оказалось медленным и дорогостоящим. Хатор качал головой над каждым новым материалом по делу. Селендра в письме попросила удалить ее имя из иска, потому что она не могла бы перенести разлуку с Эйнар. Пенн написал письмо, полное страсти, которую Эйван не мог постичь, — отказываясь от каких-либо свидетельских показаний.

— Все наши надежды были на то, что вы выступите все вместе, — сказал Хатор, морща морду.

Эйван, естественно, ответил Пенну, что тот не обязан давать никакие показания, если не хочет, но он не может понять, какие такие «религиозные принципы» не позволяют Пенну это сделать.

Другой кручиной, омрачавшей покой Эйвана на золотом ложе, стала этой зимой Себет. Она продолжала делить с Эйваном рабочий стол каждый день и ложе почти каждую ночь. Однако ничто не могло развеять печаль, овладевшую ею с того самого дня, как Кест оскорбил ее. Она работала с

еще большим энтузиазмом, чем всегда, но уже не поддразнивала Эйвана как обычно. На его вопросы отвечала, что она счастлива и все хорошо. Ее не могли развлечь ни капоры по последней моде, ни вылазки на замерзшую реку с подругами, которые, как и она, не могли использовать титул Почтенная перед своим именем. Эйван гадал, не покинул ли ее другой любовник, который был ей дорог, но не спрашивал об этом. Он старался быть обходительным и заботливым по отношению к ней и надеялся, что это ей помогает.

Благородный и Благородна Рималин уехали из города на часть Листоверта и Свежезимья. Эйван получил приглашение навестить их в поместье Рималин. Он был настолько занят, что не мог и подумать об этом, поэтому послал им вежливые и искренние сожаления. Затем он получил от них записку, в которой сообщалось, что они в Ириете и приглашают его отобедать с ними тем же вечером. Он велел Себет ответить немедленным согласием и отправился в их городской дом с легким сердцем. Ему не терпелось узнать, какую возможность для инвестиций обнаружил Благородный Рималин, а общество Кетинар, Благород Рималин, всегда было ему приятно.

Слуги провели его через модную переднюю,

выложенную галькой и полудрагоценными камнями, в парлорную, где Кетинар выступила вперед, чтобы приветствовать его. Она была темно-красной, пережила три кладки, разумно распределенные во времени, и, хотя ее головной убор щеголял искристыми цитринами и гранатами, как и положено даме на переднем крае моды, никто бы не назвал ее красивой. Ее одухотворенный облик не нуждался в красоте. Может быть, глаза ее были посажены на морде слишком близко, но зато они сверкали ярче, чем самоцветы в кружевах на ее лбу.

— Я не видела вас целое столетие, — сказала она Эйвану вместо приветствия.

— Я не был у вас с тех пор, как умер отец, — сказал Эйван и поторопился продолжить прежде, чем она ответила. — И благодарю вас от всей души за ваше соболезнующее письмо, которое стало отрадой в тяжкое время.

— Хорошо, что вы смогли выбраться сегодня. Рималин особенно желал видеть вас. В Ириете в это время компании не найти. Все, кто уехал из города, уныло гоняют оленей голыми когтями, или — голой сталью, если это дамы.

— И что же удержало вас от этого восхитительного времяпровождения? — спросил Эйван.

Кетинар рассмеялась.

— Я правда не нахожу это увлекательным, день-два такой охоты — и ты уже готов вместо этого ежевику собирать. Мы вернулись в город из-за каких-то дел Рималина, которые касаются и вас.

Она определенно хотела, чтобы он спросил об этом, но он сумел удержаться.

— Я, оказывается, первый из гостей, — сказал Эйван, оглядывая пустую комнату, обычно в любой сезон переполненную гостями.

— Вы наш единственный гость сегодня, — сказала Кетинар. — Когда Рималин появится, мы сможем приступить к еде. У нас довольно свежая оленина, привезенная из деревни. Не забудьте восхититься ею, потому что Рималин сам поймал этого оленя.

Вскоре Рималин к ним присоединился, и оленя, как положено, съели и восхитились съеденным. После обеда, вместо обычного обтирания губками, Рималин предложил, чтобы Эйван присоединился к ним в их домашней бане.

— Я и не знал, что у вас есть своя баня, — сказал Эйван. — Я с радостью.

— Она вмещает только троих, поэтому мы обычно не приглашаем туда компанию, — сказала Кетинар.

Она повела их на семейную половину дома. Слуга с зажатой в когтях пикой стоял, загораживая проход, но с улыбкой отступил, когда Кетинар отослала его движением лапы. Нижняя часть пещеры оказалась любовно выложенной мрамором и украшенной статуями и орнаментами из серебра и золота. Вода в большой ванне едва заметно парила, от нее исходил легкий аромат шалфея и кедра.

— Какой прекрасный аромат, — сказал Эйван, прикидывая его стоимость. Себет понравилось бы. Если бы он мог купить ей такой, возможно, вернулась бы пропавшая из глаз искорка.

— Это одна из любимых причуд Кетинар, — одобрительно заметил Рималин. Все трое сняли шляпы и скользнули в воду.

— В таком блаженстве кажется неприличным говорить о бизнесе, — сказал Рималин после минутного наслаждения покоем.

Эйван разглядывал потолок из мрамора, с чешуйчатым орнаментом, выложенным яшмой и аметистами. Роскоши такого уровня можно было только позавидовать.

— Здесь невероятно комфортно, но я готов слушать, — сказал он. На самом деле он буквально сгорал от любопытства.

— Умирает старый Высокородный Телсти, — сказал Рималин. Эйван удивленно поднял голову. Этого он совсем не ожидал.

— О да, он совсем еще не стар для Высокородного, но его огонь пришел рано и выжигает его изнутри. Ожидают, что он не протянет до лета. Выживших детей у него нет. Его наследником должен был стать старший племянник, но я слышал, что они в ссоре. Младший племянник не может стать наследником, он священник. Старший племянник не получит титула, если только это не сказано ясно в завещании. Он молод. Отец его тоже священник. У Высокородных вечно какие-то проблемы с переходом титула. Племянника не растили, как положено растить наследника Высокородного, — старый Телсти не ожидал, что это может понадобиться, у него было полно детей, но они все так или иначе умерли. Есть еще племянница — та, что мы видели в тот день у Хатора. Хорошенькая такая, помнишь? Она может с равным правом претендовать на наследство Телсти, как и ее братья, и стала бы претендовать, если бы вышла замуж за такого перспективного дракона, как ты.

— Да с чего бы ей за меня выходить? — спросил Эйван, все ожидания которого были спутаны

этим неожиданным поворотом в разговоре. — Я не могу позволить себе на ней жениться. И мне придется драться с ее братом.

— Он ничуть не больше тебя, — вставила Кетинар. — И если ты женишься на Геленер Телсти, которую выберет наследницей Высокородный, брат, вероятно, даже не вызовет тебя на поединок.

— Даже если наследство не выгорит, у нее своего приданого семьдесят тысяч, — сказал Рималин.

Убаюканный теплой водой и богатыми ароматами, Эйван уже почти начал обдумывать эту идею. Стать Высокородным — о таком он не мог мечтать даже во сне. Его отец родился в поместье Телсти, и, как он слышал, это были обширные владения, в которых он бы смог быстро вырасти, чтобы защитить свое положение. И тут, как холодная вода на чешую, его отрезвило воспоминание об оскорбительном прозвище Кеста для Себет: «маленькая Высокородница». Действительно сон, что-то недосягаемое, а чтобы достичь этого, он должен будет жениться на незнакомке и отказаться от Себет. Он мог бы отказаться от нее, чтобы спасти кого-то, кто дорог его сердцу, например Эйнар или Селендру, — но не ради этой

бесплотной мечты.

— Я даже незнаком с этой драконицей, — запротестовал он. — Она и думать обо мне не станет.

— Мы могли бы вас познакомить, — сказала Кетинар. — Мы всегда желали для тебя самого лучшего, Эйван. Можно еще поговорить с ее родителями и сказать им, как высоко мы тебя ценим и как ты ей подходишь.

— А в чем подвох? — выпалил Эйван.

— Кто-то же должен на ней жениться и стать Высокородным Телсти. Почему бы не наш друг? — спросил Рималин.

— И что вы захотите взамен? — спросил Эйван.

— Твое политическое влияние, когда ты станешь Высокородным и будешь заседать в Благородном Собрании в Куполе. Это будет нетрудно, поскольку мы во многом сходимся во взглядах. Кроме того, мы распорядимся частью твоих денег. Ты же знаешь, как хорошо я распоряжаюсь моими. Есть сделки, которые требуют большого капитала, но приносят огромную прибыль. Мы можем помочь друг другу. И немедленно, поскольку мы готовы немедленно тебя ей представить, и она вот-вот возвращается в Ириет, а пока есть одно маленькое дело, которое ты бы мог для меня сделать. — Рималин полностью

погрузился в воду, видны были только его глаза и ноздри. — Я так понимаю, что ты сейчас изучаешь права на застройку в Скамбле?

— Изучаю… — сказал Эйван, ожидая продолжения.

— Так вот, мне и моим друзьям было бы очень полезно знать, что ты решишь. Если весь район идет под снос, что кажется весьма вероятным исходом, можно будет нажить состояние как на сносе, так и на застройке. Сейчас это трущобы, но, если будет изменено зонирование и там можно будет построить склады, место может стать золотой жилой. Вот куда я бы посоветовал вложить твое наследство, если хочешь быть достоин богатства, которое принесет тебе Геленер.

Эйван не находил слов. «Это конфиденциально?» — спросил он тогда Лиралена, и старый клерк ответил: «До известной степени». В первую же неделю его работы в Департаменте Планирования четверо драконов пытались его подкупить прямо на улице. Его презрение к ним было несравнимо с презрением, которое он бы испытал к любому дракону, кто принял бы такую взятку. В правительственных офисах работают драконы, которые взяток не берут. Даже Кест, которого Эйван ненавидел, не задумался бы ни на секунду

над тем, не принять ли ему взятку.

Пауза тянулась и тянулась. Он не мог просто встать и уйти, он размяк от горячей воды и погряз в гостеприимстве Рималинов. Еще и этот страж с пикой может его не выпустить. А в чем состоит предложенная взятка? Наобещали они ему много, но все сводилось к тому, что его представят барышне с перспективами, — не более. Кроме этого, Рималин не просил его изменить решение, а просто сообщить ему, каким оно будет. Эйван еще не принял этого решения, но уже сейчас казалось вполне вероятным, что оно согласуется с планами Рималина — снести трущобы и превратить Скамбл в склады, которые будут обслуживать фабрики, реку и железную дорогу. Только заступничество Себет за рабочих драконов, которые сделали Скамбл своим домом, заставляли его колебаться и рассматривать как часть плана строительство там надежного, но доступного жилья. Он мог рассказать Рималину все это, принять их предложение и все возможности, которые оно сулит, и при этом ничего не потерять. Себет никогда не принадлежала только ему, и никогда не будет. Если бы он был богатым Высокородным, он мог бы выделить ей небольшие средства, на которые она могла бы переехать

в другой город и выдать себя за вдову.

Он уже открыл пасть и был готов рассказать Рималину все, что он знает о Скамбле. Но тут он снова вспомнил Лиралена и день, когда он впервые пришел в Департамент Планирования и Благоустройства сразу после того, как принес клятву служения. «Если ты когда-нибудь примешь взятку, не думай, что на этом все закончится. Даже если никто не узнает, что маловероятно, тот, кто дал тебе взятку, будет знать, и захочет большего, и сможет шантажировать тебя, чтобы получить больше, одним только фактом существования взятки. И ты будешь знать о взятке, и будешь просыпаться с этим знанием каждое утро, и жить с пониманием того, как ты ее получил».

— Я не могу вам рассказать, — произнес, наконец, Эйван, не разжимая зубов. — Я принес клятву, что никогда этого не сделаю. Кроме этого, у меня нет никакого желания жениться на незнакомке ради положения.

— Именно это тебе и нужно сделать, — сказала Кетинар. — Ты не можешь себе позволить такого рода принципиальность в твоем нынешнем положении.

— Принципы для священников, у которых есть иммунитет, — прорычал Рималин.

Эйван встал, обтекая. К его облегчению, Кетинар позвала слугу, чтобы обтереть его чешую.

— Я думаю, мне лучше уйти, — сказал он.

Кетинар проводила его до двери. Рималин остался в воде.

— Как жаль, — сказала она на прощание. — Вероятно, где-то есть драконица, которую ты любишь, и, хотя по самцам это не так хорошо заметно, как по нам, иногда и с ними происходят необратимые метаморфозы.

Эйван был признателен за то, что она так легко это восприняла. Тем не менее, возвращаясь домой, он не ожидал ни новых приглашений от Рималинов, ни новой встречи с Кетинар.

38. Даверак советуется с поверенным

Сиятельному Даверaку и раньше случалось возвращаться в Ириет зимой, но никогда ему не приходилось оставаться в столице на несколько дней, которые он предпочел бы провести в деревне. Сейчас же, прохладным утром Свежезимья, когда так хорошо отправиться на охоту, он должен был, свернув хвост в узел, дожидаться в натопленном офисе поверенного, а потом заниматься всякими раздражающими его мелочами. Вся история с иском оказалась более беспокойной и требовала больше времени, чем он представлял. Его поверенный Мустан полагал, что можно будет выиграть дело, но не так легко, как хотел бы Даверак. Похоже, придется отправиться в суд и добиваться его решения. Поверенный тотчас написал всем детям Бона и потребовал их заявлений и свидетельств.

— Похоже, тут не все так ясно, как вы, по-видимому, думали, — сказал Мустан, подбивая очки ближе к глазам, чтобы прочитать собственные заметки. Он был совсем молодым драконом, едва ли больше двадцати футов в длину, но успешно продвигался по службе. Обычно Даверака

обслуживала очень старая фирма Талерина и Фидрака, как до него обслуживали и его отца, и деда. Он познакомился с Мустаном на вечеринке в Ириете, в сезон, за несколько лет до того, и был совершенно покорен его энергией и знанием света. Постепенно, за несколько следующих лет, он начал доверять ему во всех делах своего бизнеса, сначала касательно инвестиций, а потом и почти все остальное, пока Талерину и Фидраку не осталась только самая рутинная работа по управлению имуществом Даверака. Прошло едва тридцать лет, как Даверак начал работать с Мустаном, но он уже полностью тому доверял. Даже теперь он не сомневался ни в компетенции Мустана, ни в его честности. Однако впервые с тех пор, как Мустан дотошно расспросил его об обстоятельствах дела, он не испытывал полной уверенности в способностях поверенного. Он не был уверен, что Мустан все понимает так же, как он сам. Он уже гадал, не лучше ли было все же обратиться с таким деликатным семейным делом, как это, к солидной фирме Талерина и Фидрака. И все же именно Мустану он поручил урегулировать соглашение о своей женитьбе и даже когтем не дрогнул.

— Дело было бы гораздо яснее, если бы священ-

ник у смертного одра не был сыном покойного, — сказал Мустан, отрываясь от бумаг.

— Там был еще один священник, некто Фрелд или Фрелт. Моя жена знает, как его зовут, она его и раньше знала. Он тогда рассудил спор.

Когда Даверак объяснил Мустану все обстоятельства дела, тот вздохнул и подбросил еще угля в печку, хотя для Даверака маленькая комната и так была слишком жаркой и тесной.

— Это поможет показать, что, когда вы так поступили, право было на вашей стороне. Если Фрелд, или как там его зовут, придет в суд, это также поможет. Поговорите с ним об этом, когда будет возможность, может быть, даже пригласите его на обед, если это не будет слишком обременительно. Нам понадобится его расположение.

— Я поговорю с ним, — сказал Даверак, хотя и считал Фрелта простолюдином.

— Но он полезен как свидетель, а не как священник. Священник, который был с Боном, — единственный, кто может помочь показать его намерения, это Пенн, и он будет говорить против вас.

— Он практически признал тогда, что Бон не упоминал это. И теперь он не пойдет на попятную, если сам себе не враг, — сказал Даверак,

выпуская немного пламени из горла.

— Он священник, и он неприкосновенен, — сказал Мустан. Он выглядел слегка шокированным.

— Я не имел в виду ничего неподобающего, — сказал Даверак. — Просто сказал, что он знает, что его продвижение по службе зависит от влияния семьи.

— Я думал, что оно зависит, скорее, от другого… — Мустан заглянул в свои заметки. — От этой семьи Бенанди, с которой он себя связал.

— Они не захотят услышать, как он свидетельствует против собственной семьи, — сказал Даверак, раздраженный этой придиркой.

— Ну, что бы он ни сказал, я позабочусь о том, что у нас будет самый опытный заявитель, чтобы допросить его в суде. Я думал о том, чтобы нанять Досточтимого Джеймани.

Даверак смотрел на него непонимающе.

— Досточтимый Джеймани — один из лучших заявителей в Ириете, — объяснил Мустан. — Он может заставить восьмидесятиметрового Маршала Августа плакать как драгонет, а высокомерных Благородных — каяться в своих грехах. Он берет дорого, но, имея его на нашей стороне, мы получаем больше шансов выиграть.

— Но нам же не надо будет прибегать к такой

тактике, — сказал Даверак с отвращением. — У нас же выигрышное дело. Завещание говорит только о сокровище, но не о теле. Они же действуют совершенно неразумно.

— Все будет зависеть от того, как присяжные посмотрят на это, — сказал Мустан, откидываясь на спинку и складывая когти на животе. — Не судьи, а жюри. Вопрос сводится к определению намерений старого Бона. Как все это видится вам — будет не важно, если они смогут доказать, что Бон видел это так, как теперь видит его сын, понимаете? Бон был Досточтимым, и владел землей, и он был вашим тестем, но при всем при этом он был еще и довольно простой старик. Если можно будет доказать, что он имел в виду «сокровище» в просторечном смысле, включая его тело, решение может быть против вас.

— Это абсурд, — сказал Даверак, уже наполовину готовый вернуть дело старой проверенной фирме.

— Абсурд или нет, именно этого нам надо избежать. Расколоть единство семьи будет очень полезно. Если ваша жена и ее сестра, которая находится на вашем попечении… — он снова взял со стола заметки.

— Эйнар, — сказал Даверак. — Почтенная Эй-

нар Агорнин. Она будет вести себя разумно.

— Да. Хорошо. Если они, а особенно еще одна сестра, та, которая живет в Бенанди, будут говорить в вашу пользу, тогда у Эйвана будет очень мало шансов. Но если все дети вместе единодушно выскажутся о намерениях Бона, тогда я не знаю. Среди простых драконов есть довольно сильное убеждение, что тела их родителей — это единственная драконья плоть, которая гарантированно им достанется, что именно это отличает их от низших классов, которым никогда ничего не достается и они не вырастают больше семи футов за всю жизнь. Если бы процесс проходил в Даверакe, проблемы бы не было, жюри состояло бы из ваших же фермеров. Но иск был подан здесь, в Ириете, так что проблемы определенно будут. Жюри присяжных выбирается из свободных горожан. С учетом состава населения, вам скорее достанется клерк, а получить в жюри хотя бы Почтенного было бы чудом. Большинство из семи присяжных будут простыми рабочими. Они в принципе будут против вас.

Даверак откинулся назад так, что едва не ударился плечом о стену. Он ненавидел тесный офис, где ему приходилось сидеть, свернувшись клубком, он ненавидел то, что закон так

пренебрегает потребностями Сиятельных, он ненавидел Мустана за то, что тот знал больше, чем он сам, и ненавидел Эйвана за то, что этим всем приходится заниматься.

— Тогда привлеките Досточтимого Джеймани, — сказал он. — Делайте то, что считаете правильным. Даю вам полную свободу когтей. Потратьте сколько нужно. Но Эйван должен быть полностью повержен, он должен получить урок — нельзя обращаться с Сиятельным Давераком подобным образом.

Мустан знал, что удары по самолюбию так же болезненны, как любые другие, поэтому он всего лишь сделал еще одну пометку.

— Мне надо будет поговорить с Преподобным Пенном Агорнином, — сказал он. — Я попрошу его повидаться со мной. Я также поговорю с Хатором, поверенным Эйвана, и посмотрим, удастся ли мне разузнать что-нибудь о том, чего он действительно хочет.

— Сделайте это, — сказал Даверак, готовый упасть в обморок от спертого воздуха в комнате.

— Будете ли вы в городе еще несколько дней? Я бы хотел снова встретиться с вами, когда у меня будет больше информации.

— Нет, я должен возвращаться в Даверак, —

сказал Даверак, зная, что больше он в городе не выдержит ни дня. — Моя жена в деликатном положении.

— Тогда я вам напишу, — сказал Мустан, вставая и открывая дверь. — Я дам вам знать, как только будет назначена дата слушаний. Вероятно, будет два заседания, с промежутком в несколько недель.

— И еще я хочу, чтобы вы возбудили иск против Эйвана, — сказал Даверак.

— По какому поводу? — спросил Мустан, снимая очки.

— Домогательство. Доведение моей жены до сильного волнения во время беременности. Сознательное выведение меня из себя.

— Лучше сначала выиграть это дело, а затем предъявлять подобный иск, — сказал Мустан. — Кроме того, если он проиграет, он потеряет все, и нужды во встречном иске не будет. Мы сможем добиться компенсации наших издержек, а они могут быть очень большими. Он, скорее всего, также потеряет место в департаменте — где он там работает? Земельный Департамент? Департамент Планирования? В подобных местах не любят скандалов. В результате он окажется на улице, и не будет смысла преследовать его через суд.

— Хорошо, — сказал Даверак. — Оставим пока это. Но продолжайте заниматься текущим иском и пишите мне о том, как идут дела. Если потребуется, я вернусь в Ириет.

— Вероятно, не потребуется до самого суда, — сказал Мустан, кивая Давераку, пока тот протискивался к двери. Когда его клиент ушел, Мустан сел над бумагами и покачал головой. «Невозможно сказать, как оно пойдет», — пробормотал он сам себе.

Оказавшись на улице, Даверак начал дышать свободнее. Офис Мустана находился в модном квартале Торис, недалеко от места работы Эйвана, о чем он не знал. Даверак направился по променаду к своему клубу. Он собирался сказать им, что уезжает, и сегодня же вечером отправиться домой. Он снова подумал о том, чтобы вернуться к Талерину и Фидраку. Мустан не особо-то сочувствовал ему. Он доверял свой бизнес Мустану именно по той причине, что они всегда соглашались в том, как вести дела. Теперь, когда это было особенно важно, Мустан, казалось, не чувствовал, что Эйван сделал что-то ужасное, потащив его в суд. К тому же он уже отдал дело в когти Мустана, и забрать его из них было бы затруднительно, если Мустан захочет чинить

препятствия. Определенно, на это потребуется время, и определенно ему пришлось бы объяснять всю эту мерзкую историю снова. Нет, он позволит Мустану продолжать. Он сейчас пообедает в клубе в одиночестве, чтобы восстановить силы — никого из друзей в Ириете сейчас нет, — комфортно проведет ночь там же, а затем, когда наступит утро, выберется из города так быстро, как позволят крылья.

39. Второе предложение

В отсутствие Даверака Беренда продолжала развлекаться едва ли не с большим воодушевлением, чем в присутствии своего благоверного. Предупреждения Эйнар о том, что ей следует поберечь силы для кладки, были отвергнуты и даже осмеяны. Это была уже вторая кладка Беренды, и она полагала, что уже знает об этом все. Она снесла два яйца, которые покоились в великолепии отделанной золотом кладочной, обернутые овечьим руном, однако все еще была в деликатном положении в ожидании третьего. С тех пор как они потеряли Ламерака, она перестала хвастаться своей способностью производить кладку из трех яиц, и как-то даже призналась Эйнар, что в этот раз была бы рада остановиться на двух.

Однажды вечером Эйнар заглянула в парлорную перед обедом и обнаружила Беренду глубоко погруженной в разговор с Досточтимым Лондавером. Тут же присутствовали его родители и еще несколько соседей. Многие из тех, кто нравился Беренде, отсутствовали, принимая участие в охотничьих вылазках в отдаленных местах. Как только Эйнар вступила в беседу с пожилой

Благород Лондавер, она не могла не заметить, что Беренда и молодой Лондавер все время поворачивают головы, чтобы посмотреть на нее.

После обеда и обтирания губками Досточтимый Лондавер предложил Эйнар выйти полюбоваться на звезды, раз уж стоит такая чудесная ночь. Старшие участники сборища поулыбались на такое предложение, а еще, как подозревала Эйнар, и на его предсказуемость. Она сама в тот момент не могла бы сказать, что она чувствует. Она однажды была уже взволнована вниманием Лондавера, но продолжения тогда не последовало, а теперь она уже ничего и не ощущала. Тем не менее она последовала за ним наружу на самый верхний уступ и распахнула глаза на зимнее небо, которое и правда оказалось великолепным. Звезды висели на фоне черноты в изобильном многоцветье, будто драгоценности, выкатившиеся из шкатулки. Эйнар выискивала знакомые созвездия. Большой Бык восходил на небе, а на хвосте у него висел Малый Теленок. Зимняя Принцесса протягивала руку в благословении.

— Ну, разве они не прекрасны? — спросил Лондавер.

— О да, — согласилась Эйнар.

— Подумай о наших предках, которые тоже

видели их и находили в них те же очертания. Я думал о них с тех пор, как ты мне сказала это, когда приезжала сюда в прошлый раз. Помнишь? — Лондавер говорил так, будто он не видел ее с того визита к Даверакам, когда они танцевали и смотрели на звезды. Будто бы вежливых, но формальных встреч, что сводили их в последние месяцы, просто не было. Она совсем не испытывала романтических чувств, она рассердилась.

— Так что привело тебя под эти звезды сегодня вечером, Досточтимый? — спросила она со всей холодностью.

— Красота твоих глаз, которые затмевают их, — сказал он неловко.

Эйнар захотела укусить его.

— Тебе не кажется, что это нелепо, учитывая, что ты меня игнорировал все это время? — спросила она.

— Игнорировал тебя? — Он был сбит с толку. — Я не игнорировал. Ты мне всегда нравилась.

— Я бы уважала тебя гораздо больше, если бы ты говорил правду, — сказала Эйнар. — А теперь я думаю, мне пора вернуться в парлорную, воздух нынче прохладный.

— Прохладный только с твоей стороны, — сказал Лондавер. — Честное слово, ты мне всегда

нравилась. Но ты же знаешь, что я бедный дракон, живу на то, что мне выделяют родители, а они совсем не богаты. Я не мог позволить себе жениться без небольшого приданого. После того как скончался твой отец, я держался в стороне, потому что не хотел давать обещаний, которые не смогу сдержать. Я пытался выбросить тебя из головы, но ты оставалась мне дорога. Теперь Беренда говорит мне, что все опять изменилось. Она говорит, что Даверак будет относиться к тебе как к дочери и добудет еще золота, чтобы добавить к тому, что оставил тебе отец, чтобы твое приданое стало достойным тебя. Это необычно щедро со стороны Даверака, но теперь я снова могу мечтать о тебе.

Он был Досточтимым и должен был стать Сиятельным. Селендра его одобрила. Если она выйдет за него, она уедет подальше от Даверака и от здешних ужасных обычаев. И все же сердце ее не билось учащенно, дыхание не перехватывало в горле, и, хотя он подвинулся на шаг ближе к ней на уступе, она не чувствовала прилив розового к чешуе, как бывает это в историях о девственницах.

— Как ты обращаешься со своими слугами? — спросила она вдруг.

Лондавер застыл, где был, и нахмурился.

— С моими слугами? — переспросил он. — Что ты имеешь в виду? Я держу их крылья связанными и даю им знать, когда я хочу обедать, все в таком роде.

— А что происходит, когда они состарятся?

— О, обычно мы развязываем им крылья и позволяем жить на ферме неподалеку, — сказал Лондавер голосом, в котором явственно чувствовалось облегчение оттого, что ему задали вопрос, который он понял. — Матушка обычно следит за этим. Она посылает им мясо и пресервы время от времени.

— Мы делали то же самое в Агорнине, — сказала Эйнар. — Здесь же все слуги напуганы. Это наводит меня на мысль, что весь этот порядок неправильный. Не до́лжно запрещать дракону использовать его крылья.

— Священники, — быстро возразил Лондавер.

— Это их свободный выбор, — сказала Эйнар. Это — другое. Просто кажется, что это неправильно.

— Ты что, вольнодумец? — спросил Лондавер, застигнутый врасплох. — Радикал?

— Я не знаю. А во что они верят? — спросила Эйнар.

— Ну, что слуги должны быть свободны, что религию надо ограничить Перводнями и что можно разрешить Старую Веру. Что перед законом все должны быть равны, и все такое.

— Тогда, может, я и есть радикал, — сказала Эйнар задумчиво, удивляясь сама себе.

— Лучше про это никому не рассказывать, — посоветовал Лондавер.

— Ты все еще готов сделать мне предложение? — спросила Эйнар.

— Да, разумеется, с чего бы мне передумать, — ответил по-настоящему озадаченный Лондавер. — Ты же не собираешься развязать всех слуг в Лондавере или что-нибудь подобное, правда же?

— Ну, не сразу, — сказала Эйнар. Она не была уверена, что это снисходительное отношение к ее убеждениям, будто она — какая-то оригиналка, ей нравилось, но это все же было лучше, чем могло быть. Она содрогнулась при мысли о реакции Даверака или даже ее отца на ее декларации свободомыслия.

— Тогда почему бы тебе не подойти и не обнять меня? — спросил Лондавер неуверенно.

Эйнар поколебалась. Если она это сделает, она зардеется, и тогда она уже будет связана обязательствами.

— Почему бы тебе не проверить сначала, что Сиятельный Даверак думает о моем приданом? — спросила она. — Прежде чем ты окончательно посватаешься.

— Ты такая практичная, Эйнар, — сказал Лондавер. — Такая умная и такая практичная, и еще красива такой нежной красотой. Ты мне действительно нравишься больше всех дракониц, что я знаю. Думаешь, Даверак может попытаться обмануть нас? Мне кажется, действительно лучше будет с ним поговорить, пока ты еще не выглядишь как невеста. Очень хорошо, давай тогда сохраним все это как устное соглашение, пока я не поговорю с Давераком. Но я буду считать, что мы с тобой помолвлены, какого бы цвета ни была твоя чешуя, и я буду всей душой ожидать, когда увижу тебя розовой, а затем все более и более красной.

Он не был драконом из легенды — благородным, отважным и решительным. Но он был разумным и нежестоким, и он мог дать ей дом, где Селендра могла бы жить.

— Я выйду за тебя, как только ты этого захочешь, после того как все устроится с приданым, — сказала она, думая, что надо немедленно написать об этом Селендре.

40. Второе смертное ложе

Эйнар и Лондавер вернулись и обнаружили дом в полном смятении.

— Благород Даверак стала нехороша, — мягко сказала Благород Лондавер Эйнар. — Мы уезжаем, я ждала только вашего возвращения. Тебе надо быть с твоей сестрой, дорогая Эйнар. — Она улыбнулась Эйнар так, будто догадывалась, что произошло под звездами. Эйнар была слишком озабочена, чтобы заметить это.

— Насколько это серьезно? — спросила она более опытную собеседницу. — Следует ли послать за доктором?

— Уже послали, — так же мягко ответила Благород Лондавер. — Мой муж отправился, чтобы привести для нее врача. Я бы на твоем месте немедленно отправилась к сестре, там от тебя будет больше пользы.

Не тратя времени на прощание даже со своим вновь посватавшимся женихом, Эйнар поспешила в спальную пещеру Беренды, но обнаружила ее пустой. Она остановила пробегающую служанку и спросила, где Беренда.

— В кладочной, ‘Чтен, — сказала служанка и

побежала дальше со склоненной головой.

Эйнар отправилась в кладочную с тяжелым сердцем.

Она услышала Беренду раньше, чем увидела. Та ужасно стонала, переводила дыхание и снова стонала. Эйнар ворвалась вовнутрь. Беренда сидела, свернувшись вокруг двух своих успешно отложенных яиц. Она была не столько красная, сколько зеленая, а несколько пластин чешуи уже отпали. На фоне радужных перламутровых яиц роженица выглядела как испорченное мясо. Она взглянула на вошедшую Эйнар, и та увидела, что глаза Беренды бешено вращаются.

— Сиятельный Лондавер отправился за доктором, — сказала она, но ее голос дрогнул в середине фразы.

— Священник бы больше пригодился, — сказала Беренда между стонами. — Яйцо сломалось, я это чувствую. Это убивает меня так же, как убило мою мать. Ты сама была еще яйцом, но я это помню.

— Может быть, доктор сможет помочь, — сказала Эйнар без особой надежды. — Как было бы хорошо, если бы Эймер была здесь. Она бы точно знала что делать.

— Даверак бы ее уже слопал к этому времени за

то, что она старая и страшная, — сказала Беренда, закидывая голову с новым стоном.

Эйнар была не в силах что-либо произнести.

— И время самое неподходящее, — продолжала Беренда, как бы поддерживая разговор. — Я понятия не имею, что будет делать Даверак, но думаю, что ничего хорошего. Я надеялась, что ты хорошенько застолбила молодого Лондавера, но вижу, что нет.

— Не беспокойся, мы поженимся, — сказала Эйнар успокаивающе.

— Тогда почему ты не розовая? — спросила Беренда. — Нет, теперь он ускользнет, потому что, не связанный обязательством, он не женится на тебе, когда Даверак откажется выполнить мои обещания.

— У меня все будет хорошо, — сказала Эйнар. — Не беспокойся обо мне.

Глаза Беренды закатились, и она испустила очередной, очень громкий стон. — Позаботься о моих детях, — сказала она, — обо всех четверых.

— Я сделаю для них все, что смогу, — пообещала Эйнар.

— Они тебя любят, — заверила ее Беренда.

Эйнар уже знала это.

— Я тоже их люблю, — сказала она безжиз-

ненно.

— Думаешь, ты сможешь сдвинуть это яйцо? — спросила Беренда отрывисто, слегка задыхаясь. — Оно точно сломано, вне всяких сомнений. Оно делает мне больно.

— Я могу попытаться, но я не доктор, — сказала Эйнар.

Она обошла сестру и подняла ее хвост, но тут же чуть не выронила его. Она никогда не видела столько крови. И все больше вытекало из-под хвоста сестры. Плоть интимных мест Беренды выглядела растянутой и разорванной. Яйцо Эйнар не видела. Когда она пошевелила рукой, с хвоста отпала пластина чешуи в том месте, где она ее коснулась.

— Тебе обязательно надо здесь быть? — спросила Эйнар. — Если ты начнешь биться, ты можешь разбить эти два яйца.

— Это было бы последней соломинкой, что сломает хребет быку, если говорить о Даверакe, — сказала Беренда и медленно поднялась на ноги. — Я пришла сюда, надеясь, что смогу снести яйцо, это то место, где оно должно быть. Я начала истекать кровью еще в столовой. Это было почти смешно. Наши гости не знали, что делать, помогать мне или съесть меня.

— О, Беренда, — сказала Эйнар, разрываясь между смехом и слезами. — Могу я тебе помочь добраться до спальни?

— Даже не знаю — чем. Разве только сможешь удалить куски скорлупы.

— Я их не вижу, — призналась Эйнар.

— Это плохо, — сказала Беренда и снова застонала, как только поползла по коридору по направлению к своей спальне. Чешуя опадала с нее на ходу.

На пути им встретилась служанка Эйнар, Ламит.

— Доктора все еще нет, ‘Чтен, — сказала она Эйнар. — Не надо ли послать за священником?

— Да, — сказала Беренда. — Пошли кого-нибудь, кто может летать. Он мне понадобится очень скоро.

От дверей кладочной за ней по коридору тянулся жирный след крови.

— Нет никого с развязанными крыльями, — сказала Ламит, — не грубо, а просто сообщая факт.

— Я могу слетать, — предложила Эйнар нерешительно. — Или Благород Лондавер, когда вернется с доктором, может слетать.

— Я не знаю, сколько времени это займет, — сказала Беренда, и такая откровенная непристой-

ность шокировала ее сестру. — Я думаю, что надо лететь тебе, Эйнар, я не хочу, чтобы он пришел слишком поздно.

— Тогда прощай, моя возлюбленная сестра, на тот случай, если мы больше не увидимся.

— Вернись с ним и войди с ним, — сказала Беренда. — Я хочу, чтобы кто-то из близких был со мной, когда я умру.

— Надо ли Ламит привести детей? — спросила Эйнар.

— О, ради святого Джурале, не надо, пожалейте их, — выкрикнула Беренда. — Мне пришлось видеть, как умирает моя мать. Нет никакой нужды втягивать их в это.

Эйнар добралась до ближайшего открытого уступа и полетела к церкви и приходскому дому. Ночь все еще была ясной, полной прекрасных звезд, воздух был холодным, но чистым, с привкусом дальних хвойных деревьев, и она не могла не почувствовать облегчение, оказавшись в небе, подальше от крови и боли.

Окна приходского дома были темными, и ей пришлось будить священника и его жену, чтобы объяснить, кто она и чего хочет.

— Если Благородна умирает, это чрезвычайный случай, — я полечу, — объявил в итоге священ-

ник, наматывая красный шнур на коготь, чтобы он мог связать крылья снова после того, как доберется до Даверака. Эйнар хотела спросить его, пошел ли бы он пешком к смертному ложу фермера или вообще дождался бы утра.

— Сообщили Сиятельному? — спросил он, пока они летели. — Кого-то надо послать к нему в Ириет незамедлительно.

— Лететь некому, — сказала Эйнар. Только сейчас она поняла, как это все нелепо, когда столько фермеров живут в поместье. — Я найду кого-нибудь, чтобы послать, — сказала она.

— Она может не протянуть до его возвращения, — предупредил священник. — Если она так плоха, как вы говорите. Ириет далеко. Но Джурале милостив, — может, и доживет.

Они приземлились на уступе. Время было уже далеко за полночь. Поместье казалось необычно тихим. Эйнар сразу почувствовала запах крови, хотя ее и вытерли с пола. Доктор выходил из спальни Эйнар, когда они добрались до нее.

— Мертва, — сказал он коротко.

— Это не ее комната, — сказала Эйнар, — это моя. Ее — дальше по коридору.

— Вероятно, эта была ближе, — сказал доктор, странно глядя на нее. Может быть, она и была

много ближе, осознала Эйнар. Но она не хотела, чтобы Беренда умерла в ее комнате, на ее золоте, и совершенно одна.

Священник вошел, один. Он выставил предостерегающе коготь, чтобы остановить Эйнар в дверях. Она ждала, помертвевшая.

— Где Сиятельный Даверак? — спросил доктор.

— В Ириете, по делам, — ответила Эйнар.

— Как неудачно, что это случилось в его отсутствие, — сказал он.

— Она сама о себе заботилась, — сказала Эйнар. — Она хотела этой кладки. Она ожидала третье яйцо. Она хорошо питалась.

— Это было ужасно, — сказал доктор. — Под конец она была совсем не в себе.

Эйнар задалась вопросом — что Беренда сказала ему, но не решилась спросить.

Священник вышел, облизывая губы. Эйнар не могла даже отдаться горю, начав поедать свою сестру, она знала, что должна дождаться Даверака. Только теперь она поняла, что осталась здесь совсем одна. Даверак взял ее как сестру Беренды. Теперь, когда Беренда мертва, захочет ли он вообще ее держать? Беренда сказала, что она ему нравится, но она также сказала, что он не сдержит обещание о приданом, чтобы она могла выйти за

Лондавера. Бесполезно проклинать Даверака за то, что он высокомерный эгоист, или Лондавера за то, что он беден и слаб, или свои лапы за то, что на них нет настоящих когтей. Кем бы они ни были, она была в их власти, независимо от ее воли. Наконец она зарыдала, перед комнатой, в которой лежала Беренда, а священник и доктор подумали, что эти слезы очень уместны, потому что они не знали, что слезы лились скорее по ней самой, чем по ее дорогой, но мертвой сестре.

XI. Любовь Драконицы

41. Третье предложение

Давайте мысленно вернемся во времени на две недели назад и перенесемся на несколько часов лету на запад — туда, где мы в последний раз видели Селендру, Шера и двух драгонетов Пенна. Даже в разгар всех треволнений Ириета и драматических событий в Давераке внимательный читатель не мог забыть, что они заблудились в пещере глубоко под горами Бенанди и водопадом Калани.

Здесь мы и присоединимся к ним, спешащим в мрачной сырости среди холодного известняка к дневному свету, который заметил Шер, — с такой скоростью, что впопыхах они едва не угодили в очередную яму. Шер застыл на самом краю, остановившись так внезапно, что оба драгонета с разгону наступили ему на хвост.

Шер заглянул в яму.

— Свет исходит оттуда, — сказал он. — Похоже, что это обширная пещера. Я думаю, что нам надо спуститься туда.

— Разве это правильно — спускаться все глубже и глубже? — обеспокоенно спросила Селендра.

— Оттуда, кажется, идет движение воздуха, —

уклонился Шер от прямого ответа. — Я пойду первым и возьму Вонтаса. Свет там внизу слишком яркий, мы должны быть недалеко от выхода. Хотя из-за света почти ничего не видно. Ждите, пока я не позову.

Без дальнейших колебаний Шер взял Вонтаса и нырнул вниз. Селендра перешла на освободившееся место. Герин приник к ней сбоку и тоже смотрел через край. Она сразу поняла, что именно Шер имел в виду, говоря про свет. Стоя позади него, она оставалась в знакомой уютной темноте, обычной в любой пещере. Теперь же, свесившись со скользкого края ямы, она ничего не видела, если только не закрывала глаза внутренними веками, но тогда все становилось еще более тусклым, чем вообще без света.

Почти ничего не видя, она подождала какое-то время, которое, казалось, тянулось бесконечно. На шею падали неприятно тяжелые от извести капли воды, из которых на ее чешуе, если еще немного подождать, вот-вот начнут расти известковые зубы. Она вспомнила сокровище, наполовину поглощенное известняком, и представила, как зубы прорастают сквозь ее чешую и кости. Герин заговорил, но она зашикала на него, не желая пропустить ни одного словечка

от Шера. Она уже почти поверила, что он убился там в глубине, но наконец услышала его слабый голос, отдающийся эхом.

— Это оказалось не так просто, но мы выбрались. Ты слышишь меня, Селендра?

— Да, — откликнулась Селендра с огромным облегчением.

— Это большая пещера, и в середине одной стены есть щель, которая ведет наружу. Нет ни уступа, ни углубления, только щель. Трудность заключается в том, чтобы постараться вылететь наружу прямо, а потом спуститься вниз, где можно приземлиться ниже по склону. Я оставил Вонтаса на берегу ручейка. Я примерно знаю, где мы, хотя придется взлететь повыше, чтобы убедиться наверняка. Одно я знаю точно: мы смотрим на запад, на заходящее солнце, которое нас и слепит.

— А где ты сейчас? — спросила Селендра, стараясь побороть панику.

— Снаружи, летаю кругами, тут слишком круто, чтобы я мог сесть. Это не утес, а просто отвесная стена.

— А где находится щель по отношению ко мне?

— Она смотрит на запад. Прямо перед тобой,

но ниже.

— Тогда постарайся не попасться нам на пути, мы вылетаем, — выкрикнула Селендра, а потом выждала момент, беря дыхание и напрягая мускулы, чтобы нырнуть в слепящий светом проем.

Она понятия не имела, как Шеру это удалось. Даже зная, что там есть щель и что снаружи некуда приземлиться, все, что она могла сделать, — это крепко сжать Герина и позволить крыльям нести ее вниз и вперед, целясь в самый центр пустоты. Она была практически слепа, летя прямо на свет. Проем, или щель, как его назвал Шер, был невелик. Она летела к нему, борясь с сырым воздухом и с ощущением, что пещера хочет засосать ее обратно и проглотить.

Оказавшись снаружи, она снова смогла видеть. Прямо под ней раскинулся ничем не примечательный склон горы, усеянный камнями и покрытый травой, с несколькими баранами, безразлично пасущимися среди булыжников. У подножия склона бежал маленький, но быстрый поток. За ним вздымался следующий склон, не такой высокий и не такой крутой, как тот, из которого они вырвались, а еще дальше — другие хребты. Она полетела вниз, к потоку, радуясь теплому и чистому воздуху снаружи. Спускаясь, она

ушла из-под прямых лучей солнца, и внезапно стало холодно, холоднее, чем было в пещере. Она заметила Вонтаса, который неуклюже пил прямо из потока, прижимая пораненную лапу к груди.

Она приземлилась как можно ближе к нему, а затем огляделась в поисках Шера. Тот кружил высоко вверху.

— Шер сказал, что будет подниматься до тех пор, пока не увидит, куда лететь, чтобы забрать корзину, — сказал Вонтас, задрав морду, с которой стекала вода.

Селендра расправила крылья, чувствуя неотложную потребность потянуться после того, как долго была в тесноте. Она сложила их, затем снова полностью раскрыла и выгнула спину. Только после этого она склонила голову, чтобы напиться. Вода оказалась ледяной, и у нее сразу заломило зубы.

— Этот камень что, подвинулся? — внезапно спросил Герин. Селендра посмотрела туда, куда смотрел он, — вверх, на противоположный склон. Он был усеян разновеликими булыжниками, размером от головы птенца до огромных, с нее величиной. Ни один не двигался. Она озадаченно посмотрела на Герина.

— Кажется, что они двигаются, пока на них не

смотришь, — сказал он. Селендра снова посмотрела на камни. Они были неподвижны, очень неподвижны, — той неподвижностью, когда кажется, что они скорее затаились и выжидают, а не естественной неподвижностью камней, которые лежат, где упали.

Шер вернулся, спикировав на них.

— Здесь в тени холодно, — сказал он, складывая крылья с громким хлопком. — Я знаю дорогу обратно к водопаду, но это час полета. Мы, должно быть, прошли огромное расстояние под горой.

— Солнце почти опустилось, мы, видимо, провели под землей много часов, — сказала Селендра. — Отправляйся за корзинкой и возвращайся как можно быстрее.

Шер отвел ее выше по склону, подальше от драгонетов, которые теперь оба пили из потока.

— Ты не сможешь нести одного из них?

— Не целый час, и это будет небезопасно, — ответила она тихо, — а что?

— Ничего такого, чего бы ты не знала. Просто холодно, и Вонтас покалечен. — Шер нахмурился. — Постарайся держать их в тепле, если сможешь.

— Сделаю все, что смогу, — сказала Селендра. Она еще никогда раньше не видела Шера таким

серьезным.

— И еще, Селендра, — сказал он, делая шаг ближе. Она затрепетала, но не отступила. — Я хотел сказать, что ты справилась со всем этим просто великолепно.

— И ты тоже, — ответила она со всей убежденностью. — Я даже не понимаю, как ты сумел там пролететь, не зная, что ждет тебя впереди.

— Просто повезло, — сказал он, улыбаясь, и сделал еще один шаг по направлению к ней. Теперь он был так близко, что почти касался ее. Она не двигалась. Она знала, что у него на уме, но у нее в голове метались обрывки воспоминаний о Фрелте, зелье Эймер, разговор о числах. — Ты была прекрасна, ты поддерживала бодрость духа в детях, и ни разу ни на что не пожаловалась. Я не могу представить другой драконицы, с которой хотел бы заблудиться в пещере, более того, я не знаю другой драконицы, с которой хотел бы провести всю жизнь. Что ты скажешь?

Селендра скосила глаза вниз, на свою чешую. Та оставалась ясно и бескомпромиссно золотой. Ее уверения в том, что она не хочет выходить замуж, сейчас ей самой казались пустыми отговорками, когда она смотрела на него рядом с собой, такого крепкого, симпатичного и уверенного. Она почти

чувствовала тепло его тела.

— Селендра? — сказал Шер вопросительно, поскольку она молчала.

— Твое положение, мое положение, твоя мать, мой брат, — сказала она в немалом волнении. — Я не думала, что ты сочтешь нас хорошей парой.

— Но я могу управиться с моей матерью, скоро она полюбит тебя как дочь. Что касается всего остального — так это ерунда. Ты благороднорожденная, и твои племянники только что нашли для тебя состояние, — сказал Шер мягко, протягивая к ней свой коготь. — Я люблю тебя. Если ты…

— Ты получил ответ, — сказала она резко, подчеркнуто отступая от него. — И теперь я знаю, что ты никогда бы не осложнил мою жизнь, надавив на меня здесь, в горах, где мы все еще зависим друг от друга, прежде чем вернемся под защиту своих семей.

— Конечно, нет, — сказал он. — Но, Селендра… — Шеру, за которым гонялись драконицы и их матери с тех пор, как он отрастил крылья, даже в голову не могло прийти, что та единственная, которую он желал, может отвергнуть его.

— Пожалуйста, не дави на меня, — повторила она, находя прибежище в холодности, хотя сердце ее рвалось на части, а глаза были полны слеза-

ми. — Лети и добудь корзинку. Пожалуйста, Шер.

Он поднялся в воздух и поймал ветер, заложив вираж на взлете. Она смотрела, как он исчезает из виду, но все еще не могла заплакать, потому что теперь дети уже были здесь, со своими вопросами, на которые надо было отвечать. Она еще раз посмотрела на свою предательскую чешую, которая, если бы следовала за сердцем, была бы уже такой розовой, как край облака, что поднималось над хребтом, на склоне которого камни все еще держались настолько неестественно неподвижно, будто движение было над ними вообще невластно. Она пристально поглядывала на камни, пока разбиралась с детьми, надеясь застукать хоть один, пока он движется. Ее глаза вращались все быстрее и быстрее, но она все еще оставалась золотой, а камни были на своих местах всю ту маленькую вечность, пока Шер не вернулся назад с корзинкой.

42. Разговор в Резиденции

Тремя днями позже после драматического спасения Вонтаса Благород Бенанди послала со слугой записку, призывая Фелин прибыть для аудиенции с глазу на глаз. Фелин наведывалась в Резиденцию постоянно: едва ли день проходил без того, чтобы она формально или неформально не повидалась с Благородной. Однако редко бывало так, чтобы Благородна вызывала ее, не указав причины. Фелин получила записку за завтраком и не стала ее комментировать, а просто сказала Пенну, что нужна Благородной. Такие оказии случались настолько часто, что Пенн едва оторвался от собственных писем, чтобы обратить на это внимание. Фелин посмотрела на него задумчиво, а потом перевела взгляд на Селендру, которая читала письмо, одновременно поедая барана, — вид у нее был такой, будто она готова залиться слезами. Скорее всего, не Пенн, а поведение Селендры было причиной вызова. Уточнение «с глазу на глаз» определенно должно было гарантировать отсутствие на встрече одного из них. Она и представить не могла, что бы такого мог недавно сделать Пенн, чтобы вызвать

неодобрение своей хозяйки. Селендра же вполне могла. Большую часть времени после катастрофы с пикником Фелин посвятила здоровью Вонтаса, который, похоже, поправлялся, хотя все еще не мог говорить ни о чем, кроме как о сокровище. Теперь надо подумать, что натворила Селендра. Она вернулась потрясенная этим суровым испытанием, но куда более дрожащая и заплаканная, чем Фелин ожидала ее увидеть после такого приключения.

— Я навещу драгонетов прежде, чем поднимусь наверх, — сказала она. — Ты сегодня будешь выходить, Пенн?

— Я должен ответить на это письмо, — сказал он, хмурясь над ним. — Я буду у себя.

— Помочь тебе написать его? — спросила она.

— Нет, я сам напишу, или, если оно окажется слишком длинно, Селендра напишет, — сказал Пенн, изобразив полуулыбку, хотя его глаза вращались чересчур быстро, чтобы его жена поверила, что он спокоен. Фелин решила оставить его наедине с этой заботой, решив, что он сам обратится к ней за помощью, если понадобится.

— Тогда, может, ты поможешь Эймер с драгонетами, если не понадобишься Пенну, Селендра? — спросила Фелин. Селендра, вся в раздумьях,

оторвалась от письма. Очевидно, что она не уделяла никакого внимания разговору. Фелин терпеливо все повторила и ждала, пока Селендра подтвердит свое согласие. После этого она надела на голову маленькую зеленую шляпку и полетела вверх по утесу в Резиденцию.

Этим утром Шера на уступе не было. Снег был почти не тронут, достоверно свидетельствуя, что он здесь не бывал день или два. Фелин нахмурилась, пробираясь через снег и оставляя за собой четкие следы. Она гадала, чего же хочет Благородна.

Благородна ожидала ее в малой парлорной, а не в офисе. Она удобно полулежала вдоль стены.

— Фелин, дорогая, — сказала она в качестве приветствия. — Как я рада тебя видеть.

— Чем я могу быть полезна, Благородна? — спросила Фелин.

— Я просто хотела сказать тебе пару слов, — жестом она пригласила Фелин устроиться рядом. Фелин послушно села. — Предложить тебе что-нибудь?

— Мы только что позавтракали, — ответила Фелин, ожидая, когда Благородна перейдет к тому, что ее беспокоит.

— В этом году я решила отправиться в Ириет

пораньше, — сказала та.

Глаза Фелин слегка ускорились. Благородна ненавидела Ириет и редко отправлялась туда хоть на день раньше модного сезона. — В Оттепель? — предположила она.

— Нет, раньше, — сказала Благородна, глядя в сторону. — В Ледозимье, или даже в конце Свежезимья.

— Так вы планируете провести почти всю зиму в городе? — спросила Фелин, понимая, что не может скрыть изумления.

— Да, я знаю, — сказала Благородна, беспомощно разводя лапы и отвечая скорее мыслям Фелин, чем ее словам. — Я ненавижу Ириет и никогда не покидаю дом зимой. Это все Шер.

— Шер? — эхом озадаченно откликнулась Фелин. Шер, конечно, редко бывал в Бенанди подолгу зимой, но как это касается его матери? — Он тоже собирается в Ириет?

— Нет, он хочет остаться здесь. — Пожилая драконша на мгновение охватила свою рубиново-красную голову лапами, как будто не могла больше носить эту тяжесть, затем снова посмотрела на Фелин. — Вот почему я должна ехать в Ириет — потому что он едва ли сможет обойтись здесь без меня.

— Я не понимаю, — сказала Фелин, хотя уже начала думать, что догадывается.

— Это очень сложно, — сказала Благородна Бенанди. — Моя дорогая, не имея в виду ни малейшего пренебрежения к вам, вашему мужу или даже к его сестре, я вынуждена просить вас держать Селендру подальше от моего дома, пока я не удалю Шера отсюда. Он забрал себе в голову, что любит ее, и я знаю, что вы или Пенн не делали ничего, чтобы способствовать этому. Я склонна винить в этом Шера, по крайней мере наполовину.

— Наполовину? — спросила Фелин, садясь повыше. — Я не думаю, что Селендра могла сделать хоть что-нибудь, чтобы его поощрить к этому.

— Ну, это естественно для любой молодой драконицы при общении с неженатым Благородным Лордом, я уверена в этом, — сказала Благородна. — Но я уверена, что вы понимаете, что это не пройдет.

— Нет, совсем не понимаю, — сказала Фелин, чувствуя себя слегка уязвленной по поводу Селендры. — Она из хорошей семьи, она сестра Пенна, у нее разумное приданое…

— Вы не можете считать шестнадцать тысяч крон разумным приданым для Шера, — сказала

Благородна, хотя Фелин знала, что Шеру не было никакой нужды жениться на деньгах.

— Разумное, хотя и не великолепное, — сказала Фелин. — Может быть, это не то, что вы бы сами выбрали, но я не понимаю — почему это такая катастрофа. Почему они не могут пожениться?

— Шер — молод и легко переменчив. Вы знаете это. — Голубые глаза Благородной вращались весьма оживленно, но жестом она отвергла любой возможный выбор Шера.

Фелин действительно знала его как переменчивого. Она помнила, когда каприз Шера легко коснулся ее самой. Когда прошло первое любовное головокружение, она уже знала, что он ей брат, а не муж. Кроме этого, она знала, что его мать никогда не одобрит этого и что Шер не сможет и не станет выступать против матери. Благородна мягко отговаривала, и Шер уступил при первом же возражении, подкрепленном предложением матери поохотиться месяц на высокогорье. Если же Селендра может сподвигнуть его на битву с матерью, он, должно быть, любит ее нешуточно.

— К тому же, — неловко продолжила Благородна, хотя Фелин ничего не сказала, — Шер скоро забудет ее, если будет в Ириете встречаться с

другими драконицами.

— Ну, только не с Геленер, я думаю, — сказала Фелин.

— Не будь так жестока, Фелин. Я уже знаю это. Но если свести его с некоторым количеством хорошеньких драконицс хорошо оформленными хвостами и сверкающей чешуей, он забудет Селендру.

— А Селендра?

— Она тоже его забудет. Должна будет забыть. Ей следует обратить свой взор к драконам своего ранга. Так устроен мир. Я это знаю, и ты это знаешь.

— Что я знаю… — Фелин оборвала себя. Она вспомнила, что никаким образом не может ссориться с Благородной. Она начала снова, но мягче. — Шер достаточно взрослый, чтобы не позволить вам навязать ему свой выбор.

— Это правда, но я могу отвлечь его, — сказала Благородна. До сих пор нам везло, как мне кажется. Он сделал авансы Селендре, когда они были в горах, но она не откликнулась.

— Джурале милостивый, — сказала Фелин в изумлении.

— Да, я сама возносила благодарности Джурале, — сказала Благородна, взор которой тут же

посуровел, но она предпочла засчитать вырвавшееся у Фелин восклицание за молитву, а не за богохульство.

— Она же не откликнулась? — снова сказала Благородна, но уже в форме вопроса.

— Нет, она такая же девственно-золотая, какой прибыла сюда, — сказала Фелин. — В этом нет никаких сомнений.

— Тогда нам всего-то нужно держать их врозь, чтобы пресечь влечение в зародыше, — сказала Благородна. — Это означает, что, когда я приглашаю вас с Пенном в Резиденцию, пока Шер здесь и пока мы не уедем, пожалуйста, оставляйте Селендру дома с детьми.

— Я не могу этого сделать, — сказала Фелин, сама не ожидая, что скажет это, пока не услышала себя. — Это глубоко несправедливо, Благородна, я уверена, что вы и сами это понимаете. Она не сделала ничего дурного, а вы ее наказываете и предлагаете нам тоже наказать ее, будто она преступила границы дозволенного.

— Я всего лишь прошу вас оставлять ее дома, а также не пускать в дверь Шера некоторое время, хотя и сомневаюсь, что он захочет видеться с ней в приходском доме.

— Конечно, захочет, если не обнаружит ее

здесь, — сказала Фелин. — Я не стану поощрять его посещения, но вряд ли могу не впустить его, разве вы не помните, что он может войти куда захочет, будучи Благородным Бенанди?

— Маловероятно, что он зайдет так далеко, — сухо сказала Благородна. — Вы же не думаете, что он захочет прийти и поглотить драгонета, которого спасал с риском для жизни.

— Это еще одна причина, по которой я не могу отказать ему от дома, — сказала Фелин. — Я обязана ему и безмерно благодарна за спасение бедного Вонтаса. Это ваш удел — контролировать перемещения вашего сына, если вы думаете, что имеете на это право, но вы не можете переложить это на меня, с учетом обстоятельств.

— Я скажу Шеру, что ему не стоит с ней видеться, — сказала Благородна, сморщив морду так, будто почувствовала запах разлагающегося трупа оленя. Долгие годы ей удавалось контролировать Шера.

— Тогда я обещаю вам, что я не оставлю его наедине с Селендрой в приходском доме, если он все же решит нанести визит, — согласилась Фелин.

— Это меня устроит, — сказала Благородна с таким выражением, будто наелась испорченных пресервов. — И оставьте ее дома, когда придете

на обед.

— И этого я сделать не могу, — сказала Фелин. — Я не могу оставить ее дома, будто она опозорена.

— А я не могу позволить, чтобы она болталась под носом у Шера, как лакомый кусочек, который он жаждет слопать, — сказала Благородна.

— Тогда какое-то время, пока вы не решите пригласить нас всех, мы трое будем оставаться дома, — сказала Фелин.

Благородна мрачно посмотрела на нее, но Фелин отказывалась уступить. Они уставились друг другу в глаза, и, хотя Фелин была привязана к своей старой опекунше, она чувствовала себя в долгу перед Селендрой и Шером как спасителями своего малыша. Она обязана выстоять. Она выдерживала взгляд Благородной, пока та не потрясла головой.

— Ну что ж, — сказала она, — я разочарована, Фелин, но пусть так и будет. Чем скорее мы отправимся в Ириет, тем лучше.

— Надеюсь, что вы хорошо проведете там время, — сказала Фелин, слегка наклоняя голову. Она повернулась и направилась к выходу, оставив Благородную одну, погруженную в раздумья о своем сыне, чем та занималась еще с тех пор, как он был яйцом.

Шер поджидал ее снаружи.

— Она запретила тебе приводить сюда Селендру? — спросил он, выглядя таким несчастным, что Фелин полностью растаяла и даже не назвала его болваном.

— Я сказала, что мы не примем приглашений, которые не включают всех троих, — сказала Фелин. — Я также сказала, что я никогда не закрою мой дом для тебя, но не оставлю тебя там наедине с Селендрой.

— Я не думал, что она будет чинить такие препятствия, — пробормотал Шер.

— Пусть пройдет немного времени. Дай себе немного времени. Ты же знаешь, как ты переменчив, — сказала Фелин.

— Я не таков, — пророкотал Шер. Фелин просто смотрела на него, удерживая воспоминания в глубине своих серых глаз. — О, Фелин, наверное, ты права. Я не хотел быть жестоким по отношению к тебе, и ты же не подавала мне никаких надежд.

— Я очень счастлива замужем за Пенном, — сказала она. — Но будет лучше для тебя же, если ты подумаешь о том, надолго ли все это, учитывая, что, по всем признакам, твоя мать против этого.

— Ты имеешь в виду, я не должен видеть Селендру?

— Побудь здесь. Подожди. Если будешь чувствовать то же самое через два месяца, то есть к Ночи Глубокозимья, тогда я приму твои планы всерьез и позволю тебе провести какое-то время наедине с Селендрой — не в доме. Про это я не давала никаких обещаний. Вы сможете отправиться полетать вместе. Но будь готов к битве с Благородной, которую это разгневает.

— Я подожду, — сказал Шер, улыбаясь. — Я знаю, что смогу. Благодарю тебя, Фелин.

Фелин сокрушенно потрясла головой перед тем, как взлететь. Она вечно уступала ему, как и оба они вечно уступали его матери. Очень трудно будет изменить привычке.

43. Разговор в приходском доме

Как только Фелин отправилась в Резиденцию, Пенн отложил письмо и посмотрел на Селендру.

— Что нашло на Эйвана, что он потащил Даверака в суд? И что нашло на тебя, что ты присоединилась к нему? — Он казался крайне раздраженным, даже напуганным.

— Ты же согласился, что Даверак не имел права есть столько отцовского тела, сколько он съел, — ответила Селендра испуганно. — Ты был в ярости.

— Это другое. Это семейные раздоры. Лично я, да, я согласен, Даверак не имел права. Я и возражал против этого тогда же. Но, Селендра, — затевать суд, выносить сор из пещеры… Это может выставить нас в самом неудобном виде. — Пенн посмотрел на нее с отчаянием. — Можно ли убедить его отозвать иск?

— Ты можешь, конечно, его попросить, но, похоже, он настроен очень решительно, — сказала Селендра. — Эйван больше других пострадал от действий Даверака.

— Я должен написать ему тотчас же и отказать в поддержке, — сказал Пенн. — Ты должна сде-

лать то же самое, отозвать свою подпись.

Селендра склонила голову.

— Эйнар тоже подталкивает меня к этому, — сказала она, касаясь письма, которое только что получила. — Она говорит, что мы не сможем общаться, если я этого не сделаю.

— Ну, конечно, нет, — сказал Пенн.

Селендра почувствовала, как слезы подступают к глазам, и опустила морду.

— Я не смогу не видеть Эйнар, — сказала она, и слова застревали у нее в горле.

— Тогда напиши и отзови свою подпись, — настаивал Пенн.

— Видимо, надо это сделать. Но… Бедный Эйван.

— «Бедный Эйван»?! Эйван все это начал. Он не понимает, какие беды это может принести. Они хотят, чтобы я рассказал им все, что отец говорил на смертном ложе, — произнес Пенн, шлепая письмом по колену. — Отвратительно. Возмутительно. Невозможно.

— Почему? — спросила Селендра.

— Почему? — Глаза Пенна беспокойно метались из стороны в сторону. — Его личная жизнь, мое положение. Это немыслимо.

— Я понимаю, — сказала Селендра, хотя, не зная

всех обстоятельств исповеди, она совсем не понимала, почему Пенн не может просто рассказать им, что они хотят знать.

— Я должен сам незамедлительно написать им, — сказал Пенн. Он выскочил за дверь, сжимая в когтях воображаемое перо.

Селендра вернулась к наполовину съеденному барану. Больше она его не хотела. Она едва была в состоянии есть с тех пор, как Шер… с тех пор, как спасли Вонтаса. С Шером они не виделись после их возвращения. Она не бывала за пределами приходского дома. Пенн и Фелин обращались с ней очень хорошо, думая, что это испытание в пещере истощило ее. Они оба выразили ей свою благодарность, и Фелин заставила Вонтаса тоже поблагодарить ее. Никто не заставлял ее делать то, что она не хотела. Она даже смогла избежать службы Перводня, который случился накануне, хотя Пенн пришел в ее спальню и молился вместе с ней. Она не возражала. Селендра не хотела пренебрегать богами, более того, особенно она искала милости Джурале. Она не хотела идти в церковь, потому что не хотела видеть Шера.

Один из слуг заглянул в дверной проем, чтобы понять, не пора ли уже убирать кости.

— Я закончила, — сказала Селендра.

Довольный слуга подскочил, радуясь объедкам. Селендра поднялась на ноги, взяла письмо Эйнар и отправилась присматривать за драгонетами.

Няня перевязывала коготь Вонтаса, а Герин помогал, развлекая Вонтаса во время процедуры. Обнюхав рану и убедившись, что запах все еще чистый, Селендра оставила их за этим занятием.

Эймер в одиночестве готовила на кухне дурно пахнущее зелье. Другие слуги все еще убирали столовую.

— Это для Вонтаса? — спросила Селендра.

— Это для того, чтобы рана не загнивала, — объяснила Эймер. Но тут она остановилась и нахмурилась. — Что случилось, Селендра?

— Ничего, — сказала Селендра, пытаясь не пролить слезы из фиалковых глаз. — Я получила письмо от Эйнар.

— Что с ней?

— Она кажется несчастной. Эйван вызвал Даверака в суд, и это ее беспокоит. Даверак обрел огонь, смотри.

Эймер не умела читать, поэтому Селендра могла спокойно показать ей рисунки из письма.

Эймер рассмеялась и оттолкнула лист.

— Прочти мне его, — сказала она.

Селендра прочитала, пропуская поддразни-

вания насчет Шера, которые, она знала, сестра написала любя, но которые теперь она ощущала как острое копье в своей нежной груди. Когда она закончила, Эймер потрясла головой.

— И она ни словечка не написала для меня? И на то, что в своем письме ты упомянула, что я передаю ей привет, она ответила замечанием, что «весь институт рабства — это неправильно»?

— Да, это так, — сказала Селендра. — Я думаю, что она права. Это несправедливо, но так устроен мир. В нем столько всего несправедливого. — Она вздохнула.

Эймер слегка согнула крылья в путах.

— Так какую несправедливость жизнь преподнесла тебе? — спросила она с большой долей добродушия. Она очень любила Селендру.

Селендра оглянулась, чтобы убедиться, что никто из других слуг не зашел в кухню незамеченным.

— Похоже, что числа сыграли против меня с твоим зельем, — сказала она, понижая голос.

— Ты уверена? — спросила Эймер.

Селендра жестом показала на свой безнадежно золотой бок.

— Кто это был? Он к тебе прикасался?

— Шер, — созналась она шепотом.

— Благородный Бенанди? — переспросила Эймер. — Да ты высоко целишь, моя драгонеточка!

— Все было совсем не так! — запротестовала Селендра. — Я никогда не думала о нем в этом смысле, пока он сам не сказал прямо. Я думала, что он помолвлен с Геленер Телсти.

— И его мать, я уверена, тоже так думала, — сказала Эймер и ухмыльнулась. — Ты, значит, не заранее это спланировала? Он застал тебя врасплох? Это может быть достаточной причиной, чтобы не зардеться.

— От Фрелта я такого тоже не ожидала! — сердито прошептала Селендра.

— Нет, но Фрелт навалился на тебя, и он-то этого ожидал. А Шер прислонялся к тебе?

— Нет. Он подошел очень близко, почти касаясь, но фактически не прислонился. — Глаза Селендры мечтательно завертелись, когда она вспомнила об этом.

— Он тебя вообще касался когда-нибудь?

— Он протянул коготь, но не коснулся им меня. Он был много ближе, чем драконам полагается, Эймер! Он был совсем рядом, в каком-то футе.

— В следующий раз пусть подойдет еще ближе, — посоветовала Эймер. — Это может быть зелье, а может быть, и нет. Приласкайся к нему,

как ты это делаешь с сестрой, и посмотрим, не заставит ли это тебя зардеться.

— Я не думаю, что у меня будет другая возможность, — сказала Селендра. — Я велела ему уйти. И как ты только что сказала, он Благородный Лорд, а я всего лишь сестра священника. Он подумает об этом и будет рад, что я его оттолкнула.

Слезы полились как раз в этот момент.

— Ну, когда ты не плачешь, чтобы остаться золотой, ты плачешь, чтобы стать розовой, — сказала Эймер.

Селендра поперхнулась.

— Это не смешно, — сказала она, но не могла удержаться от смеха.

— Если ты ему небезразлична, он попытается снова, — сказала Эймер успокаивающе. — Дай ему возможность, будь ближе к нему. Прикоснись к нему. Ты ничего не потеряешь, даже если не окрасишься.

— Разве что мое достоинство, — сказала Селендра.

— И сколько за это нынче дают на рынке? — спросила Эймер.

— Но если я не поменяю окрас, я не смогу принести ему детей. Будет очень неправильно выходить замуж, если я не могу их иметь.

— Никто никогда не слышал о том, чтобы выйти замуж и остаться драконицей, — сказала Эймер громко, поскольку слуга, который убирал в столовой, вернулся на кухню с кучей дочиста обглоданных костей.

— Отнесите это зелье Чтен' Вонтасу, пожалуйста, Чтен' Селендра, оно готово. И если будете писать Чтен' Эйнар, скажите ей, что мне интересно будет узнать больше из того, что она написала.

Селендра взяла горшок с зельем и вышла.

44. Разговор в шляпном заведении

Фелин прикидывала, пока летела домой, что следует рассказать мужу и золовке о ее разговоре с Благородной. Она хоть и защищала Селендру, насколько осмеливалась, но не понимала, как начать с ней этот разговор. Что касается Пенна, Фелин не знала, как он это воспримет. Его положение священника прихода Бенанди зависело от Благородной, оно обеспечивало ему и дом и доход. Он может рассердиться на свою сестру за причиненные неудобства, а на саму Фелин за то, что не согласилась на все, что хотела Благородна. Было бы проще не затрагивать эту тему ни с одним из них. Однако оба заметят отсутствие приглашений из Резиденции, и какие-то объяснения потребуются.

По возвращении домой она застала Селендру играющей с драгонетами. Фелин не стала ничего ей рассказывать, а Селендра тоже помалкивала.

К тому моменту, когда Пенн вышел из кабинета, вытирая чернила с когтей, у Фелин было достаточно времени, чтобы обдумать свою стратегию. Она отвела его в парлорную.

— Благородна хочет держать Шера и Селендру

подальше друг от друга, — сказала она ему.

— Что такое? Почему? — Мысли Пенна все еще были заняты кознями Эйвана и чем они угрожают его занятиям.

— Кажется, она думает, что Шеру начинает нравиться Селендра, — сказала Фелин.

— Шеру? Нонсенс. Все барышни Тиамата готовы броситься к его ногам, с чего бы ему обращать внимание на такое бледное создание, как Селендра? — недобро спросил Пенн.

Фелин ожидала такой реакции, поэтому просто развела лапами.

— Кто знает, откуда в голове Благородной берутся подобные идеи? — сказала она. — Тем не менее какое-то время мы не будем посещать Резиденцию для общения. Ты, разумеется, продолжишь ходить наверх — один, чтобы делать то, что должен, — и я тоже буду. От семейных же обедов и тому подобного мы воздержимся, пока Шер не уедет.

— Если это то, чего Благородна хочет, — сказал Пенн, хмурясь. — Она что, действительно вообразила такое о Селендре?

— А что, ты считаешь, она слишком молода?

Пенн не хотел обсуждать с женой инцидент с Фрелтом, поэтому просто пробурчал что-то в

ответ. После этого оба пообедали, оставаясь в том совершенном согласии, которое складывается у многих драконов в браке.

Так прошло несколько недель. Семья священника и семья хозяев Резиденции встречались только на службах Перводня. Благородна проследила за тем, чтобы Шер все время оставался при ней. Селендра больше не пропускала походы в церковь, но сидела со склоненной головой, зная, что Шер на нее смотрит, но не смея ответить на его взгляд. Шер не пытался посещать приходский дом, а Селендра не испытывала судьбу и не спрашивала, чем она заслужила, что ее не заставляют посещать Резиденцию. Свежезимье превратилось в Ледозимье, а Шер и Благородна так и засиделись в Бенанди. Ледозимье оправдывало свое название и засыпало их снегом. На второй неделе Ледозимья вести о смерти Беренды достигли Бенанди и повергли Пенна с Селендрой в уныние, хотя ни один из них не был близок с сестрой со времени ее замужества.

Колесо недели о пяти ступицах продолжало мерно вращаться, и двумя днями позже снова наступил Перводень. Впервые после пикника Селендра подняла в церкви голову и встретила взгляд Шера. Большего она не смела, но позволи-

ла себе посмотреть на него. Жизнь так коротка, а смерть — повсюду. Если по милости Джурале Шер здесь, в церкви, она не будет больше запрещать себе видеть его.

На следующее утро Фелин объявила за завтраком, что может взять Селендру с собой к шляпнице.

— Но мы все еще в трауре по отцу, ей не нужен новый головной убор, — сказал Пенн.

— Не для выхода из траура, нет, просто те несколько шляпок, что у нее есть, уже совсем обносились. Через две недели наступит Глубокозимье, и ей нужно будет что-то надевать зимними вечерами, кроме той шляпки, что она носит почти каждый день с самого Высоколетья! Сегодня не так холодно, и это всего два часа лету.

— Нет нужды, Фелин, — пробормотала Селендра. Ее невестка пресекла все возражения, и вскоре они отправились.

Для Селендры оказалось благом снова подняться на крыльях. Со времени пикника она едва выходила из дома, не считая церкви, куда, разумеется, ходили пешком. Она почти забыла ощущение ветра в крыльях и то, как мир выглядит в солнечном сиянии — водопад белого света, прерываемый только темнотой елей и прямыми

темными линиями рельсов, когда они пролетали над ними.

— Холодно, но летать — это великолепно, — сказала Фелин через некоторое время, и Селендра была рада всем сердцем с этим согласиться. Она неделями не чувствовала себя так хорошо.

— Как далеко мы собрались? — спросила она.

— Не так далеко, к сожалению, — сказала Фелин. — Не знаю почему, но я люблю летать на холоде. Моя мать терпеть этого не могла. Она говаривала, что ее семья перебралась еще до Нашествия из теплых стран, которые теперь все заняты Яргами, и что ее кровь слишком утонченная для здешних мест.

Селендра рассмеялась.

— Должно быть, ты в отца пошла, — сказала она.

Истории о храбром отце Фелин уже дошли до нее, по большей части от Вонтаса, который носил имя деда.

Шляпное заведение находилось в городке Три Ели. Шляпница Хепси не тягалась со столичными шляпницами ни по части моды, ни в элегантности. Она была вдовой дракона, чьи амбиции не были так же велики, как его удаль. Она приобрела профессию после его гибели скорее по нужде,

надеясь прокормить детей без того, чтобы идти в услужение к знатной семье. К ее собственному удивлению, она умеренно преуспела, поскольку все драконы в округе воспользовались преимуществами ее ловких пальцев и разумных цен. Фелин покупала шляпы у Хепси много лет, и даже Благородна, бывало, удостаивала ее покупкой сельского капора.

Все шляпы Селендры были изготовлены дома или случайно куплены, уже готовые, ее братьями. Она никогда не бывала в шляпном заведении. Она даже не представляла, что может быть столько шляп, тем более не знала, как их делают. Все здесь было ей в диковинку. Им пришлось подождать, пока на другую драконицу примеряли очаровательную красную с золотом зимнюю шляпу. Драконица была из тех, кто посетил пикник, и приветствовала их как старых друзей, которых давно не видела. Фелин поболтала с ней, пока Селендра просто глазела на шляпы, развешанные во всех нишах, какие удалось вырезать в стенах небольшой пещеры. Она и вообразить не могла такое разнообразие форм, цветов и материалов для шляп. Там были береты, треуголки, шляпки без полей, шляпки в форме колокола, чепцы от солнца и многое другое, названия чему Селендра

не знала.

Когда пришла их очередь, Хепси захлопотала.

— Преподобна Агорнин! Как чудесно видеть вас. Чем я могу вас сегодня порадовать?

— Увы, опять черным, — ответила Фелин. — Мой вкус вы знаете. И еще нам нужно что-то из черного флиса, по тому же печальному поводу, для сестры моего мужа, Чтен' Агорнин. Познакомьтесь.

Селендра насилу поняла, что была представлена, настолько ее захватили все эти шляпы.

— Это похоже на сокровище, — сказала она, вспоминая пещеру в глубине горы. Ее цепочка была надежно припрятана дома в спальне.

Хепси и Фелин понимающе рассмеялись, после чего Хепси поспешила подобрать материалы и выкройки. Наконец она соорудила капор из нескольких слоев флиса и тесьмы.

— Пожалуйте, это будет выглядеть изящно, пока вы в трауре, а если позже вы захотите добавить несколько блесток или самоцветов, приделаете их вот сюда, — сказала Хепси, показывая, как следует прикреплять ярко-синие блестки на внутренней тесьме.

— Выглядит очаровательно, — заверила ее Фелин. Хепси подставила бронзовое зеркало, и

Селендра полюбовалась на свое отражение.

— Спасибо, — сказала она и робко обняла Фелин.

Фелин договорилась с Хепси об оплате.

— Пришлете их к нам в приходский дом? — спросила она.

— Если вам не трудно, подождите полчаса, после такой примерки шляпка Чтен' Агорнин уже почти готова. Вы сможете забрать ее с собой.

Хепси занялась конструированием во внутренней пещере, оставив их наедине со шляпами. Селендра и Фелин расселись поудобнее. Этой возможности Фелин и дожидалась.

— В этой шляпе ты выглядишь прекрасно, — сказала она.

— Она мне очень нравится, — призналась Селендра.

— Я уверена, что Шер будет в восторге от нее, — продолжала Фелин. Селендра виновато посмотрела на нее. — Да, я все знаю. Благородна рассказала мне кое-что.

— Благородна? Что ей известно?

— То, что рассказал Шер. Он сказал ей, что любит тебя.

Глаза Селендры завращались так быстро, что, казалось, могут выпасть из глазниц, но она так и

не нашлась, что сказать.

— Разве ты не любишь его? — спросила Фелин. — Может, стоит попытаться?

— Очевидно, что нет, — сказала Селендра, с отвращением глядя на гладкую золотую чешую своего изогнутого бедра.

— Как такое может быть? — спросила Фелин.

Селендре нечего было возразить, потому что она-то знала, что действительно исподволь полюбила его. Она опустила голову.

— Ты любишь кого-то еще? — настаивала Фелин.

— Нет, — ответила Селендра.

— Тогда почему нет? Если Шер любит тебя настолько, что отважился бросить вызов матери ради тебя, чего он никогда и ни для кого раньше не делал… — «Чего он не сделал бы ради меня», — подумала Фелин, мысленно вздыхая, хотя и была теперь суждена Пенну, — тогда я думаю, что это твой долг — постараться полюбить его.

— Благородна ведь совсем этого не хочет? — спросила Селендра, с глазами, круглыми от ужаса.

— Нет, не хочет, — улыбнулась Фелин, показывая чуточку острых белых зубов. — Но если бы это было обычным для Шера легкомысленным

увлечением, он бы уже исчез к этому времени, отвлекшись на кого-то еще. Но он все еще здесь, и все еще смотрит на тебя в церкви. Моя дорогая, разве ты не понимаешь, что так поступать с ним — это жестоко? Неужели ты его совсем не любишь?

Селендра вспомнила о том, что говорила Эймер. Возможно, если бы он к ней прикоснулся… Но ведь он был так близко. Сердце ее почувствовало его близость, но чешуя — нет. Наверняка если сердце откликнулось, то и окрас должен был измениться, если бы только мог?

— Он очень мне нравится, но это невозможно, — пробормотала она едва слышно. — Мне так жаль, Фелин, я бы полюбила, если бы могла, но я не могу.

— Большинство драконих в твоем положении были бы только счастливы, если бы за ними увивался некто Благородный, — сказала глубоко разочарованная Фелин.

— Нам, самкам, дано так мало власти, — вздохнула Селендра. — Только выбирать — принять или отвергнуть возлюбленного. И даже тогда мы должны ждать, пока они не спросят. Ты предлагаешь мне подумать о его богатстве и положении и не принимать во внимание, что я чувствую.

— Нет. Ничего подобного. Хорошего материального положения достаточно для счастья, как я очень хорошо знаю. Но это не относится к тому, что я пытаюсь тебе сказать: если бы ты могла полюбить Шера, твой долг — выйти за него и сделать его счастливым, — сказала Фелин.

— Если бы я могла его полюбить, я бы вернулась с пикника с пылающей розовой чешуей, — сказала Селендра резко.

— Но ты хотя бы поговоришь с ним? — спросила Фелин.

— Он не пытался заговорить со мной, — ответила Селендра.

— Он хочет отправиться полетать с тобой глубокозимним утром, — сказала Фелин. — Ты согласна?

Селендра взглянула на нее со слезами, которые блестели в ее лавандовых глазах.

— Конечно, согласна, — сказала она.

Фелин хотела ее обнять, но не решилась. Есть в Селендре какая-то отстраненность, подумала она, что-то, что не дает полюбить ее, как положено сестрам любить друг друга. Может быть, это же не дает ей полюбить Шера, что любая драконица сделала бы не задумываясь.

Селендра старалась сморгнуть слезы с глаз и ду-

мать о новой шляпе, а не о том утре Глубокозимья, о Шере, о числах Эймер, и своей непокорно-золотой чешуе.

XII. Высшее общество

45. Третье признание

На третьей неделе Ледозимья Себет снова очутилась в исповедальне старой церквушки в Скамбле. Как обычно — вечером, после службы. Себет исповедалась и получила отпущение.

— Есть ли новости? — спросил преподобный Калиен, отнимая когти от ее глаз.

— Хорошие новости, Преподобный, — сказала она. — Эйван полностью поменял решение. Вчера он и слушать не хотел моих предложений сохранить несколько жилых домов, а сегодня он определенно собирается сохранить половину Скамбла, включая эту улицу.

Священник удивленно моргнул.

— Что заставило его передумать? — спросил он.

— Я не знаю, Преподобный. Это случилось в одночасье, на следующий день после того, как я была у вас в прошлый раз. Я так беспокоилась обо всем этом, а ему было совсем неинтересно меня слушать. Как вдруг он перестал слушать кого-либо еще и спросил, какие у меня есть предложения. Они ему понравились, и большинство их будет включено в новый план.

— Ты уверена? — Темные глаза Калиена завертелись быстрее.

— Я два раза его переписывала, — сказала Себет, безотчетно напрягая пальцы, чтобы припомнить. — Верхняя часть, возле железнодорожных путей, у грузовых дворов, будет полностью снесена и перестроена в склады.

— Я и не надеялся спасти тот район, это такие трущобы, — сказал священник. — Кроме того, хотя там и нашли прибежище самые бедные обитатели города, никто не должен жить в шуме маневровых локомотивов. Так все и надо делать, по моему разумению.

— Эйван говорит, что дома там почти без заглубления, драконы просто сидят поверх почвы и глины, — сказала Себет, содрогаясь при мысли об этом.

— Нельзя презирать бедных за то, что им приходится выносить, — сказал Калиен назидательно. — Нельзя презирать слуг, ибо не сами они связали свои крылья.

— Нет, Преподобный, — покорно ответила Себет.

— А что будет с другими участками в Скамбле?

— Они в безопасности, — сказала Себет, и глаза ее загорелись, как пара голубых звезд. — Департа-

мент же занимается не только планированием, но и благоустройством, поэтому Эйван собирается использовать часть денег, вырученных от устройства складов, для благоустройства того, что остается. Снесут только самые ветхие дома, а на их месте построят новые, получше, и разобьют небольшие садики у реки. Он надеется оживить весь район. Будут выделены гранты для тех, кто готов работать над улучшением своих жилищ.

— А здание церкви?

— Эта улица останется нетронутой, — гордо сказала Себет. — Я убедила его проложить границу складов немного севернее.

— Отличная работа, — сказал священник. — Это должно быть чудо святого Камрана, что он так внезапно передумал, когда я уже оставил все надежды хотя бы на то, что тьма не опустится нам на голову. Благословляю тебя, сестричка, ты славно потрудилась. — Тут он нахмурился, и Себет не понимала — почему.

— Благодарение Камрану, — сказала она, склоняя голову.

— Ты уверена, что Эйван имеет право принимать решения? Что план Департамента Планирования не будет пересмотрен другими департаментами? — тревожно спросил Калиен.

— Я переписывала документы, которые это регулируют, снова и снова. Некоторые из них датируются временами до Нашествия и первого основания Ириета. Он уверен, и я тоже.

— Ты узнала что-нибудь об основании Ириета? — спросил он.

— Только то, что мы уже знаем. Что он был основан после Нашествия, когда мы потерпели самое крупное поражение от Яргов и они хотели согнать нас всех вместе и отгородиться от нас, как фермеры отгораживают свиней от баранов. — В голосе Себет звучала легкая горечь.

— Некоторые говорят, что Ириет был городом еще до этого, — сказал Калиен с легким, но очевидным укором.

— В старом уставе упоминается Великий Томалин, — согласилась Себет.

— Кто может знать наверняка о такой старине? — сказал священник. — Это милость Джурале, что Ярги уже тогда познали богов и принесли их нам, вместо того чтобы перебить нас всех, как могли бы.

— Да, Преподобный, — сказала Себет.

Они посидели минуту в молчании, раздумывая об обращении драконства Яргами, что для них самих было истиной, но большинством правиль-

но мыслящих драконов рассматривалось как худшая ересь. Затем Калиен снова озаботился.

— Может ли Департамент Планирования отменить решение Эйвана? — спросил он.

— Ну, вообще-то может, но думаю, что не в этом случае, — ответила Себет.

— Почему нет?

— Лирален поручил этот проект ему одному, и его успешное выполнение будет засчитано как достижение Лиралена. Это он представит план Правлению, а Правление всегда принимает предложения Лиралена. Обычно внутри Департамента есть конкуренция, но теперь, когда Эйван совсем недавно одержал победу над Кестом, он стоит выше них всех.

— Хорошо… — Калиен поколебался и спросил с тревогой в глазах: — Кест больше не доставляет неприятностей?

— Кест доставляет неприятности так же легко и естественно, как другие драконы летают, но сейчас это все инсинуации, Преподобный, — Себет продолжила плачущим тоном, имитируя Кеста: «Хотя Эйван напал на меня сзади и без предупреждения, я поклялся поддерживать его и не позволю словам о растратах и симонии слететь с моих губ из уважения к нему».

Жрец рассмеялся.

— Верно, немного друзей он завел таким способом.

— Именно, — подтвердила Себет.

— Тогда сообщи мне, когда вопрос будет передан Правлению, и мы все соберемся, чтобы вознести хвалу богам за наше избавление, — сказал он.

— Благодарю вас, Преподобный, обязательно, — сказала Себет, вставая и собираясь уходить.

— Погоди, — сказал Калиен. — У меня есть еще новость для тебя.

Себет покорно ждала, склонив голову.

— Твой отец очень болен, — сказал он.

Себет вскинула голову, и в глазах ее вспыхнул голубой огонь.

— У меня нет отца, вы знаете это, — сказала она. — Вы знаете, как он отверг меня, когда больше всего был мне нужен, вы знаете, что случилось со мной и какую жизнь я прожила. Вы и другие преподобные помогли мне тогда. Нет у меня иного отца, кроме Вельда, нашего общего отца. Вы знаете это.

— У тебя есть и земной отец, признаёшь ты его или нет, и он очень болен, — сказал Калиен успокаивающе. — Церковь учит прощать все грехи.

— Прощать все грехи, которые грешники признали и в которых раскаялись, — сказала Себет. — Он никогда этого не сделает. Мне не нужно его прощать.

— Ты разве Вельд, чтобы знать, что он таит в своем сердце?

— Нет, Преподобный, — сказала Себет, но не склонила голову в знак подчинения. — Он, может, и раскаялся, но он причинил мне огромное зло, и я не могу его простить.

— Это грех, в котором тебе следовало признаться на исповеди, — сказал священник строго.

— Да, Преподобный, но, когда я была в беде, он сказал, что у него достаточно драгонетов, и бросил меня, — продолжала Себет без признаков раскаяния. — Камран, может, и простит его, и Джурале, по мудрости своей, но, если бы он поступил так с ними, даже у них были бы сомнения.

— Как бы то ни было, он болен, и говорят, что он ищет тебя.

— Меня? — сморгнула Себет. — Он сказал…

— А я сказал, что он может раскаиваться в том, что говорил, — мягко прервал ее священник.

— Как вы можете это знать?

— Мне рассказывают разное. Я слышал, что он близок к концу своей жизни и разыскивает

тебя. Я говорю тебе это. Ты должна поступить так, как считаешь правильным. Если не можешь простить его за прегрешения против тебя, может быть, тебе следует подумать о том, чтобы привести его к истинной исповеди, наконец.

— Вы имеете в виду взять вас с собой, чтобы повидаться с ним? — спросила Себет.

— Если ты пойдешь, тебе следует пойти одной, но попроси его повидаться со мной или с другим священником. Он, может быть, готов выслушать нас. Камран уже подарил нам одно чудо. Может быть, он подарит и другое. Любая спасенная душа — это благословение, а некто с таким высоким положением — пример для других.

— Он никогда не обратится открыто, — сказала Себет очень уверенно. — О, Преподобный, я не хочу его видеть. Я должна его простить, но не могу, а видеть его, когда я так к нему отношусь, — будет большим ударом для нас обоих. Если он хочет меня видеть, то наверняка для того, чтобы получить прощение, а я не могу его дать.

— У тебя может быть не так много времени, чтобы подготовиться, — сказал Калиен. — А теперь ступай и подумай о том, как ты хочешь поступить.

Себет собралась, сняла мантилью и вышла на

улицы Скамбла. Она пришла в церковь, чуть ли не приплясывая от радости, что спасла Скамбл, а уходила, волоча ноги и хмурясь так сильно, что даже уши сдвинулись вперед.

46. Четвертое предложение

Даверак не оправдал ни худшие страхи Эйнар, ни ее лучшие надежды. Он не винил ее в смерти Беренды и не проводил ее вежливо на ближайший утес, посоветовав убираться восвояси. Он не сожрал ее при первой же возможности и не потребовал, чтобы она вышла за него замуж, чтобы занять место сестры, как было в одном из ночных кошмаров, случившихся у нее в первую же ночь после смерти Беренды. Он также не настаивал, чтобы она продолжала спать в пещере, где умерла Беренда, предоставив ей другую спальную пещеру, как только она упомянула, как нелегко ей оставаться в прежней. С другой стороны, он не дополнил ее приданое, как обещала Беренда Досточтимому Лондаверу. Все, что он сказал, так только то, что подумает об этом, когда уничтожит ее брата.

Ей предоставили честную долю тела Беренды, и Ламит позже измерила ее длину, установив, что она достигла двадцати пяти футов. Даверак, который вместе с детьми, естественно, получил бóльшую часть, тоже подрос, достигнув почти пятидесяти футов.

Она осталась в Давераке, помогая вести хозяйство, смотреть за драгонетами, заботиться о яйцах Беренды, стараясь улучшить жизнь слуг и драконов поместья тихо, не привлекая внимания Даверака. Драгонеты не могли до конца понять своей утраты и старались держаться к ней поближе, видя в ней замену матери. Досточтимый Лондавер нанес визит на следующий день после возвращения Даверака и провел короткое время, запершись с ее зятем, но с ней так и не поговорил. Она была удивлена, когда неделю спустя, в первый ясный день после нескольких дней снегопада, он нанес новый визит и спросил ее.

Она вышла к нему в элегантно убранную парлорную, куда Ламит его проводила. Он неловко стоял у камина, делая вид, что любуется агатовой вставкой. В нем уже было полных тридцать пять футов, темная чешуя отполирована до блеска. Под мышкой он держал книгу. Он должен был выглядеть величественно в этой парлорной, а выглядел неловко.

Эйнар остановилась в проходе, будто не планировала задержаться дольше, чем на минутку.

— Сиятельный Даверак улетел в Агорнин по делу, — сказала она.

— Я пришел повидать именно тебя, Эйнар, —

сказал он.

Эйнар не хотела облегчать ему жизнь.

— Вы что-то хотели мне сказать, Досточтимый Лондавер?

Его зеленые глаза встретились с ее, и впервые за время их знакомства она почувствовала, что начинает возбуждаться.

— Эйнар, ты знаешь, что я люблю тебя, — сказал он. — Я говорил тебе это на горе в прошлый раз. Я считаю себя связанным с тобой, что бы ты тогда ни сказала. Но Даверак…

— Я знаю. Он отказывается пополнить мое приданое теперь, когда Беренда мертва, — сказала Эйнар, делая шаг в комнату. — Он мне сказал об этом.

— Я хочу на тебе жениться, но просто не могу себе этого позволить. Я объяснил тебе это ранее, — сказал он сдавленным от отчаяния голосом. — Нам придется подождать.

— Подождать? Чего? — спросила Эйнар.

— Когда умрет один из моих дядей и оставит мне сколько-то золота, или кто-то из твоих родственников сделает то же самое. — Свой план он излагал не очень уверенно. — Или я могу отправиться в Ириет или другой город на поиски удачи — хотя это не очень пристало мне, потому что я

Досточтимый, правда же? — Лондавер неловко переминался с ноги на ногу.

— Я не могу себе представить, что ты займешься торговлей или поступишь в казенное учреждение, как мой брат Эйван. Единственная удача, на которую ты можешь рассчитывать, это богатая невеста, — сказала Эйнар.

— Я никогда не встречал никого, кто бы мне нравился так, как ты, — сказал Лондавер просто и искренно. — И ты такая умная. А сам я не очень-то умен. Но ты — то, что мне нужно. Ты можешь быть умной за двоих. Я думаю о том, что ты говорила, о звездах и о хорошем обращении со слугами. Я согласен с тобой тем больше, чем больше об этом думаю. Мне бы хотелось узнать больше, что ты думаешь о разных вещах. Я не хочу жениться на другой.

— О, Лондавер, — сказала Эйнар, немедленно смягчившись сердцем. Она непроизвольно сделала еще один шаг по направлению к нему.

— Только мы должны подождать, — сказал он, предупреждающе выставив коготь, чтобы остановить ее.

— Я подожду, — сказала она, оставаясь на месте. — Но ждать неопределенно долго без того, чтобы твердо знать, чего ждешь, очень трудно.

— Ты можешь поменять свое решение в любое время, — сказал он быстро. — Если кто-то еще сделает тебе предложение. Я думал, что скажу тебе, что в этом случае я никогда не женюсь на другой, как говорят герои в историях и как я сам хотел бы сказать. Но, конечно же, мне придется жениться, из-за семьи, понимаешь? Если ты наследник, у тебя есть обязательства, что бы ты сам ни чувствовал. Но я вечно буду жалеть об этом.

— Так что, мы скажем всем, что мы ждем? — спросила Эйнар.

Лондавер минутку подумал, вращая глазами.

— Нет, думаю, не стоит. Это только все осложнит. — Он вздохнул. — Как жаль, что я не могу просто полететь и забрать золото какого-нибудь города Яргов, а потом вернуться и жениться на тебе. В старые дни жизнь была куда проще. Иногда мне ненавистна сама мысль о золоте. Но если мы поженимся сейчас, нам уже скоро придется начать тратить наше ложе. Ты же знаешь, что Лондавер — не очень богатое место, и мы предпочитаем вести себя честно по отношению к слугам и фермерам.

— Я восхищаюсь этим, — сказала Эйнар искренне.

— Ты так прекрасна, — сказал Лондавер. — Я

принес тебе книгу. — Он застенчиво протянул книгу, а она нерешительно взяла ее.

— «*Порабощение слуг*», Калиен Афелан, — прочитала она.

— Это книга моей матери, — сказал Лондавер. — Я подумал, что ты захочешь ее прочитать, из-за того, что ты говорила.

— Спасибо, — сказала глубоко тронутая Эйнар.

— Ждать будет непросто, — сказал Лондавер, вздыхая.

После его ухода она почувствовала, что расположена к нему гораздо сильнее, чем после его первого предложения, но ощущает себя обрученной невестой еще меньше, чем в прошлый раз.

— Что он сказал, ‘Чтен? — спросила Ламит, когда Эйнар вернулась в свою новую комнату. Месяц в качестве личной служанки Эйнар и неделя без Беренды в доме помогли Ламит расслабиться, так что теперь она была едва ли не фамильярна наедине с Эйнар.

— Он сказал, что любит меня и что мы должны подождать, потому что пока не можем позволить себе жениться, — сказала Эйнар, со вздохом бросаясь на золото.

Фамильярность Ламит еще не зашла настолько далеко, чтобы она высказала, что думает о

подобного рода заявлении, поэтому она удовлетворилась усмешкой и взялась за кусок овчины, чтобы отполировать чешую хозяйки до самого яркого блеска, насколько было в ее силах.

47. Первые слушания

В Ириете Хатор и Эйван вместе шагали через квартал Торис по направлению к Судебной Палате. Хатор, который выглядел внушительней, чем был на самом деле, ступал уверенно. Эйван шел как дракон, которому стоит усилий не молотить хвостом налево и направо.

— Незачем так нервничать, — сказал Хатор. — Это только предварительные слушания, чтобы решить, принимать ли иск.

Эйван попытался улыбнуться, но знал, что глаза выдают его ажитацию.

— Ты мне это сказал уже шесть раз.

— Почему ты так беспокоишься? — спросил Хатор ободряюще. — Я не понимаю. Это Даверак и его дорогущие адвокаты должны нервничать. Все говорит в нашу пользу.

— Уже из-за того, что мы туда идем, — признался Эйван делано легким тоном. — Ты столько раз уже был в суде. А я — провинциальный дракон, и все это мне в новинку. Настоящая власть.

— Власть — да, но она сводится к процедурам. Бóльшую опасность для тебя представляют твои коллеги, которые хотят занять твою должность

в Департаменте Планирования. Сиятельный Даверак, вероятно, сегодня даже не появится, — сказал Хатор.

— Я не боюсь Даверака, — фыркнул Эйван. — Это просто нервный приступ из-за тех историй, что рассказывала мне няня.

— Как только мы туда войдем, ты успокоишься, — сказал Хатор, стараясь быть убедительным, но голос его совсем не был уверенным.

Их путь лежал мимо знаменитой пивоварни Мальнасимена, которая в этот день испускала такой густой запах дрожжей, что хоть когтями воздух рви.

— Я слышал, что готовится решение вывести пивоваров из города, — сказал Хатор совершенно другим голосом.

— Прекрасная идея, — давясь, ответил Эйван. — Пиво — это благословение Джурале, но пивоварение — отвратительно.

— Так в Департаменте Планирования про это ничего не слышно?

— Петиция на этот счет ходила весь прошлый год, но делается ли что-нибудь в департаменте — я не слышал.

Уверенность Эйвана росла по мере того, как он говорил это. Вращение глаз его замедлилось,

хвост успокоился, и он ускорил шаг настолько, что поверенному приходилось семенить на своих коротких ногах, чтобы не отстать.

— Это не мой отдел, но я думаю, что Мальнасимены владеют старинной хартией, которая дозволяет им варить пиво из воды реки Торис. Они также утверждают, что пиво тяжелое и плохо переносит перевозку, поэтому, если мы не хотим пить пиво качеством ниже и стоимостью выше, нам придется оставить их в покое. Другие пивовары говорят то же самое, только не размахивают хартией, потому что у них ее нет.

Адвокат помолчал, глядя на клиента оценивающе.

— Значит, они остаются? — спросил он.

— Предполагаю, что они будут продолжать варить здесь пиво, а драконы будут продолжать писать петиции, даже когда наши внуки станут отцами, — сказал Эйван. — Но это мои догадки, а не официальная позиция Департамента Планирования.

— Для некоторых драконов твои догадки — на вес золота, — сказал Хатор.

— Хотел бы я не знать никого из этих драконов, — с горечью ответил Эйван.

Хатор снова побуравил его взглядом, но ничего

не сказал. Наконец они завернули за угол и тут же оказались у Большой Палаты Правосудия. Вход в огромную пещеру был украшен вырезанными в камне сердцами, цветами и другими символами правосудия. Эйван замедлил шаг.

— А теперь прими от меня совет, — сказал Хатор, клацнув зубами для привлечения внимания. Эйван повернулся к нему и уставился в глаза поверенного. — Будь спокоен. Будь уверен. Когда ты говоришь о своем деле — ты очень уверен в себе, и я не понимаю, почему мое дело причиняет тебе…

— Я просто недостаточно в этом разбираюсь, как я уже сказал, — моргнул Эйван, усилием воли держа хвост неподвижно. — Я знаю, что судьи не прикажут меня съесть, но это в их власти. Закон гласит, что драконы вроде меня могут получить возмещение ущерба от драконов, которые сильнее нас, но судьи могут приказать любому драться с любым в любое время.

— Это все из-за письма Даверака? Уверяю тебя, оно поможет нашему иску доказать наличие запугивания. Он, может, и угрожал ободрать тебя до костей, но это же доказывает, что он точно так же угрожал и твоим сестрам и так заставил их выйти из иска. Не волнуйся! — сам того не желая,

Хатор придал голосу оттенок нетерпения.

— Дело не в этом, правда, — сказал Эйван. — Но погляди, — он указал на портал. — Его же намеренно сделали устрашающим, и он меня устрашает.

— Это сделано, чтобы устрашать правонарушителей и драконов, которые занимаются сутяжничеством, — сказал Хатор. — Ты — ни тот и ни другой. Однако важно произвести хорошее впечатление на судей. Будь спокоен. Прежде всего, ты не должен выглядеть виноватым или обеспокоенным. Оставайся мыслями с Ириетом и проблемами пивоварения. Когда ты говорил об этом, любому было понятно, что твои помыслы чисты.

Эйван рассмеялся. Хатор кивнул охраннику у ворот, который узнал его и сразу же почтительно поднял шлагбаум. Оба дракона вошли и начали спускаться.

Суд находился глубоко под землей в естественной, но еще искусственно расширенной пещере, каких в Ириете совсем немного. Хатор повел Эйвана мимо вырезанных в камне сцен отправления Правосудия. Здесь судья поднял в руке все еще истекающее кровью сердце, там Ярг и два величественных дракона переговаривались, стоя

над цветком. Эйван знал, что дергаться при виде их глупо. Он был так решительно настроен все это время, что было бы нелепо поджать хвост сейчас.

Хатор оставил Эйвана сидеть в нише прямо напротив огромного круглого зала заседаний, а сам поспешил, чтобы посовещаться с судебным писцом и другими поверенными. Эйван старался думать о работе, как предложил Хатор, но поймал себя на том, что не может не оглядывать величественные судебные палаты. Лирален с энтузиазмом одобрил план для Скамбла, и скоро он должен пройти через Правление. Это что, один из судей входит? Нет, просто еще один писец. Он не мог усидеть на месте, но постепенно притерпелся, даже заскучал.

Спустя маленькую вечность Хатор вернулся, чтобы забрать его, и повел мимо охранников к плите, расположенной примерно в четверти пути, лежащего вокруг зала заседаний.

— Тебе не нужно ничего делать, кроме как ответить, что ты здесь, — спокойно напомнил ему Хатор. — Если обращаешься к судье, титуловать его следует — Достопочтенный, так, будто они — древние герои.

Прямо перед ними поднимался пролет гранит-

ной лестницы, который венчали три огромные ступени. Над ними располагалось еще одно панно из сердец, цветов и свернутых овечьих шкур. На том же расстоянии от них по другую сторону зала суда располагалась еще одна плита, за которой стояли трое поверенных, незнакомых Эйвану. Писец в длинном овечьем парике терпеливо ждал перед ступенями. За ними скрывался вход из коридора со стражниками. Потолок казался настолько высоким, что Эйван даже задумался, насколько эта пещера была естественной. Хатор ткнул его, и он торопливо перевел глаза на зал заседаний.

Трое судей наконец-то вошли друг за другом. Они заняли свои места на трех верхних ступенях. Один судья — в черной чешуе, второй — в бронзовой, а третий — в ржаво-бронзовой, почти зеленой. На головах у них красовалось нагромождение белых завитков — знаменитые судейские парики. Сперва Эйван задрожал перед ними, видя обнаженную мощь закона, который может распорядиться расчленить его и съесть. Хатору легко было говорить, что его офис представляет большую опасность, там его клыки и когти что-то значили, здесь же они — ничто перед когтями и клыками судей и стражников, которые будут

выполнять их желания.

Хатор разложил на плите перед собой три своих парика. Другие адвокаты натянули свои парики на головы. Парики различались между собой. Эйван, не имевший раньше дел с правосудием, не знал назначения ни одного из них.

— Почтенный Эйван Агорнин в гражданском процессе против Сиятельного Даверака из Даверака, касательно намерений скончавшегося Досточтимого Бона Агорнина, — внезапно затянул нараспев писец, зажав бумагу в когтях.

— Присутствуют ли они? — спросил средний, бронзовый судья.

Хатор натянул на голову самый маленький и самый туго скрученный парик и поднялся.

— Почтенный Эйван Агорнин здесь, — сказал он, указывая на Эйвана, после чего снова сел.

— Вы — Почтенный Эйван Агорнин? — спросил центральный судья Эйвана.

Эйван поднялся и поклонился.

— Да, Достопочтенный, — сказал он гораздо более слабым голосом, чем планировал. Хатор выставил коготь, чтобы усадить его.

В другом конце зала, отдающем эхом, поднялся молодой дракон в точно таком же парике, что и у Хатора.

— Сиятельный Даверак из Даверака не присутствует, но оспаривает иск и готов появиться на следующем заседании, если будет установлено, что по иску следует отвечать.

Хатор быстро поменял парик на тот, который лежал в центре, кудрявый, и снова поднялся.

— Вопрос, Достопочтенные, — сказал он.

— Что такое? — спросил судья в черной чешуе, сидящий слева, скучающим голосом.

— Если Сиятельного Даверака так мало заботит этот иск, может быть, его следует решить немедленно в пользу моего клиента, — сказал он. Эйван изумленно посмотрел на него.

По противоположную сторону зала поднялся дракон в таком же кудрявом парике, что и Хатор.

— Возражаю, Достопочтенные, — сказал он.

— Ваше возражение? — поинтересовался судья. Что-то странное было в том, как он это спросил.

— В деле Салака против Клетсима было установлено, что ответчики в гражданских делах не обязаны присутствовать на них до тех пор, пока не будет установлено, что на иск необходимо отвечать, — чтобы не убивать время важных драконов на пустые иски.

— Под угрозой того, что возбуждающие такие иски будут сами убиты, — сказал судья в черной

чешуе. Все подобострастно рассмеялись, кроме Эйвана. Он понял, в чем заключается странность. Они говорили как драконы, произносящие ритуальные слова на церковной службе. — Возражение принято. Продолжим?

Хатор подскочил, поклонился и снова уселся.

— Есть ли у вас документы, которые вы хотите представить? — спросил судья в бронзовой чешуе.

Хатор снова натянул первый маленький парик и прошел к ступеням с пачкой бумаг. Молодой дракон с другой стороны сделал то же самое. Хатор вернулся и сел рядом с Эйваном.

— Что происходит? — прошептал Эйван.

— Это важная часть. Они уже видели бумаги, теперь они вместе проверят их, а затем скажут, что иск правомерен, и назначат дату слушания.

— А что было раньше, когда ты возражал против отсутствия Даверака здесь? Мне казалось, ты сам говорил, что его не будет.

— Ритуал. Мы должны все это делать, но я знал, что должно произойти. Не беспокойся.

Эйван больше не беспокоился, теперь ему было любопытно.

— Почему у тебя три парика?

— Поверен-парик, для того чтобы устанавли-

вать для суда простые факты, например твою личность, или для передачи бумаг, — сказал Хатор, указывая на маленький парик на своей голове. — Запрос-парик, для того чтобы делать запросы и возражения. Потом вот этот, — он указал на третий, самый большой парик, почти такой же сложный, как судейский, на который пошло шерсти с целого барана. — Это защит-парик, для того чтобы говорить со свидетелями и делать заявления по иску.

— А почему три дракона напротив каждый носит свой парик? — спросил Эйван.

— Я говорил тебе, что он нанял дорогих судебных экспертов, — сказал Хатор. — Это только доказывает, что он обеспокоен. У него есть поверенный, запрашиватель и Заявитель, которым у него Досточтимый Джеймани, один из лучших заявителей в Ириете. Поверенный в запрос-парике — это Мустан, довольно неплохой дракон, хотя молодой и запальчивый. Третьего, в поверен-парике, я не знаю, возможно, это один из партнеров Мустана или его помощник.

— Это дает ему преимущество? — спросил Эйван, уставившись на трех адвокатов противной стороны. — То, что они не должны менять свои парики? Нам не надо кого-нибудь еще нанять?

— Нет, определенно нет. Я думал об этом, и так нам будет лучше. Это не дает им такого преимущества, как он думает. В некоторых процессах — да, но не в этом. Я говорил тебе, это означает, что он, или хотя бы его поверенный, обеспокоен. Он знает, что все когти — на нашей стороне, поэтому пытается произвести впечатление париками. На втором слушании самое важное, что думают присяжные. У нас будет жюри присяжных из горожан, половина которых будет на твоей стороне. Мы хотим установить некоторые вещи: во-первых, что это вопрос о намерениях твоего отца, во-вторых, что Даверак — богатый задира, а ты трудолюбивый дракон, сам себе прокладывающий дорогу, которого надули с наследством. Видишь, как это выглядит — я меняю парики и надрываюсь для тебя один, а на его стороне сидят развалясь три адвоката.

— В твоем описании это больше похоже на театр, чем на правосудие, — сказал Эйван, наполовину разочарованный.

— Так и есть, — сказал Хатор яростным шепотом. — Это и есть театр. Смотри, как я работаю с париками. Когда это не имеет значения, я меняю их так ловко, что не заметишь, но когда я начинаю путаться с ними, это для того, чтобы

показать, что на тебя работает только один поверенный, а на него трое. Или чтобы сделать небольшую паузу для жюри, чтобы они подумали о том, что только что было сказано. Увидишь. Это все работает на нас.

— Я начинаю понимать, почему ты считал меня бараном из-за того, что я всего этого боялся, — сказал Эйван.

Хатор нахмурился.

— Нет, это правильно, что драконы, которые не знакомы со всем этим, питают определенное почтение к суду. Это тоже часть театра. А теперь тихо, судья собирается провозгласить.

Старый бронзовый дракон, который сидел как статуя дракона на пьедестале с тех пор, как вошел, поднес коготь к парику и поднялся на ноги.

— Мы считаем, что иск правомерен и на него следует ответить, — сказал он дрожащим шепотом и сел обратно.

— Вопрос, — немедленно вскочил на ноги адвокат Даверака в запрос-парике.

— Что такое? — вновь спросил черночешуйный судья.

— Мы хотим запросить обязывающий ордер для свидетеля Преподобного Пенна Агорнина.

— Почему? — спросил судья с тонкой нитью

любопытства, украсившей его обычно скучающий тон.

— Он отказался делать заявление и давать показания, а мой клиент считает его свидетельство жизненно важным.

— Возражения? — спросил судья, глядя на Хатора и Эйвана.

Хатор поднялся, уверенно водрузив запрос-парик на голову.

— Возражений нет, но мы бы хотели получить аналогичный обязывающий ордер для Почтенных Эйнар и Селендры Агорнин, поскольку опасаемся, что их запугали и заставили отказаться от участия в иске моего клиента и от дачи показаний.

Черный судья явственно моргнул. Бронзовый слегка наклонился вперед. Ржавый не двигался.

— Кто запугал? — спросил, наконец, черный.

— Это будет установлено в ходе разбирательства, — сказал Хатор уверенно. — Ответить на этот вопрос сейчас означало бы выдвинуть необоснованные обвинения и поставить под сомнение те свидетельские показания, которые мы желаем привлечь.

Черночешуйчатый судья обменялся взглядами с двумя другими.

— Хорошо, — сказал он спустя мгновение. — Прошение удовлетворено. Все три удовлетворены. Четверо выживших детей Бона Агорнина будут собраны вместе, чтобы дать показания, или будут обвинены в неуважении к суду и подвергнуты суровому наказанию. Необходимые документы получите у писца.

— Дело будет рассмотрено двенадцатого дня месяца Глубокозимья, — сказал бронзовый судья.

Он перевел взгляд с Хатора на адвокатов Даверака, никто из которых не возражал против даты, затем кивнул писцу.

— Первое слушание распущено, — громко произнес писец. Судьи покинули зал через свою дверь. Хатор и другие адвокаты поспешили к писцу за бумагами. Эйван ждал, теперь скучая, ничуть более не страшась грозной славы правосудия.

XIII. Глубокозимье в Бенанди

48. Четвертое признание

В последний день месяца Ледозимья почту в приходский дом Бенанди доставили, как обычно, к завтраку. В этот день в почте оказалось два конверта с позолоченной кромкой, Обязывающие Ордеры для Пенна и Селендры, предписывающие им явиться в суд Ириета на двенадцатый день Глубокозимья.

Пенн, читая этот ордер, не мог унять дрожи в когтях. Величественный язык документа произвел на него должное впечатление подобно тому, как судебный церемониал произвел впечатление на его брата. «Где ты будешь говорить правду, когда спросят», прочитал он, и «будешь признан виновным в неуважении к суду и подвергнут суровому наказанию», и «принять все последствия законного решения».

Некоторое время он смотрел на ордер, пытаясь успокоиться, но, прежде чем он почувствовал, что уже может контролировать вращение глаз, заговорила Селендра.

— Я должна отправляться в Ириет! — сказала она.

Пенн посмотрел на сестру поверх своего ордера.

Ее фиалковые глаза сияли. Она выглядела много счастливей, чем долгое время до того.

— Ириет! — сказала Фелин. Она никогда не была в Ириете. — Зачем?

— Не может быть, чтобы Даверак потребовал твоего присутствия, — сказал Пенн, медленно опуская документ на стол.

— Даверак? Это Эйван меня призывает, — сказала Селендра.

— О чем ты говоришь? — жалобно спросила Фелин.

Пенн попытался что-нибудь сказать, но не смог.

— Мой брат Эйван судится с Давераком, мужем Беренды, из-за того, что случилось с телом моего отца, — выпалила Селендра, все еще переполненная невинным восторгом.

Фелин вопросительно посмотрела на Пенна. Самое ужасное в этом взгляде было то, что он не содержал упрека, хотя она могла догадаться, что он знал об этом раньше.

— Все верно, — сказал он.

— Когда ты должен быть в Ириете? — спросила Фелин тоном, не допускающим увиливания. — Будешь ли ты отсутствовать в Перводень?

— Двенадцатого Глубокозимья, — выдавил

Пенн. — Так что я пропущу по крайней мере один Перводень.

— Это уже скоро, — ровно сказала Фелин. — Я напишу Преподобному Хейпу, чтобы узнать, сможет ли он провести службу.

— Мы должны поговорить об этом, — сказал он, осознавая, что действительно больше не может держать Фелин в неведении относительно этого предмета.

— Тебе надо будет выехать десятого, — сказала Фелин, все еще спокойно. — Где ты остановишься в Ириете?

— Мы можем остановиться у Эйвана, — предположила Селендра. — Я всегда хотела увидеть столицу, а он сможет нам все показать — Купол, театр. Думаешь, мы сможем посмотреть какую-нибудь пьесу?

— Я не думаю, что нам следует жить у Эйвана, — сказал Пенн. — У него недостаточно места. — Он вовремя остановился, чтобы не добавить, что Эйван там еще и подружку содержит.

— Тогда где? — спросила Селендра. — Мне кажется, что, кроме Эйвана, мы в Ириете никого не знаем.

Снова та же самая проблема. Будь он один, он мог бы остановиться в клубе, но с Селендрой это

невозможно.

— Остановимся в приличной гостинице, — сказал Пенн после минутного раздумья.

Фелин моргнула при мысли о расходах на две ночи в гостинице.

— Тебе обязательно ехать? — спросила она.

— Я бы отдал все, чтобы избежать этого, — ответил Пенн, передавая ордер жене.

«Все последствия законного решения», — процитировала Селендра, будто смакуя эту мысль. «Женщины, — подумал Пенн уже не в первый раз, — никогда не понимали, что значит жить в постоянном страхе того, что придется драться за свою жизнь». Он принял сан не из-за трусости, а скорее от необходимости добыть средства для жизни, но уже осознал, какие перемены в его образе мыслей вызвали красные шнуры иммунитета. Он часто проповедовал с успехом на тему неопределенности жизни.

— Я попрошу Шера, чтобы он порекомендовал гостиницу, — сказала Фелин.

— Не Благородную? — спросил Пенн.

— Шер, скорее всего, располагает новейшими сведениями, — сказала Фелин.

— Я надену новую шляпу, — сказала Селендра.

— Да неужели, Селендра, обязательно быть

такой светской? — спросил Пенн в раздражении. К его изумлению, сестра ударилась в слезы, а Фелин послала ему взгляд, в котором теперь определенно содержался упрек. Он никогда не поймет женщин, даже если проживет с ними тысячу лет. Фелин выпроводила Селендру, приговаривая что-то о необходимости отдохнуть.

Пенн ждал, полностью потеряв интерес к завтраку. Фелин, вся как сжатая темно-розовая пружина, вскоре показалась в дверном проходе.

— Все ли в порядке с Селендрой? — спросил он.

— Она немного на нервах, но все будет хорошо, — сказала Фелин, проходя в комнату и усаживаясь. — Постарайся больше так на ней не срываться, ей и так непросто.

Пенн нахмурился.

— Я не знаю, что я сказал не так.

— Сейчас это неважно, — сказала Фелин. — Скажи мне, что так пугает тебя в требовании дать показания по этому делу?

Пенн подумал было о том, чтобы позорно увильнуть от ответа, сказав, как больно ему видеть раздор в семье. Но Фелин — это его жена, его спутница жизни, что бы он ни навлек на себя, он то же самое навлекал на нее и на драгонетов.

— Прости меня, — сказал он. — Я сделал нечто

ужасное. Сделал из добрых намерений, думая, что это останется между мной и богами. И как бы то ни было, я должен был сказать тебе, потому что мой поступок ставит всех под удар.

— Всех? — спросила Фелин, растерянно вращая серыми глазами. — Что это значит?

— Когда мой отец умирал, он исповедался мне, исповедался в церковном смысле.

Он увидел по глазам Фелин, что она сразу все поняла.

— Тебе придется сказать об этом в суде?

— Они обязательно спросят, что он сказал, как в точности он это сказал. Они признают, что исповедь священна, конечно, но выплывет то, что я принял его исповедь и отпустил грехи.

— Может суд назначить тебе наказание за это? — спросила Фелин.

— Суд? Нет. Но все станет известно и дойдет до Церкви, и потом они меня вышвырнут, и Благородна сделает то же самое, и мы потеряем приход и все, что у нас есть.

— Но почему ты это сделал? — спросила она.

— Мой отец умирал, и он желал этого, — сказал Пенн сдавленно. Затем он застонал. — Я снова и снова спрашивал себя, почему я был таким глупцом. Я хотел дать ему утешение, ритуал есть в

книгах, просто обычай не велит его использовать. Я думал, это останется в тайне. Боги наказывают меня этим судом.

— Может быть, они тебя об этом не спросят, — сказала Фелин.

Пенн мрачно улыбнулся, показав зубы.

— Это единственная надежда, что у нас есть, и очень слабая. Зачем им вызывать меня, если не для того, чтобы спросить, что мой отец сказал на смертном ложе?

— Если ты потеряешь шнуры, я тебя не брошу, — сказала Фелин. Она поднялась на ноги. — Может быть, твой брат Эйван найдет тебе место в офисе. Может быть, Шер сможет тебя порекомендовать.

— Шер и знать не захочет священника, лишившегося шнуров. Никто не захочет. Подумай, какой это будет позор, — сказал Пенн. — Вам с драгонетами было бы лучше, если бы я умер. Тогда Благородна хотя бы присмотрит за вами.

— У нас есть небольшой запас золота, — сказала Фелин, придвигаясь к Пенну и обнимая его. — Мы переедем туда, где никто нас не знает, и начнем все сначала. Я хочу, чтобы ты был жив и сражался, Пенн, сражался, ради своей жизни, моей, и ради драгонетов. Не сдавайся!

Пенн снова застонал, пряча голову под крылом

Фелин.

— Я тебя не заслуживаю, — сказал он.

— Может быть, если это обычай, а не догмат, Церковь не обратит внимания, — сказала Фелин.

— Они назовут меня старовером, — сказал Пенн. — Без сомнений, меня вышвырнут.

— Я думаю, это очень неправильно — отлучить тебя за то, что ты стремился облегчить участь отца, — сказала Фелин, усаживаясь поудобнее возле мужа.

— Это же моя вина, а не их, — сказал Пенн, утешенный безоговорочной поддержкой Фелин.

— Нет, но ты считал, что поступаешь правильно, — сказала Фелин. Мысленно она уже любовно паковала домашнюю утварь приходского дома, готовая отправиться куда угодно, чтобы начать все заново, без положения и дохода. Она вынесла удар, хотя и очень жестокий, и была готова продолжать жить. — Благородна заберет бóльшую часть слуг, мы можем управиться и с одним.

— А что будет с Селендрой? — спросил Пенн.

Фелин смутилась, вспомнив, что Пенн не знает всей истории Селендры и Шера и тем более того, что они собираются встретиться на следующий день.

— Мне кажется, нам следует подождать и не го-

ворить ей до суда. Несмотря ни на что, это может ничем не закончиться, и мы все будем спасены. А если нет, может, нам удастся договориться с Эйваном, если он выиграет иск, чтобы он взял на себя заботу о Селендре.

— Она все равно будет в восторге от всего, что ей предстоит, — сказал Пенн в отчаянии.

— Она молодая драконица, позволь ей еще немного пожить без забот, как она привыкла. Не мешай ей насладиться поездкой в столицу. Мы так мало можем для нее сейчас сделать, давай оставим ей хотя бы немного времени для радости.

— Я все погубил, — сказал Пенн. — Вся моя жизнь была распланирована и катилась вперед как поезд, и теперь вдруг это — все летит под откос. Даже если они не спросят об этом, во что я не могу поверить, может, мне стоит рассказать Его Святейшеству, представить все в истинном свете?

Фелин поразмыслила над этой нелепой идеей.

— Ты действительно веришь, что согрешил, когда выслушал исповедь отца? — спросила она.

Пенн колебался.

— Я просто хотел дать ему утешение, — сказал он. — Я думал о том, что это против общеприня-

тых правил Церкви, но не считал, что это против воли богов.

— Тогда, если боги думают, что это неправильно, это выйдет наружу на суде, а если нет, ты не должен призывать на себя кару, — сказала Фелин уверенно, насколько хватило духу.

— Ты права, — сказал Пенн и крепко обнял ее.

49. Светская жизнь

В тот же день после полудня Селендра и Фелин полетели на станцию, чтобы отправить с почтой уведомления, подтверждающие, что и Пенн, и Селендра безоговорочно предстанут перед судом.

Фелин была рада оказаться вне приходского дома. Голова у нее раскалывалась от забот и от усилий не дать Селендре и слугам догадаться, насколько все плохо. Как обычно, от холодного ветра под крыльями она почувствовала себя много лучше, но размер проблемы от этого не уменьшился.

— Ты еще не узнавала относительно гостиницы? — спросила Селендра застенчиво, когда они летели назад.

— Я подумала, что ты сама можешь спросить об этом завтра, — сказала Фелин. На самом деле она вообще забыла об этом.

— Ну, хотя бы о чем-то будет легко говорить, — сказала Селендра, слегка охолонув от напоминания. — О, Фелин, мне так нравится Шер, но выйти за него я не могу.

— Раз не можешь, значит, не можешь, — сказала Фелин, гадая, не следует ли все-таки сказать

Селендре, чтобы она, принимая или отвергая Шера, знала, какими могут быть последствия ее выбора. Нет. Шер для нее важнее Селендры, он был ей братом почти всю ее жизнь, а Селендра пробыла ее сестрой только эти последние несколько месяцев. Шеру нужна жена, которая его любит, несмотря ни на что.

Они летели над церковью. Фелин посмотрела вниз и увидела на крыше толстую шапку снега.

— Мне надо смахнуть его, пока он не причинил вреда, — сказала она, ныряя вниз.

— Я помогу, — сказала Селендра. Они спланировали вниз, и от взмахов их крыльев часть снега с крыши плавно сползла на землю.

Обе аккуратно приземлились в снегу и начали чистить крышу с разных концов, молча отдавшись работе. Фелин хотела бы улучшить настроение Селендры, но слишком глубоко погрузилась в собственные невеселые думы.

Когда они уже заканчивали, над их головами пронеслась тень. Селендра подняла голову.

— Это Благородна, — сказала она с удивлением. — Я никогда раньше не видела ее в полете. Я уже начала думать, что она не может летать.

— Тихо, — сказала Фелин с упреком.

Благородна спланировала вниз и тяжело при-

землилась около церкви. На голове ее сидела шляпа из черно-белой овчины, завязанной сверху узлом, вероятно очень дорогая. Выглядела она в ней старой и немного жалкой.

— Я еще с уступа заметила, как прилежно вы трудитесь, — сказала она благосклонно. — Хотела тоже приложить крыло во славу церкви, но вижу, вы уже все сделали.

— Мы высоко ценим ваше предложение, — сказала Фелин.

— Я вас обеих не вижу неделями, — сказала Благородна. Фелин поклонилась, а Селендра опустила глаза. — Как вы поживаете? Есть ли какие-то новости?

Прежде чем Фелин успела вмешаться, Селендра пустилась объяснять историю с иском. Фелин знала, что, как бы то ни было, Благородной следовало об этом знать, ведь Пенна не будет в Перводень и придется искать священника на замену. И все же она бы предпочла рассказать ей сама, по-своему.

— Неслыханно, — фыркнула Благородна. — Я не понимаю, каким образом вы с Пенном оказались в этом замешаны.

— Они не хотели иметь с этим делом ничего общего, их вызывают в суд по приказу суда, — объяснила Фелин, прежде чем Селендра усугубила

ситуацию, сообщив, что Эйван прав.

— Не самое лучшее время года для Ириета, — объявила Благородна, тут же сменив тему, как и рассчитывала Фелин. — И где вы собираетесь остановиться в столице?

— В приличной гостинице, — тут же объявила Селендра.

— Но не у вашего брата, я надеюсь, — спросила Благородна.

— Мы подумали, что не стоит этого делать, — мягко сказала Фелин.

— Да уж, в свете этого иска, вероятно, не стоит, — согласилась Благородна. — Есть неплохая гостиница с разумными ценами в квартале Мигантин, она называется «Державная голова». Находится рядом с церковью Святого Вувьера. Полагаю, она в пределах вашего бюджета, комнаты там небольшие, в самый раз для священника и его сестры.

Фелин не хотела спрашивать Благородную о гостиницах, потому что знала, что Шер бы оценивал в первую очередь удобства и стоимость, а не то, что приличествует. Однако теперь, когда предложение поступило, отвергнуть его было нельзя.

— О, благодарю вас, Благородна, как хорошо, что вы знаете это место, — сказала она, думая, как

хорошо было бы вырваться из приходского дома Благородной и пожить где-нибудь еще, даже если в результате им придется поступиться положением. — Но нам будет нужна гостиница для нас троих, — добавила она.

— Еще и ты, Фелин? — спросила Благородна. — Ты же им не нужна.

— Нет, но мне следует поехать, чтобы содержать Пенна и Селендру в порядке, — сказала Фелин.

— О, как чудесно, — сказала Селендра, улыбаясь. — С тобой будет гораздо веселее, чем с одним Пенном.

— Я не думала, что ты решишься оставить драгонетов, как не решилась, когда умирал отец Пенна, — сказала Благородна, неодобрительно морща морду.

— Драгонеты немного подросли, и есть Эймер, чтобы позаботиться о них, и еще няня.

Фелин почувствовала раздражение оттого, что она будто бы оправдывается. Она же не бросает своих драгонетов на произвол судьбы ради увеселительной прогулки в столицу после того, как использовала их в качестве предлога, чтобы избежать смертного ложа отца мужа, но поскольку в детали она вдаваться не могла, все выглядело именно так.

— Эймер очень хорошо управляется с детьми, — сказала Селендра. — И нам в Ириете будет так весело. Я уверена, что Эйван сводит нас в театр, даже если Пенн будет ворчать. Я всегда хотела посмотреть спектакль.

Фелин неодобрительно нахмурилась. К счастью, Благородна, как и Селендра, не слышала о том, что было известно Фелин — в межсезонье театр представлял что-то непотребное.

— Надеюсь, вы увидите спектакль, и не один. Пенну, конечно, надо будет поспешить вернуться, но, может быть, после того, как дело будет улажено, вы двое сможете остаться в Ириете немного дольше и насладиться столичными радостями. Я-то от них уже устала, но вы же еще там не были, не правда ли?

— Нет, — сказала Селендра. — Я никогда не была. Сначала я была еще слишком мала, а потом отец уже был слишком стар.

Фелин глядела на снег, чтобы не показывать следы старой обиды, которая могла быть в ее глазах. Благородна обещала ей сезон в Ириете, когда она еще была в драконицах, — чтобы немного утешить после истории с Шером. Этот столичный сезон откладывался то по одной, то по другой причине, а потом появился Пенн, и она вышла за

него, так и не повидав столицу.

— Думаю, что провести какое-то время в столице — это как раз то, что тебе нужно, — сказала Благородна. — Я уже давно хотела поговорить с тобой, Селендра. Я знаю, что ты разумная драконица, потому что отвергла глупое предложение моего сына, что он сделал тебе недавно. Я рада, что ты понимаешь, что это было бы невозможно. В Ириете ты могла бы встретить кого-то, кто подходит тебе гораздо больше. Если ты обещаешь мне, что и в дальнейшем будешь так же благоразумна, я приглашу вас с Фелин после остановиться в нашем городском доме в столице на месяц или два.

Фелин знала, что это невозможно, поэтому сразу отвергла предложение.

— Я не смогу оставить драгонетов на такое время, — быстро сказала она.

Фелин смотрела на Благородную, которая держалась, как обычно, уверенно, несмотря на нелепую шляпу. Она наблюдала, как выражение ее морды менялось, и, только когда пауза слишком уж затянулась, повернулась к золовке.

Селендра раскалилась от ярости почти добела. Ее фиалковые глаза вращались так, будто собирались вылететь из орбит.

— Вы имеете в виду, — спросила она, — что подобно тому, как мой отец был недостаточно хорош, чтобы упоминать о нем в приличном обществе, так же и я недостаточно хороша для вашего сына?

Фелин моргнула. Всего несколько взмахов крыльями тому назад Селендра уверяла ее, что для нее выйти замуж за Шера — немыслимо.

— Я говорю, что мир, в котором мы живем, это светское общество, и, как бы ты мне ни нравилась, а также твой брат и твоя невестка, ты должна понимать, что драконица, воспитанная так, как ты, не была бы подходящей женой для такого Благородного Лорда, как мой сын, — сказала Благородна ровным голосом. — Кто ты такая, чтобы стать Благородной Бенанди и управлять огромным поместьем?

— Вы… — Селендра остановилась. — Мне вас жаль, — сказала она с достоинством.

— Так ты не собираешься оставить моего сына в покое? — спросила Благородна.

— Вы не вправе просить об этом меня или его, — сказала Селендра, показывая зубы.

— Селендра… — начала Фелин примиряюще, не зная, как продолжить.

— Я отправляюсь домой, — резко сказала Се-

лендра и полетела в направлении приходского дома, оставляя золотой отсвет на белом снегу и двух старших драконш, глядящих ей вслед.

— Я прошу прощения, — сказала Фелин через мгновение. — Она очень эмоциональна сейчас, после потери отца, а теперь еще и сестры.

— Для меня не было бы лучшей невестки, чем ты, Фелин, и я сглупила, не выбрав тебя, когда была такая возможность, — сказала Благородна, все еще глядя вслед Селендре.

Фелин бы с радостью укусила ее, но смогла рассмеяться вместо этого.

— Прошлогодний снег не вернешь, — сказала она, прибегнув к спасительной пословице.

Благородна только покачала головой.

50. Пятое предложение

Селендра удалилась в свою спальню и никого не впускала. Фелин, которая зашла к ней после возвращения домой, она сказала, что хочет немного побыть одна. Пенну, который и не настаивал, она сказала, что у нее небольшое дамское недомогание и ей надо полежать на золоте. Эймер, которую обеспокоенная Фелин прислала с подношением ее любимых пресервов и пива, она сказала, что не больна, а сердита, и потребовала немедленной и тщательной полировки.

Утром она вышла к завтраку в своем лучшем виде. Каждая пластина чешуи была отполирована дочиста и сияла золотом. Голову она с большим вкусом украсила новой шляпой, к которой приладила найденную в пещере цепочку, мерцающую самоцветами. В тени полей шляпы глаза ее будто потемнели до цвета аметиста. Пенн, погруженный в собственные переживания, ничего не заметил, а Фелин оценила, но не посмела ничего сказать в его присутствии. Съела Селендра всего несколько сморщенных пепинок, не желая замарать чешую кровью. После завтрака она уселась дожидаться, когда за ней придет Шер.

Сказать по правде, она никогда еще не была так сердита за всю свою жизнь. Долгие часы, проведенные в размышлениях в темноте, не успокоили ее. Она припомнила все, что Благородна когда-либо ей говорила, начиная с того самого первого оскорбления памяти ее отца. Ни одного доброго слова, — думала она, — один только эгоизм. Она вспоминала и о словах, сказанных той Фелин, бездумно и бессмысленно жестоких. Как у Благородной мог появиться такой сын, как Шер, добрый и внимательный, оценивающий драконов по их достоинствам? Она была слишком неопытна, чтобы понимать, что Шер формировал себя наперекор матери или что он и сам бывал эгоистичен. Шер так хорош, думала она, что Благородна его не заслуживает. Она вспомнила ее слова: «Кто ты такая, чтобы стать Благородной Бенанди?» Вот о чем она заботилась, поняла Селендра, не о благе своего сына или ее поместья, а только о своем имени и положении. Жена сына потеснит ее, поэтому, хоть сыну и требуется жена для продолжения рода Бенанди, она хочет такую, которой можно будет помыкать. Было бы хорошо наказать Благородную — выйти замуж за Шера и не родить детей.

Селендра решила проучить Благородную. Одна-

ко даже мысль о том, чтобы навредить при этом Шеру, была невыносима. Полночи она думала. Как бы она ни хотела наказать его мать, выйти за него замуж она не может, если числа, о которых предупреждала Эймер, перед тем, как дать ей зелье, сыграют против нее, а все к тому и шло. К утру у нее сложился план.

Шер прибыл вовремя. Он посмотрел на нее с такой любовью и желанием, что сердце ее растаяло.

Они вылетели из приходского дома в прекрасное чистое утро Глубокозимья. Небо бледно-голубого цвета, казалось, простиралось на миллионы миль над их головами. Снег отражал золотой солнечный свет и будто ластился к изгибам деревьев белой поземкой. Морозец был таким кусачим, что они оба с детской искренней наивностью почти поверили, что этим утром взошло не огненное, а ледяное солнце, — и они были рады, что это Глубокозимье и что огненное солнце зажжется этой ночью снова.

Шер не спросил, куда она хочет лететь. Он почти не разговаривал с ней после того, как предложил следовать за ним. Они летели навстречу ветру и горам. Сухой и морозный воздух щекотал ей горло будто ледяными иголочками. Наконец

Шер начал опускаться на высокогорный луг, где летом пасли овец. Она последовала за ним и аккуратно приземлилась, понимая, что под снегом могло скрываться что угодно. Здесь снег лежал глубже, чем в долине, доходя почти до живота.

Шер все еще не выказывал намерения говорить, а просто глядел на нее, пока она уже не могла оставаться спокойной. Селендра вспомнила фразу Эймер о том, что слова, сказанные под ледяным солнцем, остужают уши.

— Прекрасный день сегодня, — сказала она наконец.

— Ты прекрасна, — произнес Шер немного охрипшим голосом. — День прекрасен, потому что в нем есть ты. О Селендра, без тебя все было таким тусклым. Фелин, которая всегда была мне доброй сестрой, посоветовала мне ждать, и я ждал, но все по-прежнему. Я уже просил тебя выйти за меня, не изменился ли твой ответ?

— Есть два условия, прежде чем я соглашусь, — сказала она, следуя своему плану. — Если ты абсолютно уверен, что хочешь именно этого.

— Без всяких сомнений, — ответил он. Недели ожидания сказались на нем. Он казался старше, более уверенным в себе. Барахтаясь в глубоком снегу, он шагнул к Селендре, но она подняла лапу,

чтобы остановить его.

— Первое — это клятва, которую я дала.

— Клятва? — он посмотрел на нее непонимающе.

— Когда я покидала Агорнин, моя сестра-однокладница Эйнар и я поклялись, что ни одна из нас не выйдет замуж, пока другая не одобрит ее выбор.

У Шера явно гора упала с плеч.

— Я думал, что ты имеешь в виду… это ужасно мило, что вы обе так решили. Когда мы поженимся, она должна подольше оставаться с нами. Я с радостью познакомлюсь с твоей сестрой. Как скоро она может прилететь сюда?

— Я не знаю. Мой брат Эйван судится с Сиятельным Давераком, ее опекуном, и мне надо быть в Ириете двенадцатого числа. Она тоже там будет. Может быть, после этого.

— А Пенн тоже отправляется с тобой в Ириет? — нахмурился Шер.

— И Пенн, и Фелин.

— Тогда полетели все вместе. Я велю, чтобы открыли городской дом Бенанди, и мы все сможем остановиться там. Я встречусь с твоей сестрой. Я уверен, что очень скоро она меня одобрит.

Селендра мысленно вздохнула, потому что

согласно ее плану Эйнар должна была отказать в одобрении, помучив хорошенько Благородную. Шер сделал еще один шаг по направлению к ней. Она отступила.

— Не раньше, чем моя сестра одобрит. И еще одно условие.

— Еще одно? Селендра, ты прекрасна в своем золоте, но я хочу увидеть тебя розовой.

— Твоя мать. — Голос Селендры стал тверже.

— Я беру ее на себя, — сказал Шер.

— Я не выйду за тебя без одобрения твоей матери. Она должна обращаться со мной как с равной тебе. Вчера она наговорила мне много неприятного. Ты мне очень нравишься. Когда мы выбрались из пещеры, я думала о том, каким ты был находчивым, каким храбрым, и какие чудесные и смешные слова ты произнес. — Говоря все это, она была совершенно искренней, она улыбалась, и сердце Шера подпрыгнуло. Если бы он был драконицей, он бы порозовел уже только от этих слов. — Но нам предстоит жить в Бенанди, по крайней мере, часть времени, и я не смогу жить с твоей матерью, если она будет считать меня недостойной и все время укорять за это, и вести себя так, будто я — полумертвый олень, уже покрытый мухами, которого ты притащил из

леса. Если мы хотим быть счастливы вместе, она должна принять меня в семью.

Шер моргнул.

— Селендра, мы не обязаны жить с моей матерью. Мы можем навещать ее время от времени на день или два, но мы можем жить где угодно. Кроме этого поместья, у меня еще четыре. Если тебе не понравится ни одно из них, мы можем купить еще одно. Сезон я обычно провожу в Ириете, мы можем и дальше так делать — или не делать, если тебе не понравится. Моя мать не должна играть главную роль в нашей жизни.

— Не должна, но будет, даже если мы постараемся избегать ее. Наши дети, когда они появятся, должны будут знать семью Бенанди. Она будет делать мою жизнь невыносимой при каждой возможности, и жизнь детей тоже, говоря им, что я недостаточно хороша, чтобы быть твоей женой и их матерью. Ты помнишь, что она говорила о моем отце. Я не смогу выйти за тебя, если у вас есть сомнения относительно моей семьи или если твоя мать будет вести себя подобным образом.

— Тогда она примет тебя, — сказал Шер, так решительно выдвинув челюсть, что его друзья и его мать очень удивились бы, увидев это. — В Ириете. Где меня одобрит и твоя сестра.

— О, Шер, — сказала Селендра, любя его теперь без всяких уловок. Он остался на месте, глядя на нее с улыбкой. Селендре казалось, хотя день был все таким же холодным, что огонь Глубокозимья уже зажегся в ее сердце и солнце снова опалило жаром. Шер не воспользовался моментом, чтобы еще приблизиться, хотя она больше и не желала, чтобы в ее силах было его остановить.

— Я должен поговорить с твоим братом, — сказал Шер. — Полетели, моя ненаглядная Селендра.

Они поднялись на воздух и вместе полетели домой.

51. Пятое признание

В этом повествовании уже мельком упоминалось, что Пенн и Шер были друзьями в школе, а затем и в Круге. Будучи добрым, а не жестоким и кровожадным читателем, который бы немедленно отправился к издателю с намерением порвать и сожрать автора, который ему не угодил, вы поверите этому на слово. Вам не показали никаких примеров этой дружбы, таких, из которых следовало бы, что два дракона доверяют друг другу, или таких, где они вместе отправляются на природу, чтобы прекрасно провести время. Правда заключается в том, что настоящая дружба, которая связывала их в детстве, ослабла с течением времени и по причине их взросления. Такими разными были теперь их жизни и удовольствия, что доверие и общие радости стали скорее памятью, чем реальностью.

Это произошло, как Благородна не преминула бы отметить, по большей части из-за различий в их положении. У Шера были деньги и достоинства, присущие его положению, а у Пенна — достоинства, присущие положению сельского пастора. Даже его средства к существованию бы-

ли даром Шера, или скорее Благородной, а ведь требуется немалая стойкость, чтобы принимать благодеяния друга. Часто обиженным оказывается не дающий, который, несмотря на утрату земных связей, обретает благословение небес и радость приношения даров, а тот, кто, имея немного, должен принимать больше, чем может предложить взамен. Если возврат ожидается и происходит как в отношениях между Пенном и Благородной, в которых духовные и пасторские требы обменивались на земные блага, тогда все еще может быть хорошо. Но в случае с Шером Пенн чувствовал, что он приобретает многое, не давая ничего взамен. Естественно, это его огорчало, и, естественно, он старался не обижаться, — и огорчался из-за того, что надо прилагать к этому усилия. Так же естественно и Шер чувствовал и обиды Пенна, и усилия их скрыть, и это лишало их отношения непринужденности. Кроме всего прочего, жизнь Шера оставалась земной и полной наслаждений, в то время как Пенн с течением времени становился все более и более преданным Церкви и своему приходу. Они действительно отдалились, и оба крайне сожалели об этом, потому что было время, когда они все делали вместе.

Таким образом, когда Шер вернулся с Селендрой, на которой все еще не было признаков розового, что говорило бы само за себя, ему было неловко обращаться к Пенну, более неловко, чем если бы они вообще никогда не были близки. Селендра захотела сопровождать его более для того, чтобы не оставаться наедине с Фелин, чем по какой-либо иной причине, но он мягко ее остановил.

— Я должен поговорить с твоим братом наедине. Нам может понадобиться обсудить предметы, ненадлежащие для тебя.

Когда они вернулись, Фелин дома не было, она навещала прихожан. Селендра взяла книгу, радуясь, что осталась одна.

В кабинете Пенна имелась очень простая дверь, заменившая старую резную дверь много поколений назад. Шер осторожно постучал в нее когтем.

— Войдите, — страдальчески выкрикнул Пенн.

Шер вошел и встал, неловко оглядываясь. Это была комната Пенна, с его книгами и письменными принадлежностями, которые Шер сразу узнал, и все же, в каком-то смысле, комната принадлежала Шеру, как и весь приходский дом. Пенну следовало писать его проповедь по слу-

чаю Глубокозимья, чтобы прочитать ее пастве после возжигания огня, но вместо этого он лежал навзничь на спине, уставясь в ордер, требующий его присутствия в Ириете, и думал о грехе самоубийства.

— Шер! — сказал Пенн, садясь и стараясь улыбнуться. — Рад тебя видеть.

— И я рад тебя видеть. — Шер с некоторым трудом разместился в кабинете и закрыл за собой дверь.

— Ничего плохого не случилось, я надеюсь? — спросил Пенн с сердечностью, которая прозвучала фальшиво даже для него самого.

— Надеюсь, что нет, — сказал Шер, неловко улыбаясь. — Даже наоборот. Я попросил твою сестру Селендру выйти за меня, и она согласилась, после того как мы разберемся с некоторыми мелочами.

— О, благодарю тебя, Джурале! — сказал Пенн и немедленно залился слезами.

Шер был крайне озадачен такой реакцией.

— Все не так плохо, — сказал он, но это не возымело действия. — Я позабочусь о ней, — попробовал он снова. — Пенн продолжал рыдать. — В чем дело? — спросил он наконец.

Пенн подтолкнул к нему судебный ордер. Шер взял его и принялся читать.

— Я слышал об этом от Селендры, — сказал он. — Говорит, вы все собираетесь в Ириет. Я предлагаю вам воспользоваться Домом Бенанди.

— Может, ты и не захочешь этого делать, — сказал Пенн, постепенно овладевая собой. — Ты, может быть, даже не захочешь жениться на Селендре, когда узнаешь.

— Узнаю что? — спросил Шер. — Я даже представить себе не могу, что бы могло лишить меня желания жениться на Селендре.

— Тогда от одной душевной тяготы ты меня избавил, — сказал Пенн. — От самого худшего позора, которого одного достаточно, чтобы уничтожить дракона.

— Позора? — быстро спросил Шер.

— О да, жениться на сестре уважаемого священника и жениться на сестре опозоренного священника — не одно и то же, — сказал Пенн.

Тут Пенн был несправедлив к своему старому другу. Шер никогда бы не женился на какой-нибудь абстрактной сестре опозоренного священника, равно как и на ком угодно, кто пострадал от гнета со стороны общества. Он, например, никогда бы не подумал влюбиться в Себет. Но теперь он был настолько влюблен в Селендру, что никогда бы не отказался от нее, что бы ни

случилось с ее семьей.

— Расскажи мне, в чем проблема, — сказал Шер с похвальным спокойствием.

— Я выслушал исповедь моего отца на его смертном ложе, это станет известно на суде, и я буду уничтожен и извергнут Церковью, — сжато изложил проблему Пенн.

Шер несколько раз моргнул. Он обдумал несколько вариантов ответа и все их отверг. Он на самом деле не был потрясен тем, что случилось. Он слышал шепотки, что Старая Религия потихоньку живет. Однако он был шокирован тем, что это сделал Пенн, который, по его мнению, после посвящения в сан стал строгим и непреклонным служителем Церкви.

— Ты можешь убедить брата отозвать иск?

— После первого слушания уже нет, — сказал Пенн. — Он будет наказан за необоснованное предъявление иска, если сделает это сейчас.

— А можешь ли ты убедить его не вызывать тебя в суд? — спросил он.

— Эйван-то согласен, это Даверак меня вызывает, — ответил Пенн.

— А убедить Даверака?

— Ему до меня дела, что до плесневелой сливы, — печально потряс головой Пенн, стряхивая

слезы с морды.

Узнав старую школьную присказку, Шер не мог сдержать улыбки.

— Даверак — твой шурин. Есть ему до тебя дело или нет, но позора для семьи он не захочет.

— Беренда умерла.

— Пусть так, но есть же еще драгонеты, они же ее дети и наследники Даверака. Ты бы мог поговорить с ним и объяснить, как это обстоятельство может повлиять на него, — сказал Шер.

— Мне невыносима сама мысль, что он узнает об этом, — признался Пенн.

— Он же все равно узнает, если ты расскажешь об этом в суде, — сказал Шер с оттенком нетерпения в голосе. — Он кто, Сиятельный? Даверак? Я встречал его, мне кажется. Он очень заботится о званиях и тому подобном. Если хочешь, я пойду с тобой на встречу с ним, это может помочь.

— Какое благородство, — сказал Пенн, смеясь сквозь слезы. — О, Шер, прости, я не должен так говорить, когда ты так добр ко мне.

— Не забывай, я заинтересован в том, чтобы оградить тебя от позора. Мне все равно, а вот моей матери — нет, а Селендра поставила условие, что моя мать должна ее принять.

— Все, чего вы сможете добиться от Благород-

ной, — это то, что она будет просто терпеть ее.

— Благородна сделает куда больше, чем просто будет терпеть Селендру, — сказал Шер жестко. Потом его голос смягчился, в нем появились поддразнивающие нотки. — Но мне было бы гораздо легче, если бы она относилась к тебе как к уважаемому священнику, который почти никогда не пропускал Перводня и никогда не летал, даже через овраг, не говоря уже об охоте.

Пенн рассмеялся. Только приняв шнуры, он тут же на денек их скинул, и они с Шером отправились на охоту, где его едва не узнали.

— Я даю тебе благословение жениться на моей сестре, — сказал Пенн. — У нее нет соответствующего приданого, но, без сомнений, у тебя хватит средств на двоих.

— Ее приданое просто великолепное, — сказал Шер. — Она разве тебе не сказала?

Пенн уставился на него.

— Не сказала мне что?

— О сокровище, которое мы нашли?

— Сокровище? Драгонеты вечно говорят всякий вздор о сокровищах, но это же неправда…

— Это правда. Сокровище. Золото, самоцветы. Очень ценное сокровище. Мы нашли его вместе с Селендрой и твоими драгонетами, и, когда мы

поделим его на четыре части, я бы сказал, что каждому достанется несколько сотен тысяч крон, если не больше. У меня еще не было возможности добыть его из-за снега, но придет весна, и два твоих птенчика получат целое состояние, и Селендра тоже. Так что никому из вас не придется заботиться о золоте, что бы ни случилось, и, без сомнения, моя мать будет очень рада видеть, что я пополнил сундуки Бенанди, как не пополнял их ни один наследник до меня несколько тысяч лет.

Сокровище находилось на его земле, и он мог бы все его объявить своим, но что ему это золото по сравнению с тем, что он может сделать для своих друзей? Пенн выглядел ошеломленным.

— Я понятия не имел, — сказал он. — Я должен попросить прощения у Вонтаса за то, что не поверил ему.

Шер засмеялся.

— Я пойду с тобой к Давераку, — сказал он. — Насчет сокровища я распоряжусь весной. И я женюсь на твоей сестре, как только мы все договоримся о дне свадьбы.

— Это великолепно, — пробормотал Пенн.

— И теперь, когда я знаю, что ты все еще нарушаешь законы Церкви время от времени, как насчет того, чтобы поохотиться со мной денек,

когда мы вернемся? Все вместе — с Фелин и Селендрой?

Пенн открыл пасть, не в силах вымолвить ни слова, застигнутый между слезами и смехом. После затянувшейся борьбы победил смех.

XIV. Прибывая в Ириет

52. Шестое предложение

Сиятельный Даверак привез на слушания в Ириет весь свой дом. В Давераке остались только драгонеты и еще невылупившиеся яйца вместе с достаточным количеством слуг, чтобы присматривать за ними. Хотя время года, подходящее для Ириета, еще не наступило, он велел проветрить и полностью открыть городской дом Давераков. Эйнар покорно приехала с ними, вцепившись в свой судебный ордер. Она привезла с собой и Ламит, не столько для полировки шкуры, сколько для прикрытия. У нее были свои планы, как распорядиться временем в столице. Ламит говорила бы, что хозяйка нездорова или увлечена дамскими прихотями, чтобы Эйнар могла свободно заниматься своими делами.

Они ехали поездом и прибыли на седьмой день Глубокозимья, за неделю до начала судебного процесса. Эйнар провела первый день, присматривая за слугами, которые развешивали по стенам ковры и гобелены, убранные на то время, что дом пустовал. Под землей располагались только спальные пещеры, под сводами, пригодными для винного подвала. Большая часть дома

возвышалась над землей. В некоторых комнатах даже были окна. Эйнар никогда подобного не видела, и ей это совсем не понравилось.

Даверак не без колебаний прислушался к совету своего поверенного и пригласил Фрелта остановиться у себя в доме. Для Эйнар это стало полной неожиданностью. Она едва сдержалась, чтобы не отпрянуть, когда увидела его в наружной галерее дома Давераков. Он глядел щеголем, как обычно, хорошо отполированный и по-своему привлекательный.

— Почтенная Агорнин, — сказал он, кланяясь. — Рад видеть вас в добром здравии и выражаю мои соболезнования по случаю утраты сестры. Да будет она заново рождена с Камраном.

Эйнар никогда не нравилось, как фамильярно Фрелт говорил о богах. Она тоже поклонилась.

— Приветствую, Преподобный Фрелт, что привело вас в Ириет?

— То же самое, что привело вас, — судебное разбирательство, которое по досадному недоразумению учинил ваш безрассудный младший брат.

Фрелт потряс головой в притворном огорчении.

— Будете давать показания? — спросила она.

— Именно так, — Фрелт кивнул несколько раз. — Боюсь, я один из самых важных свидетелей того, что было сказано и сделано в нижней пещере, а также убеждений вашего отца и состояния его духа.

Эйнар презрительно наморщила морду. Не было никакого резона говорить, что он не знал о состоянии духа отца ровным счетом ничего.

— Я надеюсь, что вы не волнуетесь, — сказала она.

— Нет, священнику не привыкать говорить что-то стоя. — Фрелт улыбнулся Эйнар, показав зубы. Она была самой младшей из сестер Агорнин, не самая хорошенькая, подумал он, но более кроткая, чем Беренда, и спокойнее, чем Селендра. Может быть, она-то ему и подойдет.

— Где вы остановились? — спросила она из вежливости.

— Ну, как же, Сиятельный Даверак был так добр, что предложил мне насладиться гостеприимством его дома, — сказал Фрелт с кривой ухмылкой.

— Значит, полагаю, мы будем видеть вас часто, — сказала Эйнар с упавшим сердцем.

— Как это приятно, — сказал Фрелт. — Вы скучаете по Агорнину? — спросил он.

— Да, — ответила Эйнар, незаметно отступая на шаг от него.

— Я думаю о том, чтобы завести жену, — прямо объявил Фрелт.

— Я слышала, что многие драконицы приезжают в Ириет, чтобы найти мужей, — сказала Эйнар, отступая еще немного назад.

Фрелт рассмеялся.

— Не исключая и вас? Я вот думаю, не захотите ли вы вернуться в Агорнин вместе со мной, Эйнар? — Он подвинулся к ней.

— Нет, сэр, — ответила она и сбежала. Она поверить не могла его наглости.

Сбежала она в столовую, где ее дожидался Даверак.

— Ну, вот и ты наконец-то, Эйнар, — сказал он. — Ты видела Преподобного Фрелта?

— Он как раз прибыл, — сказала она. В присутствии Даверака она чувствовала себя в большей безопасности, по крайней мере, можно не ожидать, что на тебя навалятся, как на Селендру. Она вспомнила про дорогого Лондавера и приободрилась. Спустя мгновение вошел Фрелт, держась так, будто ничего не случилось. Не замечая ее, он заговорил с Давераком. Разговор касался по большей части предстоящего процесса. Эйнар

сидела тихо, не говоря ни слова, и ее по-прежнему игнорировали. Принесли еду, не очень свежую говядину. Эйнар ела как можно быстрее, надеясь, что удастся поскорее ускользнуть.

— Мустан говорит, что они вполне могут спросить о намерениях Бона составить завещание, — сказал Даверак.

— Как я уже говорил тогда, я вполне уверен, что вы правильно поняли его волю, — сказал Фрелт.

— Эйнар? — спросил Даверак.

— Что такое? — она подняла взгляд, удивленная, что к ней обращаются. — Намерения отца? Мне ничего о них не известно, я уже сказала это вам и скажу еще раз суду.

— Хорошо. Я знаю, что ты не скажешь ничего, что может мне навредить. Ты хотя бы знаешь, откуда берется мясо, чтобы тебя поддерживать.

Угроза была замаскирована только откровенно кривой улыбкой.

Фрелт улыбнулся на суровый тон Даверака.

— Я уверен, что Почтенная Агорнин не сделает ничего нечестивого.

— Я скажу правду, как написано в ордере, который мне прислали, — сказала она ровным тоном. — Я, может, многого и не знаю, но что знаю — то скажу.

— Когда я уничтожу твоего брата, ты получишь награду прибавкой к твоему приданому, как я обещал, — сказал Даверак. Эйнар слегка передернуло, и она поняла, что Фрелт это увидел.

— Я не уверен, что барышня желает выйти замуж, — сказал Фрелт вкрадчиво.

— О, у нее уже есть один претендент, Лондавер, сосед из наших краев, — сказал Даверак небрежно, но не грубо.

— Тогда все понятно, — сказал Фрелт. — Ей следовало это сказать, когда я сделал ей предложение, вместо того чтобы убегать. Я не знаю, чего она ждала.

— Ты? — Даверак посмотрел на него, роняя капли крови с челюсти. Он сумел вложить в одно слово больше презрения, чем Эйнар смогла бы накопить за неделю.

Фрелт делано засмеялся. Эйнар встала.

— Я закончила. Пойду, наверное, — сказала она.

— Нет, — коротко сказал Даверак. — Сядь.

Эйнар послушно села.

— Фрелт, я не знаю, может, ты заболел или что другое заставляет тебя думать, что ты можешь мечтать жениться на ком-либо, связанном с моей семьей, только выбрось все это из головы, — ска-

зал Даверак. Он произнес это гораздо вежливей, чем мог сказать, если бы он не нуждался в свидетельских показаниях Фрелта. — Тебе следует жениться на ком-нибудь своего полета, на дочери священника, — продолжал он. — Я подумаю, кого тебе предложить. А теперь наслаждайся гостеприимством моего дома, но оставь мою свояченицу в покое.

— У меня не было намерений делать непрошеные авансы, — залопотал Фрелт.

— Теперь можешь идти, Эйнар, — сказал Даверак.

Во второй раз за этот вечер Эйнар сбежала.

53. Покидая Бенанди

Фелин почти жалела Благородную — такая кутерьма приготовлений завертелась по возвращении Шера и Селендры из полета в тот день Глубокозимья. Раньше Шер всегда старался очаровать и заговорить мать, чтобы добиться, чего он хотел, или же полностью игнорировал ее и отстранялся. Теперь же он требовал — и очень настойчиво. Он распорядился, чтобы в тот же час открыли городской дом Бенанди в Ириете, чтобы они немедленно все туда перебрались, чтобы во время пребывания там они устроили прием для той компании, которая найдется в Ириете в разгар зимы, и чтобы в доме разместили всю семью приходского священника. Посреди всего этого он потребовал, чтобы мать приняла его суженую. Фелин, может, и посмеялась бы над неразберихой, что он учинил, если бы не видела, как искренне терзается Благородна.

— Он настроен все делать только по-своему, — уныло сказала она Фелин, составляя списки того, что следует паковать. — Я могла бы заниматься всем этим последние несколько недель, если бы он не отказался переезжать. Теперь приходится

делать все одновременно. Нет, ты не можешь помочь, я знаю, что нужно делать. — Горячая слеза скатилась по ее морде. — Я потеряла моего сына. То, что это моя собственная вина, не облегчает утрату.

— Вы не потеряли его, — сказала Фелин. — Селендра станет хорошей невесткой, если вы просто примете ее.

— После такого начала? Я не думаю, — фыркнула Благородна, и снова обратилась к практическим вопросам. — Ты могла бы мне сказать, сколько слуг вы повезете с собой, и, если действительно хочешь помочь, может быть, закажешь нам четыре вагона на поезд до Ириета?

Фелин оставила Благородную продолжать наводить порядок.

Она обнаружила Шера в приходском доме беседующим с Селендрой и детьми. Шер выглядел ошарашенным, как всякий жених. Дети были в восторге. Вонтас все еще хромал, но немного, как убеждала себя Фелин всякий раз, когда его видела. Все заживет, никто и не узнает, что было. Никто не посчитает его слабачком, которого следует поглотить. Селендра сидела, свернувшись кольцом, поместив Герина между собой и Шером. Она бы выглядела как невеста, если бы не продолжала

мерцать все тем же чистым золотом, как при первой встрече с Фелин. Она сама не пожелала говорить об этом с Фелин, сказала только, что поставила Шеру некоторые условия и не станет заходить дальше той точки, после которой уже нельзя будет вернуться, если условия не будут выполнены. Фелин боялась думать об этих условиях и боялась за Шера — хотя, когда она видела, как Селендра смотрит на Шера, вот как сейчас например, она не сомневалась, что в медленно вращающихся глазах Селендры она ясно видит любовь. Хуже, чем отказ Селендры говорить об ее условиях, был отказ Пенна обсуждать окрас Селендры. Он смущался и старался сменить тему разговора всякий раз, когда она ее поднимала. Селендра, конечно, его сестра, но он же священник, и не всегда так болезненно реагирует на такие темы.

Эти четверо строили нелепые планы о том, что делать с сокровищем. Фелин все еще до конца не верила в сокровище, хотя ей и показали те предметы, что драгонеты принесли с собой, и цепочку Селендры. Она полагала, что, если после крушения жизни они останутся богатыми, а не бедными, это может стать утешением, хотя богатство без положения — ничто, как сказал Пенн.

Она все еще не могла принять ни реальность богатства, ни реальность публичного позора. Часть ее верила, что жизнь вернется в обычную колею после процесса и она всегда будет жить здесь.

— Как там моя мать? — спросил Шер после приветствий Фелин.

— Опустошена, — ответила Фелин.

Селендра улыбнулась. И улыбка эта совсем не была приятной.

— Когда дойдет до дела, она все сделает идеально, — сказал Шер.

— Я так жду поездки в Ириет, — воскликнула Селендра. — Театр! Раут!

— Когда поедем туда в сезон, отправимся на бал, — сказал Шер. — Ты сможешь получить удовольствие и от этого, пока тебе все не наскучит.

— Надо будет наделать тебе новых шляпок, — сказала Фелин, имея в виду и свой собственный скудный запас головных уборов.

— Не слишком много, — предупредил Шер.

— Почему? — спросил Вонтас. — У нас же есть сокровище, тетя Сел может позволить себе любые шляпы, какие захочет.

— Да, но разве ты не замечал, что драконы подбирают шляпы под цвет чешуи? — спросил Шер, отвечая Вонтасу, но глядя на Селендру. — Сейчас

чешуя тети Селендры — это великолепное золото, но скоро она станет еще более великолепного брачного розового цвета, и ей понадобится совершенно новый набор шляп.

Фелин смотрела на Селендру и думала, что та выглядит скорее расстроенной, чем польщенной.

— Благородна хочет знать, сколько слуг мы берем с собой, — сказала Фелин. — Я думала взять только двух.

— А можно взять Эймер? — спросила Селендра. — Я знаю, что она была бы рада повидать Эйнар и Эйвана.

— Мне нужно, чтобы Эймер оставалась здесь и смотрела за детьми, — сказала Фелин. — Я не хочу оставлять их только с няней. Эймер гораздо опытней.

— А можно мы тоже поедем? — спросил Герин.

— Я никогда не был в Ириете, — сказал Вонтас.

— Мы можем найти еще сокровищ, — сказал Герин вкрадчиво.

— Нет, — ответила Фелин в ужасе. — Прошлого раза было более чем достаточно для поиска сокровищ. Вы все могли погибнуть.

— А почему бы не взять их, если они пообещают не охотиться за сокровищами? — спросил Шер. —

Места для всех хватит.

Фелин никогда раньше не бывала в Ириете. Какими бы странными ни были причины для этой поездки, она бы хотела получить от нее столько удовольствия, сколько сможет, — без того, чтобы отвечать за драгонетов. Она не может сказать это при них, когда они жадно ловят каждое слово. — Они должны оставаться здесь, подальше от неприятностей, — сказала Фелин. Оба драгонета застонали. — И Благородной это не понравится, — добавила она, зная, что это произведет нужное действие на детей.

— Моя мать не будет возражать, — сказал Шер решительно, как он теперь говорил почти всегда. Дети завопили от радости.

Неделей позже, упаковав все, что только можно, они всемером, в сопровождении девятнадцати слуг, следовали в Ириет в пяти вагонах. Пенн выглядел рассеянным, дети — перевозбужденными, Шер — блаженно счастливым, Селендра — непоколебимо-золотой. Благородна выглядела как вулкан, который с трудом сдерживается, а про себя Фелин была уверена, что выглядит так, будто ей нужна скорее неделя сна, чем неделя развлечений в столице. Она была довольна тем, что драгонеты благополучно устроены с Шером и

Селендрой и она сама может удобно разместиться в другом вагоне с Пенном и Благородной.

54. Эйнар отправляется на прогулку

Ламит были оставлены строгие указания говорить всем, что ей нехорошо, и никого не впускать. Эйнар сомневалась, что Ламит способна справиться с этим заданием, если Даверак будет настаивать, но вряд ли он стал бы настаивать или даже просто бодрствовать. Было еще очень раннее утро, когда она выбралась из дома и направилась на свою встречу.

Она прочитала «Закабаление рабов» и, набравшись духу, написала издателю, чтобы выразить свою признательность. В ответ пришло письмо от самого Калиена Афелана, и с тех пор они переписывались. Она знала, что не должна поддерживать переписку без одобрения своего опекуна. Поскольку Даверак предполагал, что все ее письма приходят только от Селендры, он не обращал на это внимания. Свои письма она никогда не забывала относить на почту сама. Она чувствовала укоры совести из-за недозволенной природы своей деятельности, но утешала себя мыслью, что Лондавер — ее истинный опекун, и это он дал ей книгу, и он одобрил бы переписку. Одобрил бы Лондавер то, что она в одиночку

отправилась по улицам Ириета на встречу с незнакомцем, она не успела обдумать.

Она понимала, что не может заявиться в дом незнакомца без сопровождения, поэтому договорилась встретиться с Калиеном в общественном парке у реки. Чтобы попасть туда из дома Даверака, ей пришлось пройти изрядный путь. Лететь на опасном пересечении ветров она не решилась и теперь прилежно топтала грязный городской снег, совсем не похожий на белые складки привычного снега в деревне.

Эйнар не догадалась снять шляпу, как это делала Себет, поэтому привлекла немало вопросительных взглядов, пока пробиралась через слякотные улицы. Не так часто увидишь в любом городе драконицу без сопровождения в шляпе, которая свидетельствует о ее благородном звании. Дважды красночешуйчатые драконши, вышедшие пораньше на рынок в сопровождении слуги на хвосте, по-матерински спрашивали ее, не заблудилась ли она и не нуждается ли в помощи. Оба раза она благодарила и продолжала двигаться вперед. Три раза пожилые неимущие драконы подходили и вымогали у нее крону, которую она отдала при первой же просьбе — после этого давать уже было нечего, поскольку в дорогу

она взяла только одну крону и могла теперь в ответ на просьбу только сочувственно улыбаться. Она пожалела, что лишилась кроны, когда шла через маленький рынок с аппетитными запахами свежей, еще теплой свинины и груш в меду.

После рынка путь ее лежал мимо огромных боен и скотных дворов. Драконы, работающие там — рабы со спутанными крыльями, — сновали во все стороны с тушами животных. Распаханный снег был скорее желтым и коричневым, чем изначально серым. Время от времени проезжали повозки, обдавая ее неприятной жидкой грязью. Она начинала мерзнуть, и на одной лапе ледышки неудобно набились между пальцев. Пошел свежий белый снег.

Наконец она добралась до парка у реки, где договорилась встретиться с Калиеном, и встала, озираясь по сторонам. Они условились, что с собой у нее будет его книга, чтобы можно было ее опознать. Парк был пуст. Те, кто трудился в близлежащих офисах и на фабриках, уже были на работе, а драконы благородного сословия, кто остался в Ириете в это время года, еще только просыпались. Эйнар ходила из стороны в сторону. Снег здесь был твердым и скользким, кроме тех мест, где его присыпало тонким мягким сло-

ем свежевыпавшего. По крайней мере, он был белым. Эйнар прошлась к реке и полюбовалась на главную водную артерию Тиамата — полноводный Торис. Берега были скованы льдом, но в центре реки оставалась темная быстрая протока.

Здесь ее и нашел Калиен.

— Вы, должно быть, Почтенная Эйнар Агорнин? — спросил он.

От неожиданности она резко обернулась и была еще более удивлена, увидев черночешуйчатого дракона, который носил красные шнуры священника и был едва ли больше десяти футов в длину.

— Почтенный, то есть Преподобный Афелан?

Он поклонился.

— Я — Калиен Афелан. Я думал, мы могли бы перейти через реку в Скамбл, чтобы я показал вам, как живут некоторые мои прихожане, — сказал он.

Эйнар уже утомилась прогулкой по Ириету, но согласилась пройтись еще. По пути они говорили о различиях в содержании слуг в деревне и в городах.

— Я видела, что некоторые из них работают на скотных дворах, — сказала Эйнар.

— Здесь они не сталкиваются с жестокостью

и насилием, которые могут грозить в сельских поместьях, здесь проблема скорее в их заброшенности, — вздохнул Калиен. — На бойнях часто бывают несчастные случаи. Бойни, конечно, необходимы, такой большой город, как Ириет, нуждается в организации поставок мяса, иначе мы бы все быстро вымерли. И все же можно управлять ими с большей заботой о драконах, которые там работают.

Эйнар кивнула в знак согласия.

— Я действительно совсем ничего не знаю о городах, — сказал она. Пока Калиен рассказывал ей об условиях жизни в Ириете, Эйнар не могла не думать о том, каким загадочно маленьким он был для священника и для дракона, которому хватало родовитости и образования, чтобы написать и опубликовать книгу. Она не отважилась спросить об этом. Если его приход состоял из бедноты, он мог и сам быть беден, но беднота обычно подвергается выбраковке и умирает, как и везде, а значит, их священнику тоже должна доставаться доля священника от плоти умерших.

— Преподобный Афелан, — начала она, но он мягко ее прервал.

— Я не приходский священник, я служитель Истинной Веры, которую вы называете Старой

Верой. Так что уместной формой обращения будет «Преподобный Калиен».

Он улыбнулся, а Эйнар пришлось приложить усилие, чтобы не отпрянуть.

— Я вижу, что шокировал вас, — продолжил он. — Истинная Вера не объявлена вне закона. На нее просто смотрят неодобрительно те, кто отвернулся от нашей веры. Последние тридцать лет нам даже позволено защищать себя в суде, если на нас нападают, хотя мы и не можем сами подавать иски.

— Я еще не встречала никого вашей веры, — сказала Эйнар в изрядном волнении.

— Я оставлю вас, если вам неприятно, — сказал Калиен.

— Нет, — ответила Эйнар, — останьтесь. Какое это имеет значение, в конце-то концов. Вы стараетесь улучшить жизнь тех, кто нуждается в помощи. То, что вы этим занимаетесь, делает честь вашей Церкви и не делает моей. Я хочу посетить драконов, жизнь которых вы предложили мне показать. Я хочу сделать для них, что могу, даже если это не так много.

Калиен одобрительно улыбнулся этим словам и повел ее дальше.

— Каждый глас, вознесенный против угнетения

рабов, в помощь, — сказал он. — Ваш голос может принести неоценимую помощь, особенно если вы станете хозяйкой поместья.

— Я думала о том, как они это делают в Лондавере, — сказала Эйнар, отступая с дороги, чтобы увернуться от фонтана слякоти из-под колес очередной тележки.

— А, Лондавер, — сказал Калиен, глядя на нее лукаво. — Благородна Лондавер — одна из моих самых стойких сторонников.

— Ее сын одолжил мне книгу, — призналась Эйнар, сжимая книгу в лапах. — Но, хотя то, как они поступают со слугами в Лондавере, или то, как обращался с ними мой отец в Агорнине, — лучше и добрее того, что я увидела сегодня, я не уверена, что этого достаточно. Если бы я стала хозяйкой поместья, то освободила бы всех слуг.

— И как бы вы тогда управляли поместьем в этом случае? — спросил священник.

— Как вы пишете в своей книге, «освобождение драконов — к всеобщей выгоде», — процитировала Эйнар.

— Мне бы очень хотелось увидеть, как кто-нибудь попытался бы это сделать, — сказал Калиен и повел ее дальше.

Она была вконец измотана и замерзла, когда

наконец вернулась в дом Давераков, и не ожидала обнаружить Даверака, меряющего шагами прихожую в ожидании ее.

— Где ты была? — требовательно спросил он.

— На прогулке, — ответила она.

— Я же не глупец, Эйнар, и буду признателен, если и ты не будешь меня считать таковым. Ты сговаривалась со своим братом Эйваном.

— Ничего подобного, — возмутилась Эйнар. — Где я была — это мое дело, но это не имеет никакого отношения к Эйвану.

— Вы вдвоем, несомненно, сверяли свои показания против меня, — сказал Даверак, и слова эти окаймляло его пламя, которое растопило снег на чешуе Эйнар.

— Если хотите знать, я разговаривала кое с кем о правах слуг.

Даверак расхохотался.

— Твоя служанка пыталась солгать, чтобы защитить тебя. Ей это не помогло, я не терплю непослушания от слуг. И точно так же не намерен терпеть его от бедных родственников.

— Ты съел Ламит? — спросила Эйнар в ужасе.

— Вот как ее звали? Да. Теперь о суде. Ты им скажешь, что ничего не знала о воле твоего отца или его намерениях.

— Это правда, и именно это я и собиралась сказать, — ответила Эйнар, отступая.

— Отправляйся в свою комнату! — проревел Даверак, и пламя опалило ее хвост, когда она бросилась бежать.

— Ты обезумел, — сказала Эйнар, захлопнув дверь своей спальни. — Я расскажу правду, и я говорю правду сейчас, когда утверждаю, что не виделась с Эйваном.

— Ты не сможешь принять его сторону, уж я об этом позабочусь, — сказал Даверак, и она услышала, как он молотит по ее двери. Сначала она забилась в дальний угол пещеры, боясь, что он ворвется и сожрет ее. Затем она поняла, что он наваливает что-то под дверью, чтобы она не могла выйти. В лапах она все еще сжимала книгу.

«Лондавер», — подумала она, и эта мысль была сродни молитве. Затем она и правда помолилась, самой простой детской молитвой, которая всегда была на языке: «Камран правдоносец, Джурале милосердная, Вельд справедливый, спасите-помогите». Удары о дверь продолжались. Когда наступила тишина, она не смогла ее открыть, как ни старалась.

55. Дом Бенанди

С того дня, как она приняла предложение Шера, с той ночи до этого, когда она не спала, с того полудня еще ранее, когда Благородна сказала, что она недостаточно хороша для Шера, Селендра не переставала нервничать. Все было не яснее темной ночи. Ее самой большой радостью и самой большой мукой было то, что она видела Шера каждый день и проводила с ним бóльшую часть дня. Он не пытался добиться физического контакта, хотя каждый день так или иначе напоминал ей словесно, что она все еще не принадлежит ему полностью. Он ей действительно нравился. Она слишком сильно любила его, чтобы желать ему зла, и начинала прозревать, что невозможно было выполнить ее план без того, чтобы не сделать ему очень больно. Отступать уже тоже было поздно. Она должна пройти через это, что означает — ей следует притворяться, и делать это хорошо.

Получалось не так уж и плохо. Она просыпалась по ночам, чувствуя, как колотится ее сердце, как его переполняет ужасная смесь чувства любви и вины. Но и радостей тоже хватало. Она могла мучить Благородную при каждом удобном

случае. До сих пор, что бы Шер ни делал, Благородна не склонилась в сторону Селендры ни на йоту. Так что Селендра находила извращенное удовольствие в том, чтобы заставлять драконихуу признать, что она суженая Шера, будущая Благородная Бенанди. Кроме того, положение невесты Шера открывало ей доступ ко всем удовольствиям, простым и сложным, которых Селендра всегда желала. Она собиралась в Ириет, и там она будет присутствовать на приеме, и радости ей добавит то, что Благородна будет вынуждена его организовать и представить ее. Еще она отправится в театр, в чем ей до сих пор было отказано. Она поклялась, что будет получать удовольствие, пока это возможно, а беспокоиться будет потом. Встречаться глазами с Фелин она по мере сил избегала.

Она нашла путешествие в столицу утомительным, хотя и взлетала над поездом вместе с Шером так часто, как хотела. Драгонетам скоро все наскучило, и они требовали развлечений. Это лучше, чем поездка из Агорнина, но поезда, сказала она Шеру, по природе своей скучны.

— Когда мы поженимся, мы будем летать, куда захотим, — заверил он ее.

В Ириет они прибыли поздно вечером, настоль-

ко поздно, что успели только найти отведенные им комнаты и тут же уснуть. Только утром Селендра заметила, какой величественной оказалась ее спальная пещера, и осознала, что золото, на котором она спала, было частью сокровища Бенанди. Почти каждый предмет был украшен гербом. Это была не гостевая комната, а огромные покои хозяйки поместья. Шер, вероятно, настоял на том, чтобы его мать уступила ей эти покои. Ненадолго она представила себе, что и правда могла бы выйти за Шера и занять эту комнату по праву. Если бы только она смогла зардеться! Она стиснула зубы при мысли о Фрелте.

За завтраком она была разочарована тем, насколько старым оказалось мясо.

— В Ириете невозможно найти хорошей говядины, — сказал ей Пенн.

— Обычно нам удается добыть что-то получше, — сказал Шер, тщательно жуя.

— Я обычно посылаю слуг прямо на бойню поздно вечером, чтобы купили мясо, как только оно поступит в продажу утром, — сказала Благородна. — Мы слишком поздно вчера прибыли. Слуги были отправлены туда, но оказались слишком далеко в очереди, чтобы получить что-нибудь хорошее. Завтра будет лучше. Ну, как вы наме-

рены развлекаться сегодня? Я буду подписывать приглашения на прием для наших друзей. Селендра, дорогая, ты умеешь писать? Не хочешь мне помочь?

Селендра совсем не желала провести весь день над скучными приглашениями, но не могла сказать об этом теперь, когда сомневались в ее девичьих навыках.

— Конечно, я умею писать, — сказала она. — Я много лет писала для отца.

— Тогда решено, — сказала Благородна с улыбкой, зная, что эту схватку она выиграла. — А чем займутся остальные?

— Идет такой снег, своего хвоста не разглядишь, — сказал Шер. — Я уверен, что через час-другой он прекратится. К этому времени вы с Селендрой, конечно, управитесь, и я смогу вывести ее на прогулку осмотреть окрестности. Не хочешь ли пойти с нами, Фелин? Мы сможем по дороге зайти в шляпный магазин.

Селендра благодарно улыбнулась Шеру. Благородна заметно скисла.

— Я должна присматривать за детьми, — сказала сокрушенно Фелин.

— Я присмотрю за детьми, дорогая, — сказал Пенн.

— Но они захотят осмотреть чуть ли не половину Ириета, — запротестовала Фелин.

— Я могу отвести их в Церковь Святого Вувьера, где любому драгонету есть на что посмотреть, и это будет им полезно, — сказал Пенн решительно бодрым тоном.

— Возьмите с собой Эймер, — предложила Фелин.

— Если ты считаешь, что так лучше, — сказал Пенн, поднимаясь и обтирая грудь. Он поклонился Шеру и Благородной.

— Мы увидимся за обедом?

— Да, и не опаздывай, потому что после обеда я собираюсь позвать всех в театр, — сказал Шер.

Селендра подскочила так, будто у нее только что прорезались крылья и она впервые с восторгом смогла оторваться от земли.

— Театр?

— Ничего неподобающего для моей сестры, я надеюсь? — спросил Пенн, пытаясь улыбнуться, но не совсем удачно.

— Ничего неподобающего для кого бы то ни было. «Разгром Яргов» Этанина. — Шер дружелюбно улыбнулся всей компании. — Я заказал достаточно мест для всех, включая драгонетов.

— Это классика, — заверил Пенн Фелин, которая

пыталась протестовать движением хвоста. — Этанин — великий поэт. Пьеса имеет образовательную ценность. Мы ставили ее в школе.

— Историческая, — сказал Шер, кивая Фелин. Он внезапно встал, перекинул хвост вперед и поднял лапы в деланой позе ужаса.

— Так вот оно что, это измена! — воскликнул он трагически. После этого он пригнулся, плотно прижал крылья к спине и, вытянув перед собой хвост, заговорил низким вкрадчивым голосом.

— Ты говоришь — измена? Я не стану отрицать. Но ты имеешь в виду измену Яргам, нашим господам, в то время как я не устаю повторять, что измена в том, что они — наши хозяева, это измена нашей собственной природе драконов. Ты говоришь, что мы принесли присягу верности, но что толку в этой верности, если она построена на лжи, уродует души, превращает когти в руки, — он опасно изогнул когти, — чешуя опадает, — он содрогнулся, — с наших крыльев, связанных за спиной, — что, разве не измена себе — так жить?

Селендра всплеснула лапами.

— Ты прекрасен так же, как и пьеса!

— О, благодарю вас, Ваше Величество, — раскланялся Шер, как артист. — Всего лишь воспроизвожу историю нашей великой нации.

— Ну, не подлинную историю, — вмешался Пенн. — В этом больше поэзии, чем истории. Ярги победили нас потому, что владели оружием, и, как только мы тоже завладели оружием, мы их вышвырнули. Из пьесы Этанина можно понять, что мы это сделали голыми когтями и пламенем, в то время как уже Нашествие доказало, что клыки и пламя ничего не дают против пушек.

— Пенн, не будь таким скучным, — сказал Шер.

— Шер, не будь таким романтиком, — сказал Пенн точно таким же тоном, и на мгновение каждый увидел, какими они были в драгонетстве, когда, будучи едва ли на десять лет старше Герина и Вонтаса, встретились в школе. На мгновение все три присутствующие дамы объединились, взирая на своих драконов с одинаковой любовью.

— Я должна подготовить драгонетов к выходу в свет, — сказала Фелин, прерывая момент. — Я надеюсь, Шер, что эта пьеса, историческая она или нет, станет хорошим опытом. Я никогда не видела ни одной пьесы.

— И я не видела, но всегда хотела, с тех пор как Пенн рассказывал мне о театре, когда я только-только вылупилась, — сказала Селендра, направляясь к двери. — Мне надо освежиться, и

я присоединюсь к вам в работе над приглашениями, Матушка.

Она вышла, а Пенн и Фелин — вслед за ней.

— Матушка, — горько повторила Благородна. — Она специально так говорит, чтобы позлить меня.

— Не надо заводить с ней стычки, — сказал Шер. — Я уверен, вы бы друг другу понравились, если бы сложили оружие.

— Она хочет сражаться со мной, — сказала Благородна. — Разве ты не видишь этого? О, я знаю, что моя вина прежде всего в том, что я ее провоцирую, но я уже вижу, что мне придется за это заплатить. Иногда мне кажется, что воевать со мной она хочет больше, чем выйти за тебя.

Шер задумался. Он старался примирить их уже больше недели и преуспел в этом очень мало.

— Я понимаю, почему ты можешь так думать, — сказал он, подавляя стремление без оглядки защищать Селендру и стараясь судить трезво. — Но — нет, я знаю, что она меня любит.

— Я не вижу следов этого на ее чешуе, — сказала его мать.

— Она ждет, пока ты ее примешь, я говорил тебе об этом, — сказал Шер. — Я видел любовь в ее глазах.

— Глаза могут лгать, — сказала Благородна. То, что в этой ситуации Селендра оставалась девственно-золотой, было ее единственным утешением. — Я думаю, она совсем тебя не любит, я думаю, она хочет мстить мне, потому что я попросила ее оставить тебя в покое.

— А я совершенно уверен, что она меня любит, — сказал Шер, упорно думая о том, что он прочитал в глазах Селендры на заснеженном лугу утром Глубокозимья под ледяным солнцем.

— А я совершенно уверена, что ты — глупец, — сказала Благородна. — И кого же из захудалых родственников невесты я должна пригласить на прием, если они все судятся друг с другом?

— Эйнар и Даверака, — ответил Шер.

— Я вижу, что остатки понимания светских обычаев у тебя все же сохранились, — сказала его мать. — Если она и приводит в семью хоть кого-то с титулом, так это Даверака.

— Тебе следует быть вежливой с ней, — сказал Шер, наклоняясь и ловя взгляд матери. — Что бы ты ни чувствовала и что бы ты ни думала, ты будешь вежлива, ты перестанешь задираться и стараться испортить ей удовольствие, ты организуешь этот прием в честь нее, а когда я тебе скажу, ты поприветствуешь ее появление в

нашей семье.

— Вельд поразит меня за эту ложь.

— Я — глава этой семьи. Я — Благородный Бенанди, — сказал Шер.

— Всем об этом хорошо известно, — сказала Благородна.

— Тогда послушай меня как главу семьи. Ты поприветствуешь Селендру, когда я тебе скажу, или я подам тебя на наш свадебный пир.

— Не посмеешь, — сказала она.

Шер только посмотрел на нее.

— Ты не посмеешь, — сказала она. — Прославиться как Благородный Лорд, который съел мать, когда она была еще крепкой и здоровой?

Шер улыбнулся и повернулся, чтобы уйти. В дверном проеме он остановился и оглянулся. Его мать опустила голову к полу, и он увидел, что она плачет.

XV. События сходятся воедино

56. Седьмое предложение

На десятый день Глубокозимья в Ириете нашлось больше приличного общества, чем обычно и чем Благородна могла себе представить. Она разослала приглашения, как положено, всем, о ком знала, что они в городе, а также во все лучшие дома. Адресовала она их «тем из семьи, кто присутствует в Ириете». В это время как раз умирал эксцентричный старый Высокородный Телсти, и умирал он в Ириете; причем умирал, не назвав наследника; вдобавок умирал, одержимый намерением примириться с каждым, с кем когда-либо ссорился. По этой причине в Ириете оказалось больше драконов из знатных домов, чем обычно. Многие из них были в восторге от возможности повеселиться, а не просто ждать, когда умрет Высокородный. Прием вызвал огромный интерес. Это не будет полное столпотворение, как в сезон, когда, по известному присловью, драконица рискует, прогулявшись по залу, так и не узнать, из-за кого изменился ее окрас. Большой бальный зал Дома Бенанди длиной в пятьсот футов, с полом, выложенным аметистами и жемчугами, был полон драконов в элегантных головных уборах.

Закуски из красиво выложенных на блюдах фруктов и мяса предлагались в прилегающем к бальному обеденном зале. Слуги таскали огромные жбаны с пивом. Тридцать пять драконов удостоили прием.

К разочарованию и Селендры, и Шера, Эйнар среди них не было. Сиятельный Даверак пришел в сопровождении Преподобного Фрелта, оба отполированные до блеска и в изящных темных шляпах.

— Поздравляю, Селендра, — сказал Даверак, кланяясь. — Какую прекрасную партию ты себе нашла.

— Благодарю вас, — сказала Селендра. На ней была новая шляпа, черная с серым, уместная для траура, но украшенная двумя бриллиантами на длинных стебельках, что, как она надеялась, не будет неуважением к памяти Беренды. — Где моя сестра Эйнар?

— Она слегка занемогла, — ответил Даверак. — Отправилась на утреннюю прогулку два дня назад, подышать свежим воздухом, как она сказала, и очень продрогла. Ее осмотрел доктор и сказал, что ей нужны покой и тепло. Служанка присматривает за ней. Она шлет свои лучшие пожелания и просила меня извиниться за нее.

— Пожалуйста, передайте мои ответные пожелания, — сказала Селендра. — Хороша ли ее служанка в уходе за больными? Наша старая няня здесь со мной в Ириете, я могла бы послать ее к вам, если это поможет.

— О, у нас полно своих слуг в Доме Даверака, — сказал Даверак снисходительно. Он отошел, чтобы приветствовать Благородную, которая уже приветствовала Благородных Рималинов. В результате Селендра осталась наедине с Фрелтом.

Фрелт был сердит на Даверака, хотя и не подавал виду. Его оскорбил не отказ Эйнар, но то, как Даверак преподнес его. Сейчас он хотел бы предложить Эйвану свою помощь в суде, хотя и знал, что, раз пригласили Даверака, Эйвана на приеме не будет. Он также знал, что тут будут Пенн и Селендра, и надеялся, что сможет поговорить об этом с ними.

— Моя дорогая Почтенная Агорнин, — сказал Фрелт, осторожно кланяясь, поскольку одним когтем он сжимал жбан с пивом. — Помолвлена — и все еще золотая?

С полдюжины гостей уже задали этот вопрос, на который Шер и Селендра отвечали вежливо. В подобных обстоятельствах вопрос был вполне уместен. Фрелт ничего не знал об изменении

окраса, постигшем Селендру из-за его предложения, сделанного прошлым летом. Он уже почти забыл, что когда-то вообще рассматривал ее в качестве избранницы. Он ее не любил, ему нравилось считать, что он любил Беренду, хотя на самом деле он тогда просто подыскивал жену. И все еще продолжал искать. Фрелт улыбался.

Ее реакции он совсем не ждал.

— Я не желаю вас больше видеть, — прошипела Селендра сквозь зубы. — Убирайтесь.

Фрелт отпрянул и попятился, почти споткнувшись о собственный хвост.

Пенн, который видел, как хвост Селендры задрожал, когда Фрелт к ней приблизился, подошел, чтобы вмешаться.

— Фрелт, — сказал он предупреждающе, но дружелюбно.

— Пенн, — ответил Фрелт, осторожно кланяясь.

— Я рад тебя здесь видеть, — сказал Пенн. — Наслаждайся гостеприимством Благородных Бенанди, но, пожалуйста, сделай одолжение, держись подальше от моей сестры.

Фрелт снова поклонился и убрался. Вся семейка Агорнин друг друга стоила, и он постановил в будущем держаться подальше от них ото всех, как

они и просили. Он вспомнил, как Эйван мимоходом оскорбил его, когда Фрелт нанес им визит. Ничего он не будет делать ради них сверх того, что должен. В дальнем углу зала он приметил прекрасную драконицу в сопровождении солидной вдовы и священника.

— Кто это? — спросил он Шера, проходившего мимо.

— О, это Преподобный Телсти с женой и дочерью, — сказал Шер, бросив взгляд.

— Преподобный Телсти? Брат Высокородного Телсти, который сейчас умирает? — спросил Фрелт.

— Точно, — ответил Шер, вежливо кланяясь. Он понятия не имел, с кем разговаривает, для него Фрелт был просто каким-то священником, которого Даверак привел вместо Эйнар, но свой долг хозяина он знал хорошо. — Хотите, чтобы я вас представил?

Он подвел Фрелта к семье Телсти.

— Преподобный Телсти, Преподобна Телсти, Почтенна Телсти, позвольте вам представить Преподобного Фрелта, друга Сиятельного Даверака.

— Я священник из Андертора, и знаю семейство Агорнинов долгие годы, — сказал Фрелт.

— Поздравляю с помолвкой, Благородный Бенанди, — сказала Геленер Шеру с такой ледяной улыбкой, что он бы не удивился, увидев иней на ее зубах.

— Любовь выбирает свои пути, — сказал Преподобный Телсти, который был на удивление весел для дракона, чья дочь только что упустила жениха и чей брат умирает. Возможно, он утешится видами своего старшего сына на наследование титула брата, подумал Шер.

— Благодарю вас, — сказал он, — я должен оставить вас на минуту, чтобы поприветствовать моего дядю, Августейшего Фидрака.

— Может быть, партию в кости попозже? — спросил Преподобный Телсти.

— Игру организуют в малом зале, — сказал Шер, разворачиваясь. — Вон там, — махнул он лапой. — Я думаю, что какие-то драконы там уже собрались.

После его ухода Преподобный Телсти сиял, Геленер сидела как позолоченная ледяная статуя драконицы, а Преподобна Телсти принялась допрашивать Фрелта о его перспективах.

Августейший Фидрак, знакомство с которым Селендра однажды отрицала, оказался в Ириете по случаю визита к смертному ложу своего ста-

родавнего товарища и соперника в Благородной Ассамблее. Он был добродушным старым драконом и счастливо признал родство с прекрасной драконицей и влиятельным семейством Бенанди. Слишком старый, чтобы добиваться новой должности, он все же держался за свое кресло, а его сыну очень пригодились бы союзники, даже если речь идет об очень отдаленном родстве. Он назвал Селендру «племянницей» и тепло отозвался о ее матери. Благородна подошла и почтительно прислушивалась.

Некоторые благороднорожденные драконы крепко держатся за свои титулы, которые получили при рождении, или при женитьбе, или за свои достижения. Такие драконы не любят тех, кого жизнь поставила выше них по рангу. Благородна не страдала этим недостатком. Тех, кто был выше ее положения Благородной, в живых осталось не так уж и много, но тех, что остались — Высокородных и Августейших, — она обхаживала прилежно. Благородна часто сожалела об утрате Величеств и Высочеств старых времен, ничто не порадовало бы ее больше, чем появление на ее приеме правящего Величества. Лишенная этой возможности, она отвела душу на Августейшем Фидраке, который милостливо принимал ее об-

хаживания.

Шер сумел утащить Селендру в сторонку.

— Я же говорил тебе, как все это скучно, — прошептал он ей.

— Было бы не так скучно, если бы можно было выбирать участников, — прошептала Селендра в ответ.

— Это невозможно, — сказал Шер, кланяясь вдовствующей знатной даме. — Для вечеринок в деревне — можно выбирать. В Ириете, где каждый в конце вечера возвращается в свою собственную постель, необходимо соблюдать условности.

— Я бы предпочла театр, — сказала Селендра.

Шер рассмеялся.

— Скоро толпа немного схлынет, драконы отправятся играть в кости и закусывать, и мы сможем потанцевать. Ты осознаёшь, что я никогда не танцевал с тобой?

— А место для этого есть? — спросила Селендра. — Это большая пещера, но я никогда раньше не танцевала в помещении. — Втайне она немного сомневалась в своих танцевальных способностях, потому что училась у Беренды и давно не практиковалась.

— Для тебя место найдется, — сказал Шер. Он увидел, что Пенн машет ему с другого конца за-

ла. — Я отлучусь на минутку, — сказал он.

— А что же мне в это время делать? — спросила Селендра в замешательстве. Она почти никого не знала.

— Поговори с Фелин, — посоветовал Шер, указывая на Фелин, которая дружелюбно беседовала с Благородной Рималин. Он прошествовал через зал. Селендра смотрела, как он ступает — уверенность в каждом шаге. Он пересекал залы, подобные этому, подумала она, половину своей жизни, в то время как она… Может быть, Благородна и была права относительно разницы в их положении. Она подняла голову и направилась к Фелин. Если ей не хватает опыта, она заменит его уверенностью и стилем. Если Благородна хотела ее запугать, то будет удивлена.

Приятный молодой незнакомец остановился перед ней. Это был дракон футов, вероятно, тридцати, с изящной бронзовой чешуей и прекрасной формы хвостом.

— Какой великолепный прием. Огромное вам спасибо, что устроили помолвку не в сезон, дав нам возможность прийти сюда и потанцевать. Я обожаю такие вечерние развлечения, а вы?

— Вы не находите, что утром чувствуешь себя разбитым? — спросила Селендра.

— Ну, в сезон я по утрам сплю, — ответил он. — Вообще-то, наши глаза не годятся для долгой работы при свете дня. Они устают. О, простите. Мы незнакомы. Я — Почтенный Альвад Телсти.

— Я знакома с вашей сестрой, — сказала Селендра.

— Я знаю, она мне говорила. Она упоминала вашу красоту, но преуменьшила ее вдвое. Так трудно вытягивать сведения из Геленер.

Селендру больше не смущали пустые комплименты. Она притворно потупилась, рассмеялась и вспомнила свою первую встречу с Геленер и оскорбительные советы Благородной.

— Она сказала вам, что мой отец вырос в поместье Телсти? — спросила она намеренно.

— Нет. Как очаровательно. Он знал моего дядю? Мой дядя может захотеть увидеть его. Кажется, что он хочет повидать каждого, кого когда-либо знал, чтобы помириться перед смертью.

— Он сам уже умер этой осенью, так что слишком поздно, — сказала Селендра.

— Мне жаль, — сказал Альвад. — В последнее время голова моя забита всяким. Я — наследник дяди, но в прошлом году мы поссорились.

— А с вами он примирился?

— Еще нет. Кажется, есть кто-то еще, кого он

хочет повидать раньше. Все это очень загадочно, будто бы у него есть сценарий, по которому он действует. Он сказал моему отцу, что повидается со мной через два дня. Я буду себя вести наилучшим образом все это время, будьте уверены. — Он рассмеялся и взял еще один жбан с пивом у проходившего мимо слуги.

— Это важно для вас? — спросила Селендра.

— Что? Примириться с моим дядей? Не слишком. Я люблю старика. Или вы о том, чтобы унаследовать его земли и титул? Совсем нет. Я бы даже предпочел их не наследовать и продолжить мою прекрасную жизнь в армии. Но что касается его богатства, то да, оно бы пригодилось.

Селендра колебалась.

— Я считала, что все эти три вещи взаимосвязаны, — сказала она.

— Я полагаю, что могут быть, хотя где еще он думает найти родственника, кто принял бы поместье, выше моего понимания. Его никогда особо не волновали звания, но о семье он действительно беспокоится.

— Я думаю, что это лучше, чем думать только о званиях, — сказала Селендра.

— Ну да. Вы видели, как ваша будущая свекровь увивается вокруг старины Августейшего Фид-

рака, законодателя? У Фидрака и двух крон нет за душой, его земли перезаложены до кончика хвоста. Живет он за счет мужей своих сестер и на пособие от Ассамблеи. И все же, Благородна обращается с ним так, будто он стоит гораздо большего, чем она когда-либо сможет стоить, притом что у нее есть Бенанди и еще половина Тиамата в придачу.

— Я думаю, что звания и богатство не так важны, — сказала Селендра.

— Тогда как же вы оцениваете драконов? — спросил Альвад, с любопытством склонив голову набок.

— По их собственным достоинствам, — сказала Селендра. — Я люблю Шера не за то, что он Благородный, а за то, что он Шер. Если бы я влюбилась в вас, к примеру, не владельца какого-либо титула, а просто Почтенного, я бы думала, что вы — не хуже его.

— Да вы радикал, — сказал он, отступая от нее со смехом. — Вольнодумец! Шер знает об этом? Я уверен, что моя мать не знает, иначе она бы мне сказала.

— Не надо быть радикалом, чтобы думать, что то, каков дракон есть сам по себе, значит больше, чем рождение или богатство, — сказала Селендра

со всем возможным достоинством.

— Ну, так это и есть определение радикала, — парировал он. — Нам нужно, чтобы среди нас была радикальная Благородна, что само по себе весьма занимательное понятие. Какая жалость, что вы не можете занять место в Благородной Ассамблее и радовать нас своими взглядами.

Тем временем Фрелт старался произвести хорошее впечатление на всю семью Телсти. Он даже добился того, что Геленер один раз милостиво рассмеялась.

— Вы как раз такой тип священника, которые нужны церкви, — сказал Преподобный Телсти, делая добрый глоток пива и уже почти забыв о влечении к игорному столу.

— И если мне будет позволено так сказать при первом же знакомстве, в результате которого я оказался просто поражен красотой и достоинствами вашей дочери, она как раз тот тип жены, который нужен мне, — сказал Фрелт.

— Не говорите больше ни слова, пока мы не повидаемся с нашими поверенными и не поговорим с нашими общими друзьями, — сказала Преподобна Телсти, выступая вперед и давая понять, что готова встать между ними.

— Если все это подтвердится к общему удо-

влетворению, у меня нет возражений, — тихо сказала Геленер, глядя на Фрелта без улыбки. Она бы и не подумала удовлетвориться такой малостью, как сельский священник, когда впервые прибыла в Ириет, но теперь, в преддверии третьего сезона, в котором она все еще будет на выданье, ее требования значительно снизились.

На другом конце комнаты Даверак все еще отказывался слушать Пенна и Шера.

— Совершенно невозможно, — продолжал настаивать он. — Сами судите, завтра Перводень, а послезавтра уже слушание. Мне нужно ваше свидетельство, Пенн. Эйван нападает на меня, он ведет себя абсолютно неразумно. Нет, я не буду пересматривать свое решение, с какой бы стати?

Пенн не стал говорить о грозящих опасностях в бальной зале, где их могли подслушать.

— Мы можем нанести вам визит завтра, чтобы поговорить об этом? — спросил Шер.

— Только не завтра, нет, — сказал Даверак, но слегка смягчился, вспомнив звание Шера, которое для него значило столько же, сколько звание Августейшего Фидрака для Благородной. — Завтра Перводень.

— Я думаю, что это настолько важно, что стоит даже визита в Перводень, — сказал Шер.

— Ну, что ж, хорошо, — сказал Даверак. — Приходите повидаться вечером. Приходите на обед. Но я предупреждаю вас, что не имею намерений поменять мое решение.

Затем начались танцы. Прием продолжался, пока небо не начало светлеть, и, покидая его, все согласились, что это было лучшее развлечение в Ириете за последние много месяцев.

57. Третье смертное ложе и шестое признание

Настал Перводень, и в привычном распорядке жизни утром Себет сопровождала бы Эйвана в церковь. Там она бы совершила публичные обряды, и хотя ее тайные молитвы весьма отличались от общепринятых, кроме нас, об этом не знал никто. В этот же Перводень, одиннадцатого числа Глубокозимья, за день до Второго Слушания дела Эйвана в суде, она нарядилась, будто идет в церковь, в строгий темно-синий берет, отороченный белой овчиной.

— Ты знаешь, где твой молитвенник? — спросила она. — Я ухожу.

— Я почти готов, — проворчал Эйван.

— Я сегодня не иду с тобой, — сказала она, поправляя беретку, которая в этом не нуждалась.

— Ты не идешь в церковь? — спросил Эйван, завертев от удивления золотистыми глазами.

— Не сегодня, — сказала Себет тоном, который она выработала для завершения дискуссий.

Эйван закрыл пасть. Раньше она всегда ходила с ним в церковь, с тех пор, как они стали жить

вместе. Они никогда не говорили о религии, но она отметила его забавный выбор священника, прославившегося краткостью своих проповедей. Он старался не показать, что занервничал.

— Увидимся, — сказала она и оставила его глазеть ей вслед.

Она знала, что он не станет за ней следить. В этом она Эйвану доверяла. Они уже долгое время придерживались достигнутого понимания.

Снаружи было очень холодно. Твердый снег скользил под ее лапами. Она поспешила к реке, дыша неглубоко и сожалея, что согласилась на уговоры Преподобного Калиена. Его душа, думала она, его душа может быть спасена для новой жизни или навсегда сгинуть. Если она может сделать что-то, чтобы спасти ее, каким бы плохим он ни был в этой жизни, какую бы кару он ни понес в новой жизни, она должна помочь. Он умирал. Это его последний шанс.

Дом Телсти в Юго-Западном квартале смотрел фасадом на реку. Она почти удивилась, что еще помнила дорогу к дому. Много лет Себет его избегала, намеренно выбирая другие улицы, если приходилось идти в этот район по делам. Она не бывала здесь с тех пор, когда была еще драконицей, едва вышедшей из-под опеки няни. Дом

выглядел немного меньше, немного потрепанней, на рамах окон и косяках дверей непривычно было видеть снег, зимой она здесь никогда не бывала. Себет буквально вернулась в свое прошлое. Еще не поздно остановиться. Но Преподобный Калиен так много для нее сделал. «Ты должна сделать это для него, — сказал он. — Ну что такое час или два для тебя, чтобы попытаться спасти его душу? Ты не простила, но он умирает, а как же его душа? Подумай о его душе! Тебе ничего не будет стоить эта попытка». Не ради себя и не ради ее отца, а ради Калиена она постучалась в дверь.

Открыл незнакомый слуга.

— Ваше имя? — спросил он достаточно вежливо, но холодно. — Высокородный Телсти нездоров, и в доме переполох. Я даже не знаю, сможет ли кто-нибудь принять вас.

— Себет, — сказала она. — Высокородный Телсти передал, что хочет меня видеть.

Она все еще не знала, по каким каналам он передал то, что пришло к ней через ее священника.

Слуга посмотрел на нее иначе, как бы оценивая. Она не поняла, узнал ли он ее имя или просто отреагировал на отсутствие титула и семейного имени. Она была одета как уважаемый клерк, каким и была в действительности. По ее виду ему

ничего заключить не удалось. Она видела, что его глаза зацепились за следы на ее крыльях, где когда-то она носила легкие путы.

— Ожидайте, я спрошу, — сказал он и, оставив ее одну в прихожей на поверхности, сам поспешил вниз. Бежать уже поздно, строго сказала себе Себет. Слишком поздно. Не надо было дать себя уговорить. Какое ей дело до того, что он умирает?

Слуга вернулся.

— Сюда, пожалуйста, — сказал он.

Следуя за ним, она впервые подумала, что может встретить братьев и сестер, дядей и кузенов, что не только умирающего дракона она пришла повидать. Если она затянула с этим визитом и он слишком плох, чтобы увидеться с ней, она немедленно покинет дом.

— Благородна Себет Телсти, — провозгласил слуга странное для нее и в то же время знакомое имя. Значит, он узнал ее. Она прошествовала мимо него, будто и правда Благородная, какой была по рождению.

Это была спальная пещера со сводом из простого камня. Он лежал, неудобно свернувшись на своем золоте. Пластины чешуи уже начали опадать, времени ему оставалось совсем немного. Его

глаза, некогда великолепно- голубые, выцвели, а ее — оставались голубыми. Глаза встретились, когда она ступила внутрь пещеры и встала совершенно неподвижно.

— Себет, дочь моя, — сказал он, и слуга удалился.

— Нет, — ответила она с гневом, который старалась побороть, но он все равно пробился из глубины наружу. — Ты давным-давно потерял право называть меня так. У тебя «достаточно драгонетов», помнишь?

Его глаза закрылись. Она подумала, что следует уйти. Затем они снова открылись, медленно вращаясь в бледно-голубой глубине, и встретились с ее глазами.

— Я попросил тебя прийти, чтобы ты смогла простить меня, — сказал он.

— Простить тебя за то, что бросил меня в пещерах похитителей и насильников? — спросила она. — Как может драконица, прошедшая через то, через что пришлось пройти мне, как может кто угодно простить за это того, кто обязан был защитить, как отец?

— Я не хотел тебя бросать. Я отказался платить выкуп, потому что верил, что смогу спасти тебя. Я думал, что знаю, где они тебя держат. Я планиро-

вал проследить за ними и освободить тебя. Они меня обманули. Когда я добрался до пещеры, она была пуста.

Она взвешивала услышанное, раздумывая.

— Ты не веришь мне? — спросил он.

— Я не знаю, — честно ответила она. — Мне было так больно от твоих слов, оттого, что ты оставил меня у них. Теперь уже почти неважно, почему ты это сделал.

— Я хотел снова связаться с ними, но не было никакого способа найти их, — сказал он. — Я подумал, что ты уже мертва.

— Нет, я не умерла, — сказала она. — Смерть была бы предпочтительнее, но я выжила.

— Я не стану спрашивать, как ты жила, — сказал он. — Мне будет невыносимо узнать это. Я вижу следы на твоих крыльях и не стану спрашивать, как ты смогла освободиться. Ты не пришла ко мне. Я думал, что можешь прийти, если ты жива и свободна.

— У тебя было достаточно драгонетов, — повторила Себет сквозь слезы, которые лились без ее ведома.

— Я думал, что ты можешь прийти, когда умер твой брат Лейдон, — сказал он, не замечая ее слов.

Себет смотрела на золотую чашу под лапой отца. Она видела эту чашу, когда еще ребенком играла с золотом матери. Она знала, что на той стороне чаши, которая сейчас была повернута к куче золота, выбита буква «С». Ее старший брат Лейдон, самый старший среди детей, наследник, особый сын, который был Августейшим Лейдоном Телсти, когда все остальные были всего лишь Благородные и Благородны, так вот, Лейдон сказал, что эта «С», должно быть, означает «Себет». Это была первая буква, которую она научилась читать.

— Я не знала, что Лейдон умер, — сказала она спокойно, насколько могла.

— На границе, — сказал ее отец. — Уже десять лет прошло. Ты — мое единственное оставшееся дитя. Я умираю, Себет.

Три брата, две сестры — и все мертвы, а она даже не знает об этом? Но зачем ей это знать? Она не стремилась узнать о них что-либо, скорее избегала этого знания.

— Я не знала, — повторила она, чувствуя себя глупо.

— Я был высокомерным глупцом, что не выкупил тебя, — сказал Высокородный Телсти. — Поверишь ли ты, что это было легкомыслие, а не

жестокость.

— Если бы я знала все эти годы, — сказала она. — Прости меня, отец, за то, что я не верила тебе.

— Я прощу тебя, если ты простишь меня за то, что я не смог найти тебя, — сказал он. Теперь они оба рыдали.

Себет обняла отца и простила его, а он простил ее, но, даже когда она рыдала и просила прощения, где-то внутри нее оставалась твердая скорлупа, а внутри скорлупы — эго, которое сомневалось в правдивости истории, рассказанной отцом. Он вообще-то не искал ее, пока смерть не приблизилась, пока не умерли все другие дети.

— Теперь я должен позвать поверенного, чтобы написать завещание и сделать тебя моей наследницей, — сказал ее отец. — Ты должна выйти за твоего кузена Альвада. Он примет тебя, какой бы обесчещенной ты ни была, если будет знать, что вместе с тобой придут владения и титул.

— Нет, — сказала Себет. Она помнила Альвада еще непослушным ребенком. — Я не дам выдать себя замуж как подпорченный товар. Я не была покрыта позором, я не сделала ничего дурного. Со мной случилось несчастье, а я себя спасла. Я стала уважаемым клерком. У меня есть… — она поко-

лебалась, думая, как описать Эйвана. — Партнер. Не муж, скорее любовник. Он заботится обо мне. У меня достойная работа.

— Тебе удалось многого достичь, много больше, чем я мог вообразить. Я вижу следы от связывания. Как Достопочтенные Лорды прошлого, ты поднялась на своих собственных крыльях. Я горжусь тобой. Кто твой партнер? Ты говоришь — он дракон Почтенного звания? Благородно-рожденный?

— Это Эйван Агорнин, сын Досточтимого Бона Агорнина.

Себет вспомнила, как она поднималась из бездны крошечными, на ширину когтя, шагами от порабощенной уличной девки до положения клерка и партнера Эйвана.

Глаза отца вновь вскипели слезами.

— Бон Агорнин был моим товарищем, когды мы были драгонетами. Я вряд ли видел его с тех пор, как он покинул поместье моих родителей, но я оплакал весть о его недавней кончине. Он был хорошим и достойным драконом и, как ты, поднялся благодаря своим собственным заслугам. Ты сказала, что его сын расположен к тебе, а ты расположена ли к нему?

Начиналось все просто как выгодный для нее

союз. Она подумала об Эйване, который этим утром не стал задавать ей вопросов, которые жгли ему язык.

— Я тоже очень привязалась к нему, — сказала она то, что собиралась, но поняла, что это правда, только когда произнесла это вслух.

— Сильный ли он дракон?

— Он работает в Департаменте Планирования, — сказала она. — Успешно делает там карьеру. В нем тридцать футов, но он еще растет.

— Тогда, если он сменит свое имя на твое и станет Телсти, выходи за него и принеси ему владение в качестве приданого.

— Ты и правда этого хочешь? Ты совсем нас не знаешь. — Себет поверить не могла тому, что слышала. — И скандал с твоим именем…

— Скандала не будет. Ты будешь *Высокородной Телсти*. Этого достаточно, чтобы все отводили глаза. От званий пользы немного, но это — одна из них.

— А мои кузены?

— Я поручу моим поверенным все уладить, чтобы не было никаких споров. Эйван Агорнин. Досточтимый, ты сказала?

— Почтенный, — поправила Себет. — А если он не женится на мне?

— Тогда будет глупцом, — сказал ее отец. — Если не женится, тебе следует выйти за твоего кузена или за кого пожелаешь. Но обязательно выйди замуж. Ты не можешь рассчитывать удержать поместье без этого. Владения Телсти слишком велики, чтобы оставаться… — он заколебался. Она не была драконицей, женой или вдовой, для того, кем она была, не придумали слова.

— Если Эйван не согласится, я найду мужа, — сказала она. Тут она замолчала с открытым ртом, потому что, приняв волю отца, она вспомнила, как Калиен говорил, что самое важное — это душа ее отца. Она засомневалась. Он не знал, что ее отец собирается ей предложить — безопасность, замужество, титул, — осмелится ли она рискнуть всем этим? Все это еще не было достаточно реальным, чтобы почувствовать риск утраты. Она сглотнула.

— Отец, еще одно. Я выжила и поднялась в мире благодаря помощи Истинной Церкви. Захочешь ли ты повидать священника, чтобы исповедаться, Отец? Ради меня?

— Ты была слишком молода, чтобы познать Истинную Церковь, — ответил Высокородный Телсти.

— Слишком молода? Как я могла быть слишком

молода? Священники этой церкви проповедовали на улицах, где работали самые униженные, они наставили меня на путь истинный. Ваших священников там не было, они безопасно укрылись в своих церквях, живя на церковные сборы, а священники Истинной Веры помогали нам. Я знаю, чему я научилась, я знаю, что исповедь и отпущение освобождают душу, когда все вокруг ужасно, и что Камран был Яргом, который отдал жизнь, чтобы принести драконам слово Божье.

Себет ненадолго почувствовала себя одним из великих мучеников прошлого, как святой Герин, которой свидетельствовал истину религии, несмотря на риск потерять все земные блага.

— Ты не поняла меня. Я имел в виду, что ты была слишком молода, чтобы я начал учить тебя всему этому, прежде чем тебя похитили, — сухо сказал Высокородный Телсти. — Я уже исповедался моему собственному священнику и исповедаюсь снова, если мне будет даровано время. В нашей семье всегда верили Истинной Церкви, только мы держали это в большом секрете. Твой священник, может быть, и знал, но имена других староверующих не произносят, даже шепотом.

— Это уже больше не является незаконным, — сказала она. — Ты бы мог признаться в своей вере

публично. Всем было бы великим утешением узнать, что Высокородный Лорд был Истинно Верующим.

— Это больше не является незаконным, потому что те из нас, кто втайне следовал истинными путями веры, добились этого, — сказал он. — Кроме того, законно это или нет, осмелишься ли ты, будучи клерком, заявить об этом публично? — Его глаза стали будто ярче. — Ты моя дочь и моя истинная наследница, — сказал он. — Если хочешь жить открыто в Истинной Вере, сделай это, но сначала посоветуйся со священниками. Они мне рекомендовали молчать об этом много лет. А теперь скажи им, чтобы позвали моего поверенного. А ты должна поговорить с твоим партнером, с Эйваном.

— Хорошо, — сказала Себет.

— Останься пока здесь, — попросил он. — Не уходи. Я не знаю, сколько мне осталось. Я повидаюсь с поверенным и со священником. Только будь со мной то недолгое время, что мне осталось. Моя дочь. Истинная Телсти, поднявшаяся благодаря своим достоинствам и сама нашедшая Церковь. Ты украсишь ряды Высокородных.

Тут она обняла его без колебаний. Она все еще не знала, предал он ее или нет, но это больше не

имело значения.

— Я останусь с тобой до конца, — сказала она.

58. Третий званый обед и седьмое признание

Проведя три дня запертой в своей комнате без пищи и воды, Эйнар готова была признать что угодно и согласиться с чем угодно. Ее зрение начало угасать. У нее больше не было сил кричать. Ее золото было с ней, и оно давало утешение, когда она лежала на нем или перебирала его в темноте. Беренда умерла на этом золоте, и я умру, думала она, и виновником обеих смертей станет Даверак. Она всем сердцем молила богов о помощи. Она думала о Лондавере и о Селендре. Она молилась за душу Ламит. Она гадала, выпустит ли ее Даверак для появления в суде, или она уже будет мертва к тому времени. Она понятия не имела, сколько времени прошло.

Поскольку Пенну и Шеру было сказано, что ее недомогание было легким, они удивились, не встретив ее на обеде.

— Ее служанка присматривает за ней в ее комнате, — сказал Даверак.

К облегчению Пена, Фрелта к обеду тоже не было.

— Он пошел к вечерней службе в Куполе с Преподобной Телсти, — объяснил Даверак. Он провел их сразу в столовую, где им подали свинью сомнительной свежести.

— Будет ли Эйнар в состоянии свидетельствовать? — спросил Шер, стараясь сдержать рвотные позывы от сладкого запаха мяса, которое умерло несколько дней назад. Пенн, вне себя от волнения, не мог ни есть, ни говорить.

— Уверен, что сможет, — сказал Даверак. — Я хочу поговорить с ней сегодня попозже об этом.

— Суд примет свидетельство врача о нездоровье, — сказал Шер. Ему показалось, что Даверак сам выглядит не очень здоровым, полным нервического возбуждения.

— Я не приглашал доктора, — сказал он. — Все не так плохо.

— Болеть четыре дня подряд совсем непохоже на Эйнар, — сказал Пенн с нажимом. — Я сам загляну к ней позже.

— В этом нет нужды, вы только побеспокоите ее, — сказал Даверак.

— Завтра мы ее увидим в любом случае, — сказал Шер, решив, что сейчас лучше не раздражать Даверака. — Мы должны поговорить с вами о деле.

— Здесь не о чем говорить. — Даверак выпустил когти. — Я вчера уже вам объяснил. Эйван нападает на меня, нападает на мои абсолютно оправданные действия. Если он не считал их оправданными, как вы мне тогда возражали, Пенн, ему бы следовало тоже заявить об этом прямо тогда или сказать мне что-то позже.

— Похоже, ему удалось серьезно вывести вас из себя, — сказал Шер, пытаясь говорить сочувствующим тоном.

— Он нарушил мой покой, возможно, довел мою жену до смерти от беспокойства, — сказал Даверак. — Прежде чем все это началось, я был спокойным и довольным драконом, хозяйничал в своем поместье, наслаждался в сезон Ириетом, видел, как прибывает моя семья. Теперь я весь — один клубок нервов.

— Из-за такой мелочи, в сущности, — сказал Шер утешающе.

— Это не мелочь, — отрезал Даверак, брызгая свиной кровью с челюстей. — Это подвергает сомнениям мою честность. Я не допущу, чтобы обо мне такое говорили.

— Ну, мы не оправдываем эти слова, — сказал Шер. — Мы просто хотим, чтобы вы согласились не вызывать Пенна.

— Но свидетельство Пенна — ключевое, — сказал Даверак, глядя на Пенна, который не прикоснулся к своему мясу. — Пенн был у смертного ложа отца. Пенн может нам сказать, что тогда говорил его отец.

— Если Пенн это сделает, его карьера и перспективы будут разрушены и он будет опозорен, — сказал Шер.

Даверак как будто не сразу это услышал, наступила тишина, и все трое молчали.

— Мне жаль это слышать, — сказал Даверак через мгновение.

— Вы ведь не хотите, чтобы ваш шурин, дядя ваших драгонетов, был опозорен и вышвырнут из Церкви? — спросил Шер.

Пенн опустил глаза, и слышно было, как скрежещут его зубы.

Даверак нахмурился.

— Но почему он будет опозорен?

— Потому что я принял исповедь моего отца на его смертном ложе и дал ему отпущение, — сказал Пенн очень тихо. — Они назовут меня старовером и отвергнут.

— А обязательно говорить им? — спросил Даверак.

Шер и Пенн посмотрели друг на друга расши-

ренными глазами.

— Простите, что вы сказали? — спросил Шер.

— Зачем это упоминать? Почему бы просто не сказать им, что Эйван не прав, что это не то, что ваш отец имел в виду?

— Я не могу солгать, Даверак, — сказал Пенн. — Даже если бы я умел так откровенно лгать, я буду под присягой. Они спросят меня, что в точности сказал мой отец. Это будет лжесвидетельством.

— Никто же не узнает, — сказал Даверак.

Кусок мяса из пасти Шера выпал на землю.

— Я думаю, что нам надо повидать Эйнар и уходить, — сказал Пенн, стараясь контролировать свой голос.

— Вы же не думаете, что лучше быть опозоренным, чем солгать? — сказал Даверак вкрадчиво.

— Любой дракон в здравом уме не сделал бы этого, — сказал Шер. — А теперь мы уходим, но сначала отведите нас к Эйнар.

— Это невозможно, — сказал Даверак, недовольно вращая глазами.

— Почему нет? — спросил Пенн, нахмурившись.

— Вы не можете приходить сюда, оскорблять меня и потом делать то, что вам вздумается в моем доме.

— Я хочу видеть мою сестру, которая нездорова, — сказал Пенн.

Шер распахнул дверь и поймал проходившего мимо слугу, который задрожал в его когтях.

— Отведи нас к Почтенной Эйнар Агорнин, — потребовал он. Слуга с явным ужасом смотрел мимо него на Даверака.

— Нет! — проревел Даверак с пламенем из пасти.

Слуга вывернулся и убежал по коридору. Шер и Пенн последовали за ним, Даверак вослед.

Комнату Эйнар с огромной кучей камней перед ней было совсем нетрудно найти.

— Я могу объяснить, — сказал Даверак, почти извиняющимся голосом.

Шер посмотрел на него уничтожающе.

— Я сомневаюсь в этом. Что вы действительно можете сделать — это помочь убрать эти камни.

Чтобы расчистить подход к двери, потребовалось некоторое время. Они не разговаривали, пока работали. Шер подумал, не сошел ли Даверак с ума и как долго он собирал эти камни в кучу. Очевидно, что это были камни от нескольких гостевых кроватей. Он, должно быть, натаскал их из незанятых спальных пещер и навалил перед дверью. Шер старался не думать, как долго все

это продолжалось. Эйнар была ему нужна, чтобы одобрить его сватовство. Что скажет Селендра, если узнает, что ее сестра умерла от голода?

Наконец они смогли открыть дверь. Пенн распахнул ее, вошел и стал звать Эйнар. Шер услышал, как она прохрипела что-то в ответ. Пенн вышел, неся поникшее тело бледно-золотого, почти зеленого цвета.

— Даверак, — сказал он гневно, нарушив долгое молчание.

Шер прервал его.

— Даверак, я думаю, что ты опозорил звание Сиятельного.

Он делал усилие, чтобы каждое слово прозвучало четко и ясно.

Даверак развернулся к нему.

— Это оскорбление, — заметил он непринужденно.

Шер почти рассмеялся, хотя это и был правильный ответ на его вызов. Кодекс он выучил много лет назад, но никогда не прибегал к нему, даже никогда не думал, что придется.

— Это было бы оскорблением, если бы ты был драконом, — произнес он следующую реплику, которую положено говорить, если не хочешь отступать. Такого намерения у него не было.

Если бы это было возможно, он бы дрался прямо сейчас.

— Я пришлю к тебе друга.

— Ты найдешь меня в моем доме, — сказал Шер.

Пенн ринулся вперед с Эйнар на руках. Ее глаза были полузакрыты.

— Мы должны немедленно доставить ее домой, — сказал он голосом, полным слез.

— Она поправится, — сказал Шер, но сам он не был в этом так уверен.

Даверак остался один, безмолвствуя.

59. Второе слушание

На этот раз суд уже не страшил Эйвана. Он слишком беспокоился о том, что Себет не вернулась домой той ночью. Он гадал, увидит ли ее когда-нибудь снова, не нашла ли она защитника посильнее, не думает ли она, что он потеряет в этом деле все, что имеет. Он начал беспокоиться о ней больше, чем следовало, он знал это, но все же не думал, что она вот так исчезнет, не сказав ни слова, безвозвратно. Он уже скучал по ней и надеялся, что она не угодила в какую-нибудь беду, отправившись в одиночку на поиск приключений, хотя и понимал, что может никогда этого не узнать.

Хатор выглядел уверенно, все три его парика лежали перед ним на каменном столе.

— Половина присяжных уже на твоей стороне, — заверил он Эйвана, усаживаясь. Присяжные, все семеро, пристроились на ступенях ниже судейских мест. Они все смотрели на Эйвана или на Даверака, который сердито посматривал на него из-за спин трех своих поверенных.

Позади них вдоль стены выстроились свидетели.

— Не оглядывайся, но только что вошли твои сестры, — сказал Хатор, осматривая зал. — Одна из них выглядит ужасно бледной.

— Которая?

— Откуда мне знать? Они со священником и с еще одним господином.

— Священник — это, должно быть, Пенн, но я не понимаю, что еще за господин. Можно я взгляну? — забеспокоился Эйван.

— Это производит не лучшее впечатление на присяжных, если ты вертишься. Не волнуйся, господин идет к нам.

Эйван поднял голову и увидел бронзового дракона шестидесяти футов. Он узнал его еще до того, как тот представился. Эйван помнил Шера еще со свадьбы Пенна и с каникул, которые он проводил в Агорнине драгонетом.

— Добрый день. Я — Благородный Шер Бенанди, — сказал тот приятным голосом. — Я помолвлен с твоей сестрой Селендрой.

— Мне об этом не говорили, — сказал Эйван. — Поздравляю.

Первое, о чем он подумал, — это о преждевременном изменении окраса Селендры в Агорнине. Значит, пронесло? Он не мог спросить этого прямо.

— Поздравляю, — вставил Хатор. — Однако в любой момент могут выйти судьи, вам лучше вернуться к стене.

— Все произошло совсем недавно, — сказал Шер, полностью игнорируя эти слова. — Дело в том, что вчера у меня появились причины бросить вызов Даверaку, усомнившись в его праве принадлежать к ордену Сиятельных. У него было время прислать секундантов, но он, похоже, с этим не справился. Я буду требовать сегодня, прямо в суде, чтобы он дрался со мной. Я хотел бы сделать это так, чтобы не помешать рассмотрению твоего иска.

— Вы планируете его убить? — спросил Хатор. Эйван смог только разинуть пасть от удивления.

— О да, — сказал Шер непринужденно.

— Посчитают ли они это честным поединком? — Хатор указал когтем в сторону ступенек для присяжных и судейских кресел.

— О, я думаю, что да. Он на десять футов короче меня, но у него уже есть огонь, а у меня нет. Несомненно, они разрешат нам драться как положено, прямо здесь. И потом, судьи, должно быть, захотят посмотреть, как прольется кровь. Но я также хочу, чтобы и этот иск против Даверака был разрешен.

— Тогда подождите до его окончания, — сказал Хатор. — Мы выиграем. Посмотрите на присяжных.

— Нет, я должен это сделать до того, как вызовут Преподобного Агорнина для дачи показаний, — сказал Шер.

— А! — сказал Хатор. — Тогда подождите, пока я не установлю, в чем заключалась воля покойного, и не докажу, что Даверак подлец.

— Он запер Почтенную Эйнар Агорнин и морил ее голодом, пытаясь запугать и принудить дать нужные ему, но ложные показания, — сказал Шер. В этот момент Эйван просто обязан был рискнуть и бросить быстрый взгляд назад. Селендра выглядела прекрасно, и шляпа ее была украшена драгоценностями, но она сияла чистым золотым цветом. Золотая? По-прежнему? Что Шер об этом думает? Эйнар выглядела бледной, как сказал Хатор, но решительной.

— Ага. Можете вы это доказать? — спросил Хатор, не выказывая никакого беспокойства по поводу этих тревожных новостей.

— Если только вы сможете вызвать слуг Даверака, иначе это будет свидетельство только мое, самой барышни и ее брата Пенна.

— Свидетельство драконицы не примут в рас-

чет, но с вами и со священником я смогу доказать это присяжным.

— Пенн Агорнин абсолютно точно не может быть допрошен на этом процессе, — сказал Шер.

Хатор задумался. Эйван попытался спросить, почему нет, но Хатор поднял коготь, чтобы остановить его.

— Как именно он ее запер? — спросил Хатор.

— В ее спальной пещере, навалив камней перед дверью, — сказал Шер.

Появились судьи.

— Будьте готовы бросить вызов, когда я подниму Даверака и спрошу об этом, — прошептал Хатор, после чего сделал движение, отсылая Шера обратно к стене.

Эйван был ошеломлен. Он старался понять, проснулся ли он вообще этим утром, или все это просто сон. Он так долго ждал этого суда, а теперь кажется, что его дело разваливается. И еще Себет, где Себет?

Хатор встал, чтобы обратиться к судьям, надев защит-парик.

— Достопочтенные, это дело затрагивает интересы трех молодых драконов, которых обошли при дележе их наследства, в результате давления со стороны их более могущественного зятя.

Досточтимый Бон Агорнин оставил завещание, которое будет вам зачитано. В нем он заявляет, что оставляет все свое состояние на момент смерти трем младшим детям; двое его старших детей, будучи уже устроенными его же усилиями, должны получить только символическую долю. Старший сын, Преподобный Пенн Агорнин — священник с приличным содержанием, а старшая дочь, Сиятельна Беренда Агорнин, которая была жива на тот момент, но с тех пор умерла своей смертью, была замужем за Сиятельным Давераком. Мне, как поверенному Бона Агорнина, а также всем членам семьи было ясно, что богатство, о котором он говорил, включало и его тело. Достопочтенные! Пусть не все мы тут господа, которые поедают в своих поместьях драконов, которые слишком слабы, чтобы выжить. Но мы все свободные драконы, которые надеются в надлежащее время вкусить от наших родителей и благодаря этому вырасти, как должно драконам. Эйван, Селендра и Эйнар Агорнины, драконы не более чем Почтенного звания, были лишены этого своего права, подтвержденного намерением их отца, через самочинство и самоуправство того, кто сам является господином, кто должен был быть их защитником, их зятя, Сиятельного Даве-

рака. Я покажу вам, Достопочтенные, как Даверак потребовал более одного укуса, полагавшегося ему по праву, и как он, его жена и их драгонеты, те, кто из всей семьи Бона Агорнина менее всего нуждались в драконьей плоти, добились того, что поглотили бóльшую часть его тела. Я покажу вам, что входило в намерения Бона Агорнина, я покажу вам, как Сиятельный Даверак запугивал своих свояченицы, и я покажу вам, как он пытался угрожать и запугивать своего шурина Эйвана, и что это не увенчалось успехом.

Досточтимый Джеймани встал, чтобы ответить на это от имени Даверака.

— Достопочтенные, Бон Агорнин действительно завещал распределить свое золото так, как описал мой коллега, — начал он. — Сиятельный Даверак никогда этого не оспаривал. Но золото и плоть дракона — не одно и то же, как мы докажем. Эйван Агорнин дал своей жадности возобладать над благоразумием и потребовал больше, чем положенная ему доля тела отца. Если все обстоит так, как говорит мой коллега, — тут он указал кончиком крыла на Хатора, — то почему имена двух других сестер не появились рядом с именем Эйвана в этом иске, почему они тоже не чувствуют себя ущемленными? Здесь мы

имеем дело с неприкрытой жадностью молодого дракона. Он и не планировал довести это дело до суда, он надеялся, что Сиятельный Даверак, его зять, урегулирует с ним это дело, выдав ему сколько-то драконьей плоти, чтобы утолить его жадность, и поделится с ним дарами поместья Даверак. Таким образом, Эйван Агорнин надеялся нажиться за счет удачного замужества своей сестры. Я представлю вам свидетельства о его характере, Достопочтенные. Он авантюрист. Он не женат, но делит жилище со своим клерком, драконшей, которую он нашел на улице, которая даже не обладает почтенным статусом. Он живет с ней, как с женой. Он работает в Департаменте Планирования, где ему регулярно предлагают взятки. Вы услышите свидетельство его коллеги. Вы услышите свидетельство его брата, Преподобного Агорнина, о том, что в точности сказал Бон на смертном ложе, при котором тот состоял. Вы услышите, что пастор Андертора, Преподобный Фрелт, говорит о намерениях Бона и об обычаях этого края. Вы увидите, Достопочтенные, как он преследовал Сиятельного Даверака и даже добился расстройства его здоровья.

Джеймани снова сел во всем великолепии своего парика. Эйван, не поворачиваясь, выгнул шею,

чтобы увидеть Кеста среди свидетелей Даверака. Если бы он знал, он мог бы привести сюда Лиралена, чтобы тот свидетельствовал о его упорной работе и добром характере, но он не знал. Теперь слишком поздно.

Следующая часть процесса прошла в основном так, как Эйван и Хатор планировали. Хатор восхитительно жонглировал своими париками, завещание Бона было зачитано, уважаемые драконы, включая самого Хатора, на время лишенного парика, выходили в центр круга, чтобы свидетельствовать о том, что имелось в виду под «всем его богатством», а именно: включает ли «богатство» также и тело. Поверенные Даверака оспаривали всё и опрашивали всех. Затем Хатор добился зачтения угрожающего письма Даверака Эйвану, несмотря на многочисленные возражения.

— Могу ли я просить вашего снисхождения, Достопочтенные? — спросил Хатор с поверен-париком на голове. — Я собирался далее вызвать Почтенную Эйнар и Почтенную Селендру Агорнин, чтобы заслушать их показания о намерениях их отца и о давлении на них со стороны Даверака. Но, кажется, запугивания Даверака довели Почтенную Эйнар до того, что она слишком пло-

хо себя чувствует, чтобы говорить. Она здесь, в суде, но я не решаюсь вызывать ее с учетом обстоятельств. Вместо этого я хотел бы вызвать Даверака, чтобы он сам высказался о своем характере.

— Возражаю! — выкрикнул Мустан, Вопрошатель Даверака.

Даверак и Джеймани срочно совещались.

— Я не вижу причин, по которым его нельзя было бы вызвать, — устало сказал черночешуйный судья, глядя поверх Эйвана, без сомнений, на Эйнар.

Даверак вышел в центр круга. Он выглядел встревоженным. Хатор дал ему постоять минутку, пока переодевался в защит-парик, чтобы задать вопросы.

— Вы — Сиятельный Даверак из Даверака? — спросил Хатор.

— Да, — сказал Даверак.

— Вы были женаты на Почтенной Беренде Агорнин?

— Да, — это прозвучало довольно нетерпеливо.

— У вас трое драгонетов?

— Нет. Двое. Один умер.

— Мне очень жаль это слышать. Я полагаю, что ваша жена также умерла, вслед за своим отцом.

— Да.

— Какой неудачный для вас год, — сочувственно сказал Хатор. Один или двое свидетелей засмеялись. Судьи грозно нахмурились на это. — Я не вижу нужды спрашивать вас о смертном ложе Бона Агорнина. Никто не оспаривает факт того, что случилось, а только намерения, которые стояли за этим, правильно?

— Да, — ответил угрюмый с виду Даверак.

— После смерти Бона вы взяли одну из его дочерей под свою защиту?

— Да.

Хатор подождал, чтобы суд убедился в том, что Даверак не собирается к этому ничего добавить. — Эйнар Агорнин?

— Да, Эйнар, — отрезал Даверак.

Вопрошатель Даверака вскочил на ноги.

— Возражение! — выкрикнул он. — Какое отношение к делу имеют подобного рода вопросы?

Хатор сдернул свой защит-парик и, держа его когтем, надел запрос-парик и посмотрел на судью.

— Я пытаюсь установить факт грубого обращения Даверака со своими родственниками. Я прочитал его письмо к Эйвану. — Было видно, как Мустан покачал головой в ответ на это. — Те-

перь я хочу выяснить, как он обращался с Эйнар и Селендрой.

— Это не имеет никакого отношения к иску, — сказал бронзовый судья.

— Это имеет самое прямое отношение к тому, почему его сестры не присоединились к иску Эйвана, — мой коллега пытался толковать это по-своему, а я хочу доказать, что есть и другая интерпретация, — отозвался Хатор.

— Что ж, — сказал судья, — продолжайте, но коротко.

— Да, Достопочтенный. — Хатор снова поменял парики, и очень быстро. — Сиятельный Даверак, если коротко, то почему, по-вашему, Эйнар Агорнин чувствует себя недостаточно хорошо, чтобы давать сегодня показания?

— Она нездорова, — сказал Даверак. — С драконицами время от времени случаются недомогания.

— Я заявляю, что вы заперли ее в ее спальной пещере и морили голодом.

— Ерунда!

По залу прокатился ропот. Эйван видел, как драконы изгибают шеи, чтобы увидеть Эйнар.

— Я заявляю, что вы навалили камней перед ее дверью, чтобы не дать ей выбраться.

— Она нездорова.

Мустан уже был на ногах.

— Возражение! Есть ли какие-нибудь доказательства этого?

Шер встал и вышел вперед.

— Достопочтенные, могу ли я говорить? — спросил он.

Даверак ощерился.

— Кто вы? — спросил бронзовый судья.

— Я Благородный Шер Бенанди, и я здесь, потому что я помолвлен с Почтенной Селендрой Агорнин.

— С Селендрой, не с Эйнар? — спросил судья для ясности, глядя в бумаги перед собой.

— С Селендрой, Достопочтенный. Селендра жила со своим братом, Преподобным Агорнином, в Бенанди, где он служит моим священником.

— Ну что ж, продолжайте, — сказал судья.

— Вчера вечером я посетил Сиятельного Даверака в Доме Даверака. Там я обнаружил, что Эйнар посажена под замок и голодает, в точности как описал поверенный.

— И вы ничего при этом не сделали? — спросил судья.

— Я забрал Эйнар в Дом Бенанди, где она остается на попечении моей матери. Я также

немедленно бросил вызов Даверaку, но он не прислал мне своих секундантов. Я снова бросаю ему вызов здесь, перед всеми вами.

Джеймани сел и опустил голову на землю. Даверак зарычал.

— Даверак, ты — позор для ордена Сиятельных, — сказал Шер. — Я повторяю это в третий раз. Будешь ли ты драться, или мне следует добавить обвинение в трусости к перечню твоих бесчестий?

Даверак рванулся вперед, изрыгая пламя из пасти, и отшвырнул в сторону Хатора. Все закричали. Драконица завизжала. Эйван пригнулся, когда Шер прыгнул над его головой, выкатывая Даверака в центр круга.

Эйван услышал, как черный судья говорит что-то вроде: «Совершенно не по правилам!» Стражники вышли вперед, но бронзово-ржавый судья отослал их движением крыла. Шер и Даверак катались по полу, скребли когтями и били хвостами. Хатор нырнул под стол рядом с Эйваном.

— Не совсем то, что я ожидал, — сказал он. — Обычно они ждут разрешения.

Схватки редко длятся долго, даже смертельные. Эта казалась бесконечной, но на самом деле

прошло меньше пяти минут, когда клубок драконов, вращающих глазами, изрыгающих огонь и рвущих когтями, распался. Даверак лежал бездыханный, а Шер, опаленный и окровавленный, победоносно возвышался над ним. Селендра тут же бросилась зализывать раны победителя. Прямо на глазах у Эйвана, когда она прижалась к боку Шера, она зарделась как настоящая невеста, окрасившись из золотого в великолепный и блистательный оттенок розовых роз.

Хатор в запрос-парике, крепко нахлобученном на голову, поднялся на ноги. Защит-парик был утрачен где-то на полу среди кровавой мешанины.

— Мне кажется, что мы услышали достаточно по этому делу, — сказал он.

— Почтенные присяжные? — спросил ржаво-бронзовый судья.

— Эйван, — сказал один из них.

— Эйван, — согласились другие.

— Мы решаем в пользу Эйвана Агорнина.

Хатор ухмыльнулся Эйвану.

— Очистить суд, — сказал судья, и, возможно, в этот раз у него было больше причин так выразиться, чем обычно, когда произносят эти слова.

XVI. Вознаграждения и свадьбы

60. Рассказчик вынужден признаться, что потерял счет как предложениям, так и признаниям

Когда Эйван вернулся из суда, едва волоча ноги, Себет уже была дома, в спальной пещере. Она ответила на его свист, когда он спускался вниз. Облегчение его было неописуемым. Он улыбнулся, стараясь не подать виду, как беспокоился.

— Привет, Себет, — сказал он как можно более небрежно, бросаясь на камни их ложа.

— Как все прошло? — спросила она, улыбаясь.

— Очень хорошо, но совершенно неожиданно. — Он представил ей краткий отчет о заседании, еще больше скомкав рассказ, когда заметил, что она, похоже, не так уж заинтересована. — Потом, поскольку Даверак был мертв и они решили в мою пользу, Шер сказал, что я могу угощаться. Так что Пенн забрал глаза, присяжные взяли свою долю, а потом я и Эйнар поделили его тело прямо там, в суде. Шер и Селендра взяли только по символическому кусочку. Было такое впечатление, что мы вернулись в прошлое и, наконец, всё сделали правильно.

— Так ты доволен компенсацией?

— Это очень странно, — сказал он. — В каком-то смысле — совсем нет, потому что иск так и не разбирали, не было надлежащего вердикта присяжных и всего, что положено. Я никогда не желал Давераку смерти, хотя, если бы я знал, как он обращался с Эйнар, наверное, пожелал бы. Она будет теперь жить с Селендрой и Шером.

— Я рад, что ты хорошо подкрепился, — сказала Себет. — Тебе это понадобится.

— Почему? — глаза Эйвана завертелись от любопытства. — Ты хочешь, чтобы я с кем-нибудь дрался?

— Может, и захочу, — сказала она. — Но сначала послушай, я тебе кое-что не рассказывала.

— Ты мне много чего не рассказывала, но таково было наше соглашение. Ты и не должна рассказывать то, о чем не хочешь говорить, — мягко сказал Эйван.

— Теперь хочу. Ты помнишь, что я тебе говорила о своем Высокородном отце?

— Как такое можно забыть? — Эйван потряс головой. — Это одна из самых печальных историй, что я когда-либо слышал.

— Он умер.

— Мы не можем пойти и заявить права на твою

долю, — сказал Эйван, представляя себе огромных Великородных братьев и кузенов. — Я знаю, что это несправедливо, но мы просто не можем.

— Дело не в этом. Слушай. Я хочу сказать тебе кое-что. Я ходила повидаться с ним вчера, вот где я была все это время. А в большинстве других случаев, когда ты не знал — где я, я была в церкви.

— В церкви, — моргнул Эйван.

— Не в вашей церкви. — Она нервно крутила пальцами. — В церкви Старой Веры. Я старовер, прихожанин церкви Истинной Веры.

Эйван не мог придумать, что на это сказать.

— Я никогда особо не верил в твоих других любовников, — сказал он через мгновение. — Как-то непохоже было.

— У меня не было никаких любовников с тех пор, как я с тобой, — сказала она. — Но что ты думаешь о Старой Вере?

— Я не знаю, — он нахмурился. — Мой брат, наверное, посинел бы от такого известия, но он о тебе все равно не знает ничего, кроме того, что ты существуешь. Я, в любом случае, не самый религиозный дракон, Себет. Я полагаю, что это должно меня беспокоить, но на самом деле совсем не беспокоит, если ты этого хочешь и ты от этого счастлива. Я никогда не вмешивался в твою

жизнь, ты же знаешь.

— Я знаю. — Она все еще выглядела непривычно неуверенной. — Дело в том, что мой отец тоже был старовером.

— Высокородный старовер? — глаза Эйвана завертелись снова.

— Втайне. Я тоже буду хранить это в тайне, по крайней мере пока, а может быть, и всегда, если не изменится порядок вещей. Преподобный Калиен, это мой священник, говорит, что так надо. Но очень важно, чтобы я воспитывала всех своих драгонетов в лоне Истинной Церкви, поэтому я должна тебя спросить, что ты об этом думаешь.

— Драгонетов? — Насколько Эйван знал, Себет тщательно избегала любой еды, которая способствует кладке. Он не мог ослышаться. — Я бы хотел, чтобы мы поженились и завели драгонетов, но мы, вероятно, не можем себе этого позволить. Или твой отец тебе что-то оставил?

— Мой отец, Высокородный Телсти, сделал меня своей наследницей, — сказала она.

— Наследницей? — Эйван не сразу смог в это поверить. — Ты будешь Высокородной, как Кест тебя обзывал?

— Кест даже не представляет, как он угадал, — сказала она и рассмеялась. — Он понятия не

имел, насколько это меня ранило, потому что было почти правдой.

— Это поразительно, — сказал действительно пораженный Эйван.

— Итак, — сказала Себет, и в ее голосе не было и намека на обычную дразнящую интонацию. — Я буду Высокородной, но мне нужен муж, и я подумала… Тебе придется поменять имя. Я могу найти кого-нибудь еще, если ты не захочешь. Есть этот мой ужасный кузен, и найдется еще немало желающих драконов.

Челюсть Эйвана отвисла.

— Я не могу поверить, что все это происходит на самом деле, — сказал он. — Если это сон — то очень хороший. Себет, когда ты не вернулась домой, я думал о том, насколько сильно привязался к тебе, сильнее, чем когда-либо намеревался. Я боялся, что никогда тебя снова не увижу. Я не мог на тебе жениться, тогда это понизило бы наш статус до нуля — смысла не было. Я думал, что, может быть, когда-нибудь мы сможем это сделать или, может быть, твой отец оставит тебе немного золота и я смогу забрать Агорнин обратно у кузена Даверака Вримида и отвезти тебя туда. Я уже подрос, и после победы в суде у меня появится репутация, и еще имеются друзья в Ириете. Но

сейчас ты мне предлагаешь богатство и положение, которые находятся за пределами моих самых буйных мечтаний. Ты предлагаешь мне, а не я тебе. Я никогда не ухаживал за тобой, как положено ухаживать за драконицей или за женой, ты была моим клерком, моей любовницей. Даже несмотря на то, что ты мне очень дорога, я не знаю, могу ли я вот так принять положение из твоих рук.

— Это было да или нет? — спросила Себет, сжавшись как пружина.

— Я не знаю, — ответил Эйван. — Что, если бы я попросил тебя отказаться от имени Телсти, поехать со мной в Агорнин и там выйти за меня?

Она поколебалась.

— Я обещала моему отцу, — сказала она. — Я никогда ни у кого не искала защиты, и у тебя тоже. Мы были партнерами, так я сказала моему отцу. Это то, чего я сейчас хочу — не быть женой, чтобы ты владел мной, как вещью, я хочу продолжать наше партнерство, сама принимать решения.

— Это почти как если бы я стал твоей женой, — сказал Эйван в нерешительности.

— Почему бы нет? Партнерство. Две жены — это может сработать лучше, чем два мужа. Ну, давай же, Эйван, разве ты не хочешь стать Высокородным Телсти, разбогатеть и хорошо провести

время? — Она улыбнулась ему, дразня его глазами, как прежде, и он потянулся к ней.

— Так вот это ты предлагаешь? — спросил он, и она нежно укусила его за губу. — Тогда я согласен, — сказал он. — Это очень странно, но я согласен. Прекрасная драконица, полцарства и титул — выше Высокородных никого нет.

— Чем же мы теперь займемся? — спросила Себет, глядя на него из объятий. — По традиции в этом месте я должна зардеться, но я и так уже розовая.

И здесь мы тихо опустим занавес над следующим предложением Эйвана.

61. Сестры вспоминают о своем обете

Благородна Бенанди ничего не сказала, когда Селендра вернулась из суда вся розовая, обнимая Шера. Глаза Благородной медленно завертелись, и она плотно сжала губы. Шер был ранен в нескольких местах, но сиял.

Эймер и Фелин проводили Эйнар в ее комнату.

— Я должна поговорить с Селендрой, — сказала Эйнар. — Мне гораздо лучше, хотя я думала, что лучше уже никогда не будет. — В ее окраске было определенно больше жизни, чем раньше.

— Это чудеса, которые творит драконья плоть, — сказала Эймер знающим тоном, хотя никогда в жизни не отведала ни кусочка. Она помогла своей хозяйке устроиться на золоте. — Ты поправишься. Вот и хорошо, я бы никогда не простила себя за то, что отпустила тебя одну, если бы он тебя убил.

— Ты не смогла бы ничего сделать, — сказала Эйнар со слезами, выступившими на глазах. — Он сожрал Ламит за то, что та пыталась меня прикрывать. Просто слопал. Он бы сделал то же самое с тобой, только еще быстрее, потому что ты старая.

— Он был позором своего рода, — вставила Фелин.

— Положение рабов — вот что позор для рода драконов, — сказала Эйнар запальчиво.

— Тебе надо отдохнуть, — ласково сказала Фелин.

— Я не могу отдыхать, пока не поговорю с Селендрой, — сказала Эйнар.

Эймер и Фелин обменялись взглядами, и Эймер едва заметно кивнула.

— Я найду Селендру, а потом тебе действительно надо успокоиться. Достаточно волнений для одного дня, — сказала Фелин.

— Ты что-то упоминала о положении слуг в письме к Чтен' Сел, — сказала Эймер наобум.

— Я уже давно и много об этом думаю. Это не только из-за Даверака, хотя жестокость со слугами в Давераке раскрыла мне глаза. Это в целом — неправильно. Связывать крылья — это неправильно.

— Это Ярги начали связывать крылья, — сказала Эймер, отворачивая морду.

— И нам следовало прекратить это, как только мы от них избавились, — сказала Эйнар с напором.

Вошла Селендра, вся розовая. По правде говоря,

розовый цвет шел ей куда меньше, чем девственный золотой. Без сомнений, через некоторое время она поменяет розовый на красный, в сочетании с которым ее фиалковые глаза снова заиграют. Пока же, хотя необходимо описывать всех невест как прекрасных, скажем только, что Шер определенно находил ее более прекрасной, чем любое зрелище, которое когда-либо созерцал. Она была такая розовая и так несла свою рдяность, что никакие другие описания не требовались.

— Что случилось? — спросила она. — Все ли хорошо с тобой?

Эйнар посмотрела на Эймер.

— Я пойду, если я вам не нужна, — сказала Эймер.

— Да не в этом дело. Ты знаешь все наши секреты, — сказала Эйнар и сумела даже засмеяться. — Мы поговорим потом.

— Ты выглядишь много лучше, — сказала Селендра, с беспокойством оглядывая сестру.

— Я и чувствую себя лучше, — сказала Эйнар. — Мои поздравления, Селендра. Я только хотела спросить, ты уже пообещала Шеру все шестнадцать тысяч крон?

— Ты можешь жить с нами, Эйнар, Шер говорит,

что будет рад тебе, — заверила Селендра сестру.

Эйнар колебалась:

— Я буду счастлива жить с вами. Только мы же говорили о том, что не обручимся без согласия друг друга и что ты вообще не собираешься замуж.

— Так и было, — подтвердила Эймер.

— Я не забыла, — согласилась Селендра. — Такой был план, когда я думала, что навсегда останусь золотой. Он сделал предложение, а я так его полюбила, но не изменила цвет. Я решила, что числа Эймер выпали не в мою пользу. Но смотри! Я была не права. Я просто порозовела прямо в суде, все оказалось так легко.

— Зачем же ты обручилась с ним, если думала, что не сможешь изменить цвет? — спросила Эйнар.

— О, это из-за его матери, — сказала Селендра. — Я думаю, теперь она меня возненавидит навсегда и всякий раз при встрече будет смотреть косо. Но сейчас слишком поздно что-то менять, даже если бы я могла. — Вдруг ужасная мысль посетила ее. — Эйнар, ты же одобряешь Шера?

— Он, похоже, прекрасный дракон, — сказала Эйнар. — Я вижу, что ты уже не можешь передумать, слишком поздно. Я бы не хотела, чтобы ты

об этом беспокоилась, и я уверена, что ты будешь очень счастлива. — Слеза скатилась по ее морде. — Просто дело в том, что я сама обручилась с Досточтимым Лондавером. Помнишь его? Я ему сказала про шестнадцать тысяч, но полагаю, что ты уже обещала их Шеру? Ну и ладно, я просто подумала, что узнаю, что там с приданым.

— Если тебя беспокоят только деньги, то я теперь богата, — сказала Селендра, вспомнив. — Вонтас, Герин, Шер и я нашли сокровища в горах. Шер настаивает, что четвертая часть — моя. Сколько тебе нужно, чтобы выйти за Лондавера? Я могу дать за тобой приданое, как же здорово!

Селендра засмеялась, а Эйнар немножко поплакала, потому что это было так неожиданно и потому что она ожидала разочарования, а вышло нечто совершенно противоположное.

— Я напишу Лондаверу прямо сейчас, немедленно, — сказала она.

— Тебе надо отдыхать, — сказала Эймер.

— И драгонеты хотят тебя видеть. Драгонеты Даверака, я имела в виду. Ну, Герин и Вонтас тоже хотели бы тебя видеть, но маленькие Давераки напуганы без тебя. Шер и я привели их сюда, но они нас толком не знают.

— Отправьте их к нашим драгонетам, — посове-

товала Эймер. — Это для них будет лучше всего.

— Я должна повидать их и утешить, но только через минутку, — сказала Эйнар, привставая. — Я чувствую себя гораздо лучше. Я повидаюсь с ними, потом они могут играть с вашими драгонетами, а я напишу дорогому Лондаверу, чтобы сообщить, что он должен прибыть в Ириет так быстро, как могут носить его крылья.

62. Бал у Высокородных Телсти

— Я думаю, что это полная чушь и надо с ней поскорее закончить, — сказала Благородна. — Мой изумруд не съехал, Фелин?

Они ждали в очереди на ступеньках Дома Телсти, в квартале Юго-Запад, чтобы быть принятыми новой Высокородной и ее суженым, предположительно новым Высокородным.

— Нет, сидит ровно, — сказала Фелин, прикладывая лапу к собственному головному убору. Вонтас настоял, чтобы она надела золотую диадему из пещеры, а она сумела найти шляпницу, которая наспех изготовила под нее шляпу с черной и белой овчиной и темно-зелеными лентами. Она опасалась, что Благородна не одобрит, пока, надев ее, не увидела глаза Пенна, после чего она уже больше не заботилась о том, что подумает Благородна.

— Когда Шер стал Благородным, он просто пошел в Ассамблею на ближайшую сессию и занял место своего отца. Рискну предположить, что несколько драконов его с этим поздравили, и мы еще устроили небольшую вечеринку, на которой никто не стоял в очереди, как здесь.

— У Высокородных все иначе, — сказал Пенн утешающе. — Мы уже скоро попадем внутрь. Наша очередь следующая.

— Никто даже не знает, кто он такой, — пожаловалась Благородна.

— Она — дочь покойного Высокородного, — сказала Фелин. — Загадка в том, где она была все это время.

— Я не думаю, что мы когда-либо узнаем, — сказал Пенн. — Это будет ударом для семьи Геленер.

— Ужасным ударом, — согласилась Благородна.

— Правда ли, что Геленер выходит за Фрелта? — спросил Пенн, не в силах скрыть некоторую неприязнь в голосе.

— Я думаю — да, — сказала Благородна. — Я не понимаю, о чем думают ее родители.

— Может быть, она его любит? — предположила Фелин.

— Эта ледяная глыба? — фыркнула Благородна. — Кстати, о льде. Я сама превращаюсь в ледышку. Пора бы им нас уже впустить. Я не привыкла ждать, стоя под снегом.

Шер и Селендра уже прошли вместе с Эйнар и Лондавером, оставив Пенна и Фелин в качестве эскорта Благородной. Они, вероятно, были уже

внутри, подумала Фелин с завистью. Задержка произошла оттого, что каждого дракона или пару драконов объявляли отдельно и представляли новой Высокородной.

В этот момент к подножию лестницы подкатила упряжка с очень странным гербом на повозке. По толпе ожидающих драконов прошел ропот, за которым последовало беспокойное перешептывание.

— Ярг!

— Посол Яргов, несомненно, — сказал Пенн. — Я же говорил, что с Высокородными все по-другому. Ярги верят, что если мы когда-нибудь выберем новое Величество, то выбирать будут среди Высокородных, и поэтому они встречаются с каждым новым Высокородным, чтобы вручить свои верительные грамоты.

— А если нет? — спросила Фелин.

— Я не знаю о таком случае, когда они бы не признали нового Высокородного. Все это в целом — нонсенс, как сказала Благородна. Во-первых, мы никогда не выберем новое Величество. По прошествии такого долгого времени сама эта идея кажется отвратительной. Во-вторых, если бы мы выбирали, мы бы не смотрели только на Высокородных, любой благороднорожденный

дракон мог бы быть выбран.

Фелин с любопытством посмотрела на экипаж, который был весь отделан деревом.

— Какое им вообще дело до того, есть у нас Величество или нет?

— О, это потому, что у них есть собственные Величества, во всех их маленьких уделах, и они думают, что страна без Величества не сможет воевать с ними.

— Но на границах всегда были войны. Мой отец был убит на одной из них, — запротестовала Фелин.

Часть деревянной обивки экипажа сдвинулась, и Фелин поняла, что это была дверь. Благородную передернуло так сильно, что Фелин почувствовала это и повернулась к ней.

— Я могу вам помочь?

— Я никогда не любила их, — сказала Благородна очень тихо. — Они убили Благородного Маршала, моего мужа. Они отвратительны.

— Посол… — начал Пенн утешающим тоном, когда дверь наверху лестницы открылась.

— Следующий, — объявил слуга.

— Ваша очередь, Благородна, — сказала Фелин.

— Вы идите, я еще немного здесь подожду. Чувствую небольшое головокружение.

Фелин готова была поспорить, но Пенн взял ее за лапу и повлек вперед. Фелин назвала слуге их имена. Их внесло в ослепительную бальную залу, полную великолепных драконов, и было объявлено: «Преподобный Пенн Агорнин и Преподобна Фелин Агорнин, Приход Бенанди».

— Я чувствую себя немного мошенником из-за того, что сохранил мой приход, когда должен был его потерять. Все еще не знаю, может быть, следует признаться во всем, — прошептал Пенн.

— Боги тебя уже достаточно наказали тем, что ты все еще казнишь себя за содеянное, — ответила Фелин со всей доступной ей строгостью.

Затем они ступили вперед и поклонились новой Высокородной, которая очень ловко поклонилась им в ответ. Она была розовой, как невеста, и очень красивой, подумала Фелин, с прекрасно оформленным хвостом. На ней была вуаль и небольшая диадема. Дракон рядом с ней, будущий Высокородный Телсти, выступил вперед и обнял Пенна.

— Эйван! — сказал Пенн придушенным голосом. Высокородный испустил весьма не высокородный вопль.

— Мы уже проделали все это с Эйнар и Селендрой, — сказал Эйван. — Я хотел вас предупредить,

но Себет подумала, что будет веселее не делать этого. Познакомьтесь с моей нареченной, Себет, Высокородной Телсти.

Снаружи Благородна слегка склонила голову, чтобы не видеть посла Яргов. Не только потому, что они убили ее мужа и были наследными врагами. В этом была какая-то глубинная неприязнь, что шевелилась внутри нее, что-то под ее шкурой, может быть, сама природная ненависть драконов к Яргам. Она ожидала, вдыхая холодный воздух и приходя в себя. Невероятный удар постиг ее, когда она подняла глаза, поняв, что характер молчания вокруг нее изменился. Она осознала тотчас, что другие драконы на ступеньках, должно быть, расступились, потому что Ярг оказался рядом с ней у самых дверей.

По ней, так он выглядел крайне отталкивающе. Он едва достигал шести футов в высоту, и в длину был не больше фута, в сущности он был совершенно плоским. На нем была приличная флисовая шляпа, какую мог надеть кто угодно, и большая часть его тела была покрыта тканью и драгоценностями. Руки его были как лапы драконицы, но кожа — мягкая и чистая, без единой чешуйки. Он выглядел слабым и беззащитным без доспехов, и все же против него любой дракон был слаб, как

драконица. На боку его висела оружейная труба, которыми они и превозмогли драконство.

Он поклонился, почти сложившись пополам, и Благородна снова содрогнулась.

— Меня зовут Мхаарг, посол Яхаргов, — сказал он, будто его душили.

Гнусное существо с трудом выговаривает имя своего собственного вида, заметила Благородна.

— Благородна Зайла Бенанди, — сумела она выдавить в ответ.

Дверь отворилась.

— Следующий, — сказал слуга, которому это все уже, похоже, наскучило.

— Прошу вас, — сказал Ярг. Он ждал, когда Благородна начнет двигаться. Ей необходимо было пошевелиться, но ее почти парализовало отвращением. Она сделала шаг, потом другой. Он продолжал сопровождать ее и сообщил их имена слуге.

Внутри происходило повсеместное столпотворение драконов. Благородна в отчаянии оглядывалась в поисках помощи, спасения. Ей казалось, что она попала внутрь кошмара. Кричать она не могла. Здесь были все: каждый лорд Сиятельного ранга или выше были приглашены со всего Тиамата, и многие пришли. Они все увидят, как

она опозорилась. Благородна продолжала шагать рядом с Яргом. Все увидят это — но поймут, что она этого не желала. Она увидела Августейшего Фидрака в толпе. Где Шер? Вероятно, с этой ужасной драконицей, которую он выбрал ей назло. Где Фелин? Фелин, ее настоящая дочь, она желала как-нибудь сообщить ей об этом. Или Пенн? Ее священник был бы идеальным спасителем в этой ситуации. Милосердный Джурале, неужели ни один дракон не придет к ней на помощь?

Вдруг кто-то возник рядом с ней в вихре розового, с прекрасной цепью самоцветов, вплетенной в ленты на ее голове. Селендра. Конечно. Это последнее драконье существо, которое она желала видеть. Благородна посмотрела на Селендру и увидела, что драконица поняла, насколько она напугана. Сейчас она снова ее бросит и отправится праздновать свой триумф.

Селендра рассматривала такой вариант. Она прибыла, чтобы посмотреть, как Благородна воспримет еще одного презренного Агорнина, который станет выше ее по рангу. Ярга она нашла экзотическим и странным, возможно противным, но не парализующе отвратительным. Тени, которые представляли Яргов в театре, были пострашнее. И все же по вращению глаз Благород-

ной она поняла, что та пребывает в запредельном ужасе, не способна к речи, почти не способна двигаться и вообще находится на грани крушения. Не было сомнений в том, что она окажется в неловком положении, когда доберется до Себет. Селендра никогда раньше не видела Благородную, сброшенную с ее пьедестала уверенности в себе. Она знала, что ее свекровь — высокомерная эгоистичная старуха-драконша с чудовищными взглядами на устройство мира. Она знала, что между ними не прекращаются стычки и что, бросив сейчас ее, бессловесную, одну, можно выиграть войну между ними. Благородна ей не нравилась и, вероятно, никогда не понравится. И все же она не могла видеть ее так беспощадно сокрушенной именно в том, что больше всего для нее значило. Только ради Шера, и ради самой себя, и ради драконьего достоинства, которого она заслуживала, если даже ничего более, Селендра вежливо заговорила с ней и отвела в сторону.

Посол Яргов притормозил.

— Прошу вас, проходите, — сказала ему Селендра. — Я должна перемолвиться словом с моей свекровью.

— Разумеется, — сказал Ярг со своим странным акцентом и продолжил: — Рад был знакомству с

вами обеими.

Благородна посмотрела в фиалковые глаза Селендры, ожидая увидеть триумф, а увидела только озабоченность.

— Вы же не против, что я назвала вас свекровью, хотя до свадьбы это не совсем правда? — спросила Селендра, а затем продолжила, не дожидаясь ответа, дав Благородной время собраться. — Я договаривалась относительно свадебного кружева. Оно такое дорогое, потому что его плетут очень долго, но мы вместе с Эйнар покупаем на двоих так много, что они могут дать нам скидку. Может быть, стоит попробовать убедить Высокородную Телсти присоединиться к нам? Пройдемте и познакомимся с ними. Вы знали, что новым Высокородным будет мой брат Эйван?

— Какое множество новых родственников ты нам принесла, Селендра, — смогла сказать Благородна, делая шаг по направлению к новым Высокородным Телсти. Своей лапой она оперлась на лапку молодой драконши. — Я знаю, что у нас были свои разногласия, но ты собираешься выйти за Шера и стать матерью моих внуков, и я бы хотела, чтобы ты знала, что я этим очень довольна в итоге.

Это не было полной правдой, и обе драконши

знали, — почему и в чем именно, — но они кивнули друг другу. И тут, когда Шер подошел к ним, чтобы они все вместе поздравили Эйвана и Себет, а Пенн уже танцевал с Фелин, а Эйнар с Лондавером, а слуги уже носили тяжелые подносы с угощением по всему залу, нам следует оставить их в уютном прибежище их благородного притворства.